ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)»

На правах рукописи

КОСТИН ЕГОР ВИКТОРОВИЧ

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ В СПОРАХ МЕЖДУ УЧАСТНИКАМИ НЕПУБЛИЧНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Лаптев Василий Андреевич

Москва — 2025

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. ДЕТЕРМИНАНТЫ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ В СПОРАХ МЕЖДУ УЧАСТНИКАМИ НЕПУБЛИЧНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ 18

§ 1. Непубличные хозяйственные общества: особенности внутренних отношений 18

§ 2. Юридическая ответственность между участниками корпоративных организаций 30

§ 3. Правовая характеристика споров между участниками непубличных хозяйственных обществ 49

ГЛАВА 2. ОТДЕЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ УЧАСТНИКОВ НЕПУБЛИЧНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ 80

§ 1. Исключение участника непубличного общества 80

§ 2. Ликвидация непубличной корпорации по иску ее участника 92

ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ НОВЫХ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СУЩЕСТВУЮЩИХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ В СПОРАХ МЕЖДУ УЧАСТНИКАМИ НЕПУБЛИЧНЫХ КОРПОРАЦИЙ 102

§ 1. Возмещение отраженных убытков участникам корпораций 103

§ 2. Выкуп доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке 131

§ 3. Принудительная реорганизация корпорации по иску участника 141

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 150

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 154

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена острой необходимостью переоценки существующих и разработки новых правовых подходов в области защиты прав участников непубличных хозяйственных обществ во внутренних конфликтах корпорации[1].

Сложно переоценить вклад, который привносит отечественное предпринимательство, обличенное в организационно-правовые формы хозяйственных обществ, в развитие гражданского оборота. Доктринальная разработка положений, направленных на защиту корпоративных прав участников корпораций, в полной мере отвечает задачам по ускоренной трансформации экономики Российской Федерации и создания благоприятной деловой среды, которые отражены в том числе в распоряжениях Правительства Российской Федерации от 2 июля 2020 г. № 1723-р «Об утверждении плана мероприятий (“дорожной карты”) реализации механизма управления системными изменениями нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности “Трансформация делового климата” “Корпоративное управление, специальные административные районы, оценочная деятельность”»[2] и от 29 декабря 2022 г.№ 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года»[3].

Из этого в том числе следует, что в целях установления надлежащей правовой регламентации для благоприятного ведения бизнеса участники хозяйственных обществ нуждаются в разработке эффективной системы способов юрисдикционной защиты своих корпоративных прав, которая позволит не только восстановить нарушенные интересы, но и предотвратить будущие нарушения с учетом последствий исполненного судебного решения для недобросовестных участников.

---

[1] Принимая во внимание, что действующее законодательство трактует понятие «корпорация» в широком смысле, включая различные организационно-правовые формы, для целей настоящего исследования, термины «корпорация», «закрытая корпорация» и «непубличное хозяйственное общество» будут использоваться взаимозаменяемо для обозначения обществ с ограниченной ответственностью и непубличных акционерных обществ. Это позволит сфокусироваться на анализе специфики функционирования наиболее распространенных форм коммерческих юридических лиц в российской практике.

[2] Собрание законодательства РФ. 2020. № 29. Ст. 4689.

[3] Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (ч. III). Ст. 477.

Несмотря на существенное развитие отечественного корпоративного законодательства за последние 10 лет, а также рост доверия со стороны бизнеса к судебной системе, законодательство и правоприменительная практика не в полной мере учитывают проблематику, возникающую при конфликтах в непубличных хозяйственных обществах именно между участниками.

Указанный прогресс выражается не только в увеличении закрепленных на уровне законодательства и судебной практики способов защиты, но и в качественно новых подходах к разрешению конфликтов, возникающих между участниками. В первую очередь обращает на себя внимание то, что параллельно развиваются как способы защиты прав, связанные с таким компенсаторным механизмом, как взыскание убытков, в том числе с органов юридического лица, так и предполагающие восстановление положения, возникшего до нарушения прав, например оспаривание сделок, в том числе решений собраний.

Наряду с этим при анализе изменений в законодательстве и новых разъяснений Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) не усматривается достаточная проработка вопросов, связанных с защитой прав участников в случае недобросовестных действий других участников, устремленных на удовлетворение своего личного имущественного интереса, пренебрегая корпоративными правами и законными интересами других участников.

Такая модель поведения губительна не только для отдельных участников, понесших убытки от деятельности контролирующих корпорацию лиц, но и для всей корпорации, которая в большинстве случаев впадает в банкротство.

При этом очевидно, что банкротство корпорации ведет к фактической невозможности компенсации добросовестными участниками описанных потерь в связи с отнесением корпоративных требований за реестр требований кредиторов[4].

[4] Указанное следует из абзаца восьмого ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190).

В этой связи обращает на себя внимание такая характерная особенность отечественного правопорядка, как абсолютное преобладание защиты имущественных прав путем предъявления косвенных исков. Такая модель предполагает подачу участником иска от имени и в интересах корпорации, при этом имущественные потери компенсируются именно корпорации, а не участнику.

Таким образом, в российском правопорядке возникает противоречивая ситуация – участники корпораций претерпевают последствия злоупотребления партнерами и менеджментом корпоративным щитом, однако не имеют исчерпывающего инструментария для восстановления нарушенных прав, им в любом случае приходится действовать от имени и в интересах корпорации.

Сверх того, даже в случае полного удовлетворения судом требований о взыскании убытков, заявленных в рамках рассмотрения косвенного иска, экономические потери подлежат возмещению обратно в корпорацию, участие в которой, очевидно, уже не в полной мере соответствует интересам добросовестного участника.

Настоящее исследование направлено в том числе на анализ тенденции к расширению способов защиты прав участниками корпораций, которая, в свою очередь, вполне вероятно, обеспечит преодоление исключительности модели защиты прав участников корпорации путем предъявления косвенных исков и даст участнику защитить свой инвестиционный интерес путем направления правопритязания непосредственно к нарушителю своих прав.

Общим местом как для практики арбитражных судов, так и для ведущих российских исследователей права в последние несколько лет стало определение отношений, лежащих в основе корпорации, в качестве товарищеского соглашения о ведении общего дела в целях извлечения прибыли.

Наряду с этим представляется, что в настоящее время не имеется комплексных исследований, которые бы давали обзор на проблему защиты корпоративных прав участников корпорации как сторон товарищеского соглашения. В этой связи на первый план выходит вопрос о природе

ответственности участника перед другим участником и об их фидуциарных обязанностях.

Не менее важен вопрос о соотношении защиты субъективных прав участника, вытекающих из товарищеского соглашения и роли характерного для рассматриваемых отношений антагонизма мажоритариев и миноритариев в рамках корпоративных конфликтов. Иными словами, с теоретических позиций не в полной мере ясно, чем должен руководствоваться суд при принятии решений о дальнейшей судьбе корпорации: защитой слабой стороны – миноритария, абстрактным интересом юридического лица, интересами мажоритария как лица, которое в наибольшей мере владеет имуществом корпорации, либо рассматривать споры между участниками исключительно как споры, возникающие между равными сторонами обязательственных правоотношений, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Подтверждение тезиса об отходе от примата величины доли участия как основополагающего фактора при принятии решения в контексте защиты прав участников можно найти в разъяснениях ВС РФ, содержащихся в п. 12, 13 и 17 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утвержденного Президиумом ВС РФ 25 декабря 2019 г.[5] (далее – Обзор судебной практики от 25 декабря 2019 г.), которые предусматривают признание недействительными сделок корпорации, несмотря на выраженный интерес мажоритариев совершить такие сделки. Вместе с тем существующие модели способов защиты прав не в полной мере отвечают потребностям споров между участниками корпорации в части окончательного разрешения корпоративного конфликта.

Очевидно, что в начале многих судебных процессов участники корпорации имеют интенцию окончательно разрешить корпоративный конфликт подобно супругам в рамках бракоразводного процесса. К сожалению, действующее регулирование и сложившаяся судебная практика характеризуются формальным подходом к потребности участников устранить противоречия, направляя

[5] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.

участников к совершению различных злоупотреблений, что, в свою очередь, предопределяет снижение экономических показателей корпорации и отечественной экономики в целом. Наряду с этим некоторые правовые позиции, изложенные в судебных актах ВС РФ, дают возможность определить устремление судов, рассматривать описываемые споры комплексно, однако отсутствие соответствующей регламентации детерминирует *de lege ferenda* проработку механизмов, исключающих нахождение корпорации в состоянии неоконченного корпоративного конфликта в случае отсутствия воли сторон продолжать совместную деятельность.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, складывающиеся в связи с защитой корпоративных прав и интересов участников непубличных хозяйственных обществ в спорах, рассматриваемых в арбитражных судах.

Предмет диссертационного исследования составляют действующие нормы права и сложившаяся судебная практика в Российской Федерации и некоторых иностранных юрисдикциях, связанные с реализацией участниками непубличных хозяйственных обществ своего права на защиту в рамках споров с другими участниками корпорации, а также теоретические и практические направления и тенденции в области защиты корпоративных прав участников корпораций.

Цели и задачи исследования. ***Цель*** настоящего исследования состоит в разработке целостной концепции применения способов защиты корпоративных прав в спорах между участниками непубличных (закрытых) корпораций, такая цель включает в себя установление соответствующих подходов к применению существующих способов защиты прав, а также выработку и обоснование внедрения в российский правопорядок концептуально новых способов защиты корпоративных прав добросовестных участников непубличных хозяйственных обществ.

Достижение данной цели обусловило постановку и решение следующих ***задач*:**

1) установить особенности организационно-правовых форм непубличных корпораций, влияющих на возникновение корпоративных конфликтов между участниками;

2) предложить пути совершенствования корпоративного права в части способов защиты корпоративных прав в спорах между участниками непубличных хозяйственных обществ;

3) определить критерий противоправности действий одного участника непубличной корпорации в отношении другого;

4) проанализировать возможные последствия выделения в российском праве категории «прямого иска» в отношении участника корпорации, нарушающего права в качестве способа защиты прав;

5) сформировать предложения по реформированию института исключения участника из непубличного хозяйственного общества с учетом необходимости компенсации личных потерь добросовестного участника корпорации;

6) предложить расширение оснований для удовлетворения иска участника о ликвидации корпорации;

7) определить на основе зарубежного опыта место института взыскания отраженных убытков в российской корпоративном праве и соотнести его с существующими доктринальными положениями о корпоративной ответственности;

8) осуществить анализ института выкупа корпоративных прав участника из непубличной корпорации в российском праве в судебном порядке как способа разрешения конфликта между участниками;

9) критически оценить возможные последствия имплементации в российский правопорядок такого способа защиты корпоративных прав, как принудительная реорганизация корпорации как способа, направленного на урегулирование корпоративного конфликта.

Степень разработанности темы. Исследованию общих вопросов корпоративного права посвящены работы дореволюционных ученых М.М. Винавера, П.Н. Гуссаковского, А.И. Каминки, П.Ф. Писемского,

И.А. Покровского, И.Т. Тарасова, Г.Ф. Шершеневича, М.П. Щепкина и др. В работах указанных ученых не были в полной мере раскрыты вопросы, связанные с защитой прав участников корпораций, вместе с тем их работы заложили основу понимания корпоративных юридических лиц, в частности акционерных обществ.

Для проблематики представленного исследования особый интерес представляют работы советского периода таких ученых, как М.М. Агарков, И.Л. Брауде, А.В. Венедиктов, В.Ю. Вольф, Е.Н. Данилова, М.И. Кулагин, В.В. Лаптев, С.П. Ландкоф. В части освещения вопросов, связанных с осуществлением гражданских прав и их защитой, особое значение имеют работы М.М. Агаркова, С.Н. Братуся, В.П. Грибанова, О.С. Иоффе, Ю.К. Толстого.

На современном этапе развития доктрины корпоративного права можно выделить достаточно широкой круг работ, посвященных проблематике способов защиты корпоративных прав.

В первую очередь обращают на себя внимание узкоспециализированные научные труды, в которых рассматривается проблематика защиты прав участников корпораций, В.К. Андреева, В.А. Белова, Т.С. Бойко, А.В. Габова, О.В. Гутникова, В.В. Долинской, Е.Н. Ефименко, В.А. Лаптева, Д.В. Ломакина, А.А. Кузнецова, В.А. Микрюкова, О.В. Осипенко, С.А. Синицына, Д.И. Степанова, Е.А. Суханова, И.С. Чупрунова, И.С. Шиткиной.

Проблематика защиты прав участников корпораций является предметом диссертационных исследований Е.Ю. Асташкиной, В.А. Гуреева, А.Ю. Глазунова, К.Л. Нор-Аревян, В.А. Русановой, О.М. Родновой и др.

Среди зарубежных исследователей особый вклад в изучение способов защиты прав участников корпораций был сделан такими ученными, как A. Cahn, B.J. De Jong, H. De Wulf, F.H. Easterbrook, H.Fleischer, D.R. Fischel, A.K. Koh, L.Strohn, P.P.de Vries, C. Mitchell, L.E. Ribstein, H. Wiedemann и др.

Несмотря на большое количество работ, посвященных проблематике защиты корпоративных прав и корпоративных отношений, представляется, что соединение вопросов, связанных с ответственностью участников корпорации друг перед другом, не рассматривалось в полной мере в свете именно защиты прав участников.

Множество аспектов рассматриваемой проблемы остаются неизученными, что создает ощутительные трудности в правоприменительной практике. Среди этих проблем можно выделить неясность природы ответственности участников корпорации друг перед другом, а также вопросы, касающиеся механизма применения санкций за нарушение обязательств, вытекающих из товарищеского соглашения, лежащего в основе корпорации. В этой связи данная работа представляет собой авторский взгляд на исследование проблематики нарушения корпоративных прав участниками непубличных хозяйственных обществ и способов защиты добросовестных участников в рамках корпоративных споров.

Теоретическую основу настоящего исследования составляют труды отечественных дореволюционных, советских и современных ученых, являющихся представителями науки гражданского и корпоративного права, среди которых В.К. Андреев, Д. Беккер, А. Беккер, Д.Е. Богданов, Т.С. Бойко, С.Л. Будылин, В.А. Вайпан, А.В. Габов, О.И. Гентовт, А.Ю. Глазунов, А.А. Глушецкий, В.А. Гуреев, С.В. Ерчак, Е.Н. Ефименко, А.В. Ефимов, И.И. Зикун, Д.Ю. Ионова, А.Г. Карапетов, А.А. Копяков, А.А. Кузнецов, В.В. Лаптев, В.А. Лаптев, Д.В. Ломакин, Р.Р. Лугманов, Е.М. Лянгузова, А.Е. Молотников, О.В. Осипенко, С.А. Синицын, Я.А. Смирнова, Д.И. Степанов, Е.А. Суханов, И.Т. Тарасов, И.А. Тимаева, Д.А. Токарев, Ю.К. Толстой, Ю.Е. Туктаров, Р.А. Чичакян, И.С. Чупрунов, А.А. Федосеев, А.И. Шаматонов, И.С. Шиткина, Л.В. Щенникова, М.П. Щепкин, Р.М. Янковский и др.,

Автором были изучены монографии и статьи видных зарубежных исследователей, как занимающихся вопросами корпоративного права в целом, так и непосредственно специализирующихся на вопросах защиты прав и интересов участников закрытых корпораций: J. Armour, B. Black, M. Blair, T. Brinkman, A. Cahn, J. Chaisse, B.J. De Jong, H. De Wulf, F.H. Easterbrook, D.R. Fischel, H. Fleischer, M. Gelter, H. Hansmann, R.C. Illig, M. Jensen, R. Kraakman, P. Koh, A.K. Koh, W. Meckling, S.K. Miller, C. Mitchell, D.K. Moll, H-F. Mueller, V. Röhricht, K.U. Schmolke, Jr H. Scogin, R.T. Slee, L. Strohn, A. Tarassova, H. Wiedemann, L.L. Zhuoyue и др.

Методология и методы исследования. Методологическую основу данного исследования составляют как общенаучные подходы (в частности, диалектический и логический методы, а также методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, аналогии и абстрагирования), так и специализированные юридические методы познания, среди которых сравнительно-правовой, формально-юридический, методы правового моделирования и правового прогнозирования. Также в диссертационном исследовании задействована методология экономического анализа права, что позволяет учесть особенности регулируемых общественных отношений, а также выявить цель и функции конкретных правовых норм.

Например, диалектический метод, использован при рассмотрении вопроса о защите законных прав и интересов участников, с помощью такого метода делается вывод о том, что защита прав в спорах между участниками корпорации не может считаться надлежащей в рамках дел, рассматриваемых на оснований косвенных исков. Аналогия используется в диссертационном исследовании при соотнесении правоотношений, возникающих между участниками непубличных корпораций и товарищей в рамках договора простого товарищества.

Формально-юридический метод использован диссертантом при установлении разграничений отношений между участниками непубличных корпораций с отношениями, вытекающими из соглашений участников об учреждении непубличных корпораций.

В полной мере сравнительно-правовой метод использован при определении положения института отраженных убытков в зарубежных правопорядках и определения его правовой природы в зарубежной доктрине.

Нормативную основу исследования составляют акты гражданского и корпоративного законодательства Российской Федерации, в рамках которых осуществляется правовое регулирование отношений, связанных с защитой прав участников непубличных корпораций, и законодательство иностранных государств, а также проекты нормативных правовых актов.

Эмпирической основой стали решения Конституционного Суда Российской Федерации, а также постановления Пленума Верховного Суда Российской

Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, утвержденные ими обзоры судебной практики, принятые коллегиями данных судов акты по конкретным делам, судебные акты арбитражных судов и органов правосудия иностранных юрисдикций, а также не вступившие в силу проекты нормативно-правовых актов.

Научная новизна настоящей диссертации состоит в теоретически обоснованном выделении в отдельную группу споров, возникающих между участниками непубличной корпорации, и предложении новых для отечественного правопорядка юрисдикционных способов защиты прав. Исследование акцентирует внимание на тенденциях развития способов защиты, предлагает альтернативные механизмы разрешения корпоративных конфликтов между участниками непубличных хозяйственных обществ в судебном порядке.
В работе также предложены универсальные пути решения корпоративных конфликтов, связанных с нарушением корпоративных, в первую очередь имущественных, прав участников.

Теоретическая и практическая значимость работы. С теоретической стороны, выводы, идеи и аргументы, представленные в данной диссертации, способствуют углублению и расширению знаний в области гражданского и корпоративного права, акцентируя внимание на новых подходах к улучшению методов защиты корпоративных прав и интересов участников непубличных хозяйственных обществ.

С практической позиции результаты данного исследования могут найти применение в законотворческой деятельности, особенно в контексте оптимизации законодательства, касающегося защиты корпоративных прав и интересов участников хозяйственных обществ. Кроме того, данные результаты будут полезны в правоприменительной практике, например при разрешении споров, связанных с имущественными правами и интересами участников. Также данное исследование может быть полезным для образовательного процесса, в частности, при преподавании курсов, связанных с гражданским и корпоративным правом.

Основные научные положения, выносимые на защиту. По результатам проведенного исследования автором сформулированы следующие основные научные положения, выносимые на защиту:

1. Обосновано, что возникновение корпоративного конфликта в непубличных корпорациях обусловлено следующими факторами, учёт которых в совокупности определяет надлежащий способ защиты корпоративных прав в спорах между участниками непубличной корпорации:

- субъектный состав лиц (существующее на практике и формально закрепленное применительно к обществам с ограниченной ответственностью небольшое число участников непубличных корпораций);

- степень корпоративного контроля (сочетание феномена неформализованного фактического контроля над корпорацией и выполнения функций работника участниками корпораций);

- ликвидность доли в уставном капитале или акций (отсутствие либо наличие вторичного рынка для их продажи);

- правомочия членов непубличных корпораций (широкий спектр способов применения в предпринимательской деятельности конструкции непубличного хозяйственного общества).

2. Установлено, что при юридической квалификации поведения (действий, бездействия) участника непубличной корпоративной организации в качестве противоправного в отношении другого участника (участников) в целях привлечения к корпоративной ответственности основным определяющим фактором является «фидуциарный элемент» в отношениях, складывающихся между участниками как сторонами товарищеского обязательства. При этом фидуциарный элемент определяется через совокупность критериев ведения общих дел, исполнения обязанности наилучшим для другого участника и корпорации в целом образом, юридической необратимости последствий, а объем корпоративных прав участников, определенный размером их доли в уставном капитале, является вторичным.

3. Аргументировано, что конструкция прямого иска в рамках корпоративного конфликта между участниками непубличного хозяйственного общества, в соответствии с которой восстанавливаются права и законные интересы добросовестного участника, реализуется посредством удовлетворения судом требований на преобразование качественных характеристик складывающихся правоотношений – требования об исключении другого участника из корпорации или о ликвидации корпорации, которые направлены на прекращение или изменение существующего правоотношения между участниками.

4. Определено, что для целей реализации компенсаторных последствий исключения участника из непубличного хозяйственного общества, в частности, выраженных в имущественной выплате действительной стоимости доли в уставном капитале общества, необходимо предоставить участникам корпорации право наряду с основным требованием об исключении заявлять требование о возмещении личных (индивидуальных) потерь, связанных с поддержанием деятельности корпорации при грубом нарушении участником своих обязанностей либо создании препятствий для ее деятельности. При этом под личными потерями понимаются любые экономические, репутационные и иные потери участника, обусловленные поведением исключаемого из общества участника.

5. Обосновано, что ликвидация корпорации по иску ее участника является ординарным способом защиты прав и законных интересов участников корпорации в случае достаточности имущества корпорации для удовлетворения требований кредиторов в порядке, предусмотренном статьей 64 Гражданского кодекса РФ, поскольку применяется, в первую очередь, в спорах между участниками непубличных хозяйственных обществ при наличии у них существенных разногласий (противоречий) по дальнейшему управлению корпорацией без нарушения ими обязанности участников или затруднения ими деятельности корпорации в качестве обязательной предпосылки для удовлетворения соответствующего иска.

6. Доказана потребность развития инструментария прямого иска в рамках конфликтов между участниками корпораций в целях компенсации экономических

потерь заявителя (участника) в размере причиненных ему убытков. Обосновано, что взыскание отраженных убытков как способ защиты корпоративных прав призван разрешать споры непосредственно между участниками; в противном случае указанный институт остается частным проявлением экономических убытков. Предложены ситуации, в которых возможно допустить взыскание отраженных убытков, в том числе:

- несение участником убытков, вызванных недобросовестным участником, при совершении сделок с долями (например, купля-продажа или залог);

- невозможность направления косвенного иска о взыскании убытков в пользу корпорации в случае его тождественности иску, ранее рассмотренному арбитражным судом, либо пропуска срока исковой давности, о котором заявлено корпорацией.

7. Сформулирован авторский подход к содержанию выкупа доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке в качестве способа защиты прав участника непубличного хозяйственного общества. Так, для обществ с ограниченной ответственностью указанный способ предполагает право участника в связи с наступлением определенных обстоятельств либо в силу нарушения обязанностей другими участниками в рамках судебной процедуры произвести отчуждение своей доли участия по действительной стоимости, без применения понижающего коэффициента, самой корпорации или оставшимся участникам. В случае отсутствия оснований для удовлетворения рассматриваемого требования видится справедливым удовлетворить требования участника о выходе из корпорации с учетом компенсации корпорации потерь, связанных с нарушением инвестиционных ожиданий оставшихся участников. В непубличных акционерных обществах представляется возможным обеспечить реализацию указанного права в рамках установленного в абзаце первом пункта 5 статьи 7 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» пятилетнего срока.

8. Предложена конструкция принудительной реорганизации по иску участника как эффективного способа защиты корпоративных прав участников, включающая учёт особенностей конфликтов между участниками корпорации,

приведших к возникновению судебного разбирательства. Обоснована потребность признания за добросовестным участником права выбора в соответствующих случаях имущества корпорации, переходящего либо остающегося на балансе корпорации (в том числе деньги, движимое имущество, недвижимое имущество, результаты интеллектуальной деятельности). Аргументирована невозможность применения такого способа защиты в случаях равного объема корпоративных прав участников корпораций.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Настоящее диссертационное исследование подготовлено и прошло обсуждение на кафедре предпринимательского и корпоративного права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Основные тезисы и предложения, высказанные автором в настоящей работе, нашли свое отражение в научных статьях диссертанта, опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации[6].

Целый ряд ключевых тезисов настоящей работы был также представлен диссертантом в качестве докладов на следующих научных мероприятиях:

1) VIII Международная научно-практическая конференции молодых ученых «Тенденции развития частного права» (МГЮА им. О.Е.Кутафина, 29–30 ноября 2021 г.);

2) Международная научно-практическая конференция «Правовая защита, экономика и управление интеллектуальной собственностью» (Русско-Итальянский Международный университет (Институт) «Рим Университет», 22-24 апреля 2022 г.);

3) Четвертая Международная научно-практическая конференция «Проблемы развития и перспективы предпринимательского права в современных

[6] Костин Е.В. Исключение участника из непубличной корпорации как способ защиты права // Современный юрист. 2022. № 4. С. 54–65; Он же. Отраженные убытки: понятие и содержание // Юрист. 2024. № 11. С. 13–19; Он же. Ликвидация хозяйственного общества по иску участника и исключение участника хозяйственного общества: конвергенция способов защиты прав // Юридический мир. 2024. № 12. С. 30–33.

экономических условиях» («Лаптевские чтения – 2022») (ИГП РАН, 28 апреля 2022 г.);

4) XXX Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (МГУ им. М.В. Ломоносова, 10–21 апреля 2023 г.)

5) Аспирантский юридический форум ГАУГН 2024 «Трансформация современного права: тенденции, ориентиры, решения» (ГАУГН, ИНИОН РАН 25 июня 2024 г.).

Структура диссертационного исследования задана поставленными целями и задачами. Работа включает введение, три главы, разделенные на восемь параграфов, заключение, библиографический список.

ГЛАВА 1. ДЕТЕРМИНАНТЫ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ В СПОРАХ МЕЖДУ УЧАСТНИКАМИ НЕПУБЛИЧНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

§ 1. Непубличные хозяйственные общества: особенности внутренних отношений

Вопросы надлежащей защиты прав участников корпоративных правоотношений в рамках арбитражного судопроизводства представляется целесообразным рассматривать именно с учетом существующих подходов к корпоративным конфликтам, которые сами по себе присущи конструкции юридического лица[7].

В литературе есть различные подходы к этому вопросу, так, по мнению Д.Р. Фейзрахмановой, возникновение корпоративных конфликтов связано с ухудшением финансового положения корпорации или самого участника либо при возникновении разногласий между участниками по вопросам управления корпорацией[8].

В.А. Лаптев указывает, что причиной возникновения корпоративных конфликтов могут быть как отсутствие эффективного регулирования гарантий прав участникам корпораций, так и стремление к экономическому господству, а также личные причины участников корпораций[9].

О.В. Осипенко считает, что возникновение корпоративного конфликта в первую очередь связано с отсутствием согласия между участниками корпоративных правоотношений в принятии решении по управлению корпорацией, а также их убежденность в нарушении своих прав[10].

Представляется, что данные позиции в равной мере справедливы в отношении общего подхода к корпоративным конфликтам, широкий горизонт

---

[7] См.: Ломакин Д.В. От корпоративного интереса через злоупотребление корпоративным правом к корпоративному спору // Корпоративный юрист. 2006. № 2. С. 29–34.

[8] См.: Фейзрахманова Д.Р. Корпоративный договор и иные соглашения как правовой инструмент предупреждения и разрешения корпоративных конфликтов // Российская юстиция. 2020. № 12. С. 12.

[9] См.: Лаптев В.А., Ефименко Е.Н. Корпоративные конфликты: причины возникновения и способы защиты // Lex Russica. 2013. № 3. С. 273.

[10] См.: Осипенко О.В. Корпоративная конфликтология: монография. М., Статут, 2022.

рассмотрения в отечественной литературе проблематики корпоративных конфликтов отмечался в литературе еще 15 лет назад[11].

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на роль понятия «конфликт интересов», с которым крайне часто связывают понятие корпоративного конфликта[12].

По нашему мнению, понятие интереса напрямую связано с понятием корпоративного конфликта, поскольку сам по себе конфликт предполагает столкновение интересов участников корпоративных правоотношений, в том числе участников корпораций.

В этой связи важно отметить, что понятие интереса в цивилистической науке включает в себя как объективный критерий, который заключается в характере взаимосвязи поведения людей, условий их жизни, т.е. окружающих их факторов, и субъективный критерий, который связан с конкретной потребностью участника правоотношений[13].

Указанное справедливо и для понятия интереса в контексте рассматриваемой проблематики, в связи с чем полагаем целесообразным рассматривать особенности внутренних отношений непубличных корпораций для определения объективного критерия интереса в гражданско-правовом контексте.

Рассуждая в предложенном ключе, нельзя не согласиться с мнением С.В. Соловьевой[14], которая обращает внимание на роль организационно-правовой формы юридического лица при определении субъектного состава корпоративного конфликта. Продолжая эту мысль, считаем возможным указать, что особенности организационно-правовой формы не только диктуют круг лиц, вовлеченных конфликт, но и структурируют его в целом.

---

[11] См.: Долинская В.В. Понятие корпоративных конфликтов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 6. С. 4–11.

[12] См., например: Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции: монография. М.: Волтерс Клувер, 2006. - 736 с .; Ломакин Д.В. От корпоративного интереса через злоупотребление корпоративным правом к корпоративному спору; Малкина В.И. Конфликт интересов и корпоративный конфликт: проблемы классификации и соотношения понятий // Юрист. 2018. № 4. С. 46–54; Макаревич В.Г. Юридическая помощь адвоката при корпоративном конфликте // Адвокатская практика. 2023. № 2. С. 25–29.

[13] См.: Грибанов В.П. Интерес в гражданском праве // Советское государство и право. 1967. № 1. С. 49–56; Он же. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. С. 233–244.

[14] См.: Соловьева С.В. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. / отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Синицын. М.: "ИНФРА-М", 2015. Т. 1. Общие положения о юридических лицах. § 3 гл. 3.

Стоит отметить, что наличие этих особенностей обусловлены не только буквой закона, т.е. не только правовым режимом, применяемым к таким юридическим лицам, но и отношениями, которые фактически складываются внутри корпоративной структуры. Понимание такой специфики закрытых корпораций представляется значимой предпосылкой для анализа причин конфликтов между участниками хозяйственных обществ и определения надлежащих способов защиты их прав. Однако в это же время стоит отметить, что представленное описание носит усредненный характер и не относится безусловно к каждой закрытой корпорации.

Также рассмотрение особенностей конструкции корпорации закрытого типа в отрыве от регулирования непубличных хозяйственных обществ в России не в полной мере отвечает задачам настоящего исследования, в связи с этим предлагается рассматривать специфику корпораций закрытого типа как теоретическую конструкцию, существующую в абсолютном большинстве правопорядков, так и с точки зрения российского права.

Обращает на себя внимание, что зачастую закрытые корпорации имеют в своем составе малое количество участников, нередко имеющих родственные либо иные неформальные связи[15], кроме того, основные участники корпорации сменяются крайне редко[16], наряду с этим количество участников дает закрытым корпорациям экономическое преимущество в части непосредственного управления корпорацией[17].

Примечательно, что «запертость» капитала стала одной из важнейших предпосылок для стабильной деятельности закрытых корпораций и их развития, что подтверждается, в том числе и опытом XIX в. в США[18].

---

[15] См.: Fleischer H. in Comparative Corporate Governance in Closely Held Corporations // The Oxford Handbook of Corporate Law and Governance / J.N. Gordon, W.G. Ringe (eds). Oxford, 2018. P. 682.

[16] См.: Fleischer H. Shareholder Conflicts in Closed Corporations // Bachmann G., Eidenmuller H., Engert A., Fleischer H., Schon W. Regulating the Closed Corporation. New York: De Gruyter, 2014. P. 34.

[17] См.: Easterbrook F.H., Fischel D.R. The Economic Structure of Corporate Law. Harvard University Press. 1991. P. 229, 232.

[18] См.: Blair M.M. Locking in capital: What corporate law achieved for business organizers in the nineteenth century // UCLA rev. 2003. Vol. 51. P. 387.

В абсолютном большинстве юрисдикций стабильность состава участников также поддерживается ограничениями на продажу доли участия (акций) в закрытых корпорациях путем установления ограничений прямо в законе либо включением в закон соответствующего диспозитивного правила[19].

В отношении российских непубличных хозяйственных обществ законодательно стабильность состава участника поддерживается преимущественным правом покупки доли участия (акций) (п. 4 ст. 21 Закона об ООО (Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 24-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»[20] (далее – Закон об ООО), п. 3 ст. 7 Закона об АО (Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»[21] (далее – Закон об АО)). Для ООО также правом на выход из общества[22], которое состоит из (1) возможности участника в любой момент выйти из корпорации (ст. 26 Закона об ООО), (2) права требовать выкупа доли участия (акции) у общества (абз. 1 п. 2 ст. 23 Закона об ООО, п. 3 ст. 93 Гражданского кодека РФ (далее – ГК РФ)), (3) возможности отчуждения доли участия третьему лицу, которая может быть ограничена за счет включения запрета (п. 2 ст. 21 Закона об ООО)[23]. Аналогом для непубличных акционерных обществ (далее – НАО) можно считать процедуру предъявления своих акций выкупу (ст. 75 Закона об АО).

Представляется, что вопрос поддержания стабильного состава участников является достаточно острым для любого законодателя. С одной стороны, как отмечалось выше, сдерживание участников от выхода из корпорации дает стимул участникам договариваться о продолжении работы корпорации, что предопределяет длительность инвестиций и стабильный рост отдельных корпораций. С другой стороны, доступность опции выхода из корпорации поддерживает гражданско-правовой принцип автономии воли, а также

---

[19] См.: Koh A.K. Shareholder Protection in Close Corporations: Theory, Operation, and Application of Shareholder Withdrawal. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. P. 21.
[20] Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
[21] Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
[22] Данное понятие сформулировано в определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11 июня 2020 г. № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 (СПС «КонсультантПлюс»).
[23] См.: Чупрунов И.С. Начало «новой жизни» в российском корпоративном праве. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 8. С. 25–68;

с экономической точки зрения обеспечивает доступность обновления вложений в капиталы корпораций.

Указанные аспекты важны с точки зрения политико-правовых предпосылок к регулированию закрытых корпораций. Для темы настоящего исследования необходимо подчеркнуть, что вопрос о возможности покинуть корпорацию является одним из наиболее важных в контексте защиты прав участников непубличных корпораций, что будет не раз рассмотрено в настоящей работе.

Наряду с этим, вероятно, важнейшей чертой закрытых корпораций с точки зрения корпоративного управления является сочетание феномена неформализованного фактического контроля над корпорацией и наряду с этим выполнение функций работника участниками корпораций, для обозначения указанного явления предлагается обозначить как вовлеченность участников в работу внутри корпорации[24].

Зачастую в закрытых корпорациях отсутствует четкое разделение между ролью участника корпорации, директора или работника, что, в свою очередь, видоизменяет проблему разделения собственности и управления в корпорации[25]. Так, происходит наложение интересов участников в своей непосредственной роли с их интересами в качестве директоров или сотрудников.

Таким образом, популярная среди зарубежных исследователей «агентская проблема»[26], т.е. конфликт интересов между менеджментом и участниками корпорации, в первую очередь характерная для публичных корпораций, имеющих вертикальную систему управления в закрытых корпорациях, заменяется на проблему горизонтальной системы управления[27].

При горизонтальной системе управления основным вопросом становится согласование воли участников при принятии решений, что выводит на первый план, по общему мнению большинства исследователей, антагонизм мажоритариев

---

[24] См.: Easterbrook F.H., Fischel D.R. Op. cit. P. 229.
[25] См., например: Jensen M., Meckling W. Theory of the firm: Managerial Behavior, Agency costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. 1976. Vol. 3. P. 305–360.
[26] См., например: Armour J., Hansmann H., Kraakman R. Agency Problems and Legal Strategies // The Anatomy of Corporate Law. A Comparative and Functional Approach. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 29–30.
[27] См.: Fleischer H. in Comparative Corporate Governance in Closely Held Corporations. P. 683.

и миноритариев[28]. Учитывая степень вовлеченности участников в процесс оперативной деятельности корпорации, необходимость принятия большого количества решений в ситуации, когда простое большинство почти полностью определяет деятельность корпорации[29], создает благоприятную почву для возникновения конфликтов внутри корпорации[30].

Наиболее очевидно, как представляется, в российском правопорядке проблема горизонтальной системы управления корпорации проявилась в контексте такого способа защиты корпоративных прав, как исключение участника из общества.

Статья 10 Закона об ООО закрепляет за участниками общества право на обращение в суд с требованием об исключении участника, грубо нарушающего свои корпоративные обязанности. Давая толкование указанной норме, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (далее – ВАС РФ) в п. 2 и 3 Информационного письма от 24 мая 2012 г. № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью»[31] (далее – Обзор практики от 24 мая 2012 г. № 151) указал на возможность исключения участника корпорации в случае совершения действий, противоречащих интересам общества участников, в качестве директора или представителя.

Между тем как в судебной практике, так и в доктрине до выхода указанных разъяснений оставался открытым вопрос, является ли участник, исполняющий обязанности директора или совершающий действия по доверенности, одним лицом или имеет две корпоративные сущности в свете корпоративных правоотношений[32]. На сегодняшний день проблема не является актуальной, однако из указанного можно сделать крайне осторожный вывод о том, что специфика непубличных

---

[28] См., например: Miller S.K. Minority shareholder oppression in the private company in the European Community: a comparative analysis of the German, United Kingdom, and French close corporation problem // Cornell Int'l LJ. 1997. Vol. 30. P. 381; Fleischer H. in Shareholder Conflicts in Closed Corporations. P. 33.

[29] См.: Illig R. C. Minority Investor Protections as Default Norms: Using Price to Illuminate the Deal in Close Corporations // Am. UL Rev. 2006. Vol. 56. P. 289.

[30] См.: Koh A K. Op. cit. P. 22.

[31] Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 8.

[32] См.: Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория, практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. С. 430.

хозяйственных обществ в части вовлеченности участников в управление корпорацией в полной мере проявляется в отечественном правопорядке.

Вовлеченность участников в работу корпорации во многом определяет распределение прибыли закрытой корпорации. С теоретических позиций участник корпорации конвенционально может извлекать прибыль двумя способами: участвуя в распределении прибыли и путем продажи части своих акций[33]. В такой ситуации представляется очевидным, что участнику удобнее и надежнее получать прибыль путем перечисления ему заработной платы как работника или директора[34], в том числе с учетом отсутствия обязанности по постоянному объявлению дивидендов[35].

Вместе с тем распределение прибыли корпорации через механизмы оплаты труда может приводить к неравномерному распределению прибыли среди участников, так как не существует презумпции либо общего правила, в соответствии с которым участники получают прибыль в виде заработной платы или вознаграждения пропорционально их доли участия (акциям)[36]. Кроме того, внедрение подобного правила обозначало бы вторжение в правило бизнес-решения (business judgement rule).

Наряду с этим участники в российском правовом поле не остаются беззащитными в случае необоснованных выплат директором-участником самому себе необоснованных вознаграждений без согласования в установленном порядке. Такие выплаты, как правило, признаются сделками с заинтересованностью[37].

Тема настоящей диссертации не покрывает исследование вопросов, связанных со сделками, требующими корпоративного согласования, однако игнорирование правоотношений, регулируемых нормами об экстраординарных сделках, означает неполное раскрытие вопросов, связанных с особенностями

---

[33] См.: Velasco J. The fundamental rights of the shareholder // UC Davis L. Rev. 2006. P. 413.

[34] См.: Moll D.K. Shareholder Oppression and Fair Value: of Discounts, Dates, and Dastardly Deeds in The Close Corporation // Duke LJ. 2004. Vol. 54. P. 302.

[35] См.: Синицын С.А. Право на дивиденд: возникновение, содержание, осуществление и защита // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 91–131.

[36] См.: Easterbrook F.H., Fischel D R. Op.cit. P.233.

[37] См., например: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22 октября 2019 г. № 305-ЭС19-8916 по делу А41-6748/2018 // СПС «КонсультантПлюс», постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 ноября 2022 г. № Ф05-29235/2022 по делу А41-67665/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

непубличных хозяйственных обществ и конфликтов, возникающих между их участниками.

В свете проблемы неравномерного распределения прибыли интересна позиция ВС РФ, в соответствии с которой изъятие прибыли в пользу отдельных участников через выплату заработной платы не является незаконным и не нарушает прав остальных участников на получение причитающейся им части прибыли от деятельности общества, при условии согласия остальных участников на такое распределение прибыли, в том числе, если оно выражено в уставе общества либо сами фактически получают причитающуюся им часть прибыли общества[38].

Вместе с тем сделка, в совершении которой имеется заинтересованность, не требует обязательного предварительного согласия на ее совершение (абз. 1, 2 п. 4 ст. 45 Закона об ООО, п. 1 ст. 83 Закона об АО), из чего можно сделать вывод, что правило по умолчанию в отношении сделок с заинтересованностью не предусматривает согласование незаинтересованными участниками сделок, направленных на получение прибыли частью участников. Переход же в плоскость *ex ante* защиты противоречит общему стремлению большинства миноритариев к компенсации дополнительных рисков путем снижения трансакционных издержек[39].

Из представленного рассмотрения особенностей непубличной корпорации можно сделать вывод о том, что реализация механизмов распределения прибыли, обусловленная глубокой вовлеченностью участников закрытых корпораций, сама по себе является одной из ярких предпосылок для корпоративного конфликта.

Третьим аспектом, который полагаем целесообразным представить в качестве особенности непубличных корпораций, определяющей возникновение корпоративных конфликтов, является отсутствие вторичного рынка для долей в уставном капитале и акций. Это обстоятельство создает для миноритарных акционеров так называемый эффект блокировки.

---

[38] Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2019 г. (п. 17); определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22 октября 2019 г. № 305-ЭС19-8916 по делу А41-6748/2018.

[39] См.: Illig RC. Op. cit. P. 280.

Как было указано ранее, одним из конвенциональных способов получения прибыли от участия в корпорации является продажа доли в уставном капитале (акции). Однако даже в случае отсутствия возражений у других участников в отношении выхода из корпорации потенциальный продавец имеет крайне малую группу покупателей в связи со специализацией корпорации или ликвидностью ее активов.

Поскольку акции закрытой корпорации не могут быть легко проданы на рынке, миноритарные акционеры оказываются в затруднительном положении. Они лишены возможности быстро реализовать свои инвестиции и выйти из бизнеса, что ограничивает их финансовую гибкость. Более того, их право голоса часто оказывается малоэффективным из-за доминирующего положения мажоритарного акционера. В результате миноритарные акционеры становятся уязвимыми перед произволом большинства, особенно если их права систематически нарушаются.

В противоположность этому акционеры публичных компаний, чьи акции котируются на бирже, имеют возможность воспользоваться «правилом Уолл-стрит»[40]. Это означает, что они могут продать свои акции в любой момент, что дает им существенный рычаг влияния на руководство компании. Такая возможность позволяет акционерам защищать свои интересы и оказывать давление на менеджмент в случае неэффективного управления или нарушений прав акционеров.

С точки зрения экономического анализа права можно выделить два релевантных на сегодняшний день фактора, которые могут негативно повлиять на имущественную массу участника непубличной корпорации[41]. Во-первых, отсутствие вторичного рынка определяет неясность стоимости остаточных требований, в связи с чем повышаются транзакционные издержки для продавца[42]. Между тем эта проблема стала толчком к развитию индустрии оценки бизнеса[43],

---

[40] См.: Koh AK. Op. cit. P. 21.
[41] См.: Easterbrook F.H., Fischel D.R. Op. cit. P. 230.
[42] Ibid.
[43] В отношении США см.: Illig R.C. Op. cit. P. 280.

который в своем развитии достиг существенного прогресса и может решать существенные задачи с точки зрения определения стоимости указанных активов. Однако очевидно, что оценочная деятельность сама по себе не панацея, ведь оценка стоимости фирмы может меняться в зависимости от целей и задачи оценки[44]. Таким образом, участник-продавец несет риск в части установления цены, что делает продажу активов крайне невыгодной.

Избежать передачи вопроса на усмотрение оценщика в случае реализации преимущественного права покупки возможно путем согласования в уставе порядка оценки стоимости включения в устав условия о заранее определенной цене, по которой участник может реализовать свое преимущественное право покупки доли (абз. 2 п. 4 ст. 21 Закона об ООО, абз. 1 п. 3 ст. 7 Закона об АО).

Вместе с тем для российского права с недавних пор стало очевидно, что цена или порядок определения цены, заложенные в уставе ООО, не являются незыблемыми и могут быть пересмотрены судом[45]. Наряду с этим для НАО установлено правило, в соответствии с которым суд вправе не применять положения устава в части определения цены, если такая цена существенно меньше рыночной (абз. 3 п. 3 ст. 7 Закона об АО).

Также участник становится крайне зависим от выплаты дивидендов, так как не может оперативно продать акции корпорации и в случае экстренной необходимости ему приходится соглашаться на существенное снижение цены, в ситуации, когда скорость продажи важнее стоимости[46].

Значимость описанных особенностей существенно снижается, если мы принимаем во внимание гибкость закрытых корпораций. Они используются во всех сферах хозяйственной деятельности общества и различными участниками

---

[44] См.: Slee, R.T. Private Capital Markets: Valuation, Capitalization, and Transfer of Private Business Interests: Second Edition. Hoboken, New Jersey, John Wiley & Sons. 2015. P. 23.

[45] См.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019.

[46] См.: Easterbrook F.H., Fischel D.R. Op. cit. P. 230.

оборота[47]. Характеристика закрытых корпораций в качестве «юридических рабочих лошадок»[48] представляется крайне точной.

Российские непубличные хозяйственные общества используются как для ведения семейного бизнеса, так и для создания проектных компаний (SPV) и осуществления венчурных инвестиций[49].

Во многом такая гибкость предопределяет разнообразность конфликтов, возникающих внутри корпорации, которые, по замечанию F. Wedemann, «настолько же многоликие, как и реальная жизнь»[50].

Эта особенность закрытых корпораций делает особенно затруднительной задачу как для исследователя, так и для законодателя предусмотреть универсальные способы защиты прав участников непубличных корпораций. Ведь отдельная организационно-правовая форма может быть как семейным предприятием, так и способом объединения государственного и частного капитала[51]. Отсутствие же эффективных правовых норм, обеспечивающих права участников, является объективной причиной возникновения корпоративных конфликтов[52].

Судебная практика, как правило, демонстрирует нежелание арбитражных судов вмешиваться в предпринимательские решения, предоставляя органам управления широкие дискреционные полномочия[53]. Такая сдержанность, обусловленная как недостатком экономической экспертизы у судей, так и стремлением не подменять собой органы управления, приводит к тому, что миноритарные участники оказываются уязвимыми перед произволом мажоритариев. Правило о защите делового решения, хоть и призвано обеспечить

---

[47] См. Ефимов А.В. Экономическая деятельность и правовое положение юридических лиц // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 3. С. 78

[48] См.: Fleischer H. Comparative Corporate Governance in Closely Held Corporations. P. 683.

[49] См.: Янковский Р.М. Организационно-правовые формы венчурного инвестирования (часть 3): проблема организационно-правовой формы проектной компании // Право и экономика. 2017. № 9. С. 22–29.

[50] Wedemann F. Gesellschafterkonflikte in geschlossenen Kapitalgesellschaften. Tübingen Mohr Siebeck, 2013. S. 46.

[51] Например, в случае участия государственно-унитарного предприятия в хозяйственном обществе вместе с юридическим лицом без государственного участия

[52] См.: Лаптев В.А., Ефименко Е.Н. Корпоративные конфликты: причины возникновения и способы защиты.

[53] См., например: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (абз. 2 п. 1) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ, 2013, № 10; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23июня 2015 г. № 25 (п. 25) // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2015, № 8.

стабильность управления, в сложившихся условиях часто используется как инструмент для легализации злоупотреблений участниками своими правами.

На наш взгляд, такое положение вещей предопределяет развитие доктрины в области злоупотребления корпоративными правами. Исследования в этом направлении в некоторой степени удивляют своей регулярностью[54].

Вместе с тем, несмотря на такую гибкость и многогранность, рассмотренные выше черты непубличных корпораций делают более доступным для понимания общий вектор развития регулирования в части защиты прав участников непубличных хозяйственных обществ.

Итак, представляется очевидным, что при рассмотрении корпоративных конфликтов между участниками непубличных корпораций с точки зрения регулирования способов защиты корпоративных прав участников необходимо в первую очередь учитывать представленные четыре особенности непубличных корпораций.

Так, например, мы не можем оценивать поведение участника в качестве ненадлежащего без учета состава участников корпорации, его стабильности, отношений между участниками, фактического вклада в работу корпорации, возможности удовлетворения экономического интереса участника.

Таким образом, стандарты поведения для участника каждой отдельной корпорации будут разными, однако игнорирование особенностей непубличных корпораций при разработке вопросов защиты участников в спорах между собой приведет к отсутствию системности в рассматриваемом вопросе.

---

[54] См., например: Молотников А. Е. Проблема злоупотребления правом в корпоративных конфликтах // Слияния и поглощения. 2004. № 12. С. 59–63; Ломакин Д.В. От корпоративного интереса через злоупотребление корпоративным правом к корпоративному спору; Тимаева И.А. Злоупотребление правом в хозяйственных обществах: возникновения и способы защиты: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2007; Токарев Д.А. Злоупотребление правом в хозяйственных обществах: условия возникновения и способы защиты: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2010; Кузнецов А.А. Злоупотребление правом в правоотношениях между акционером и акционерным обществом: дис. … канд. юрид. наук. Самара., 2012. С. 34; Смирнова Я.А. злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019; Лянгузова Е.М. Злоупотребление корпоративными правами хозяйственным обществом и его участниками: дис. … канд. юрид. наук. М., 2023 и др.

§ 2. Юридическая ответственность, возникающая в правоотношениях между участниками корпоративных организаций

Представленная во введении точка зрения автора о незащищенности имущественных интересов участников российских непубличных хозяйственных обществ в спорах участников между собой определяет необходимость теоретического обоснования наличия ответственности между участниками корпорации и определения ее правовой природы.

В этой связи стоит отметить позицию (Судебной коллегии по экономическим спорам (далее – СКЭС)) ВС РФ, в соответствии с которой в основе отношений участников непубличной корпорации лежит товарищеское соглашение, иными словами, обязательство о ведении общего дела, происходящее из договора простого товарищества[55].

Полагаем целесообразным отметить, что отношения между участниками непубличных корпораций не могут отождествляться с отношениями, вытекающими из соглашений участников об учреждении непубличных корпораций (п. 5 ст. 11 Закона об ООО, п. 5 ст. 9 Закона об АО).

На это указывает в том числе и возможность новых участников приобрести доли участия (акции) непубличного хозяйственного общества. Если мы согласимся с предпосылкой о том, что соглашение об учреждении общества продолжает действовать после учреждения общества, то остается неясным вопрос о том, являются ли участники, которые приобрели корпоративные права после учреждения общества, связанными каким-либо соглашением с другими участниками.

В этой связи вызывает некоторое недоумение позиция ВС РФ, данная в абз. 9 п. 21 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской

[55] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 306-ЭС19-24912 по делу, № А65-3053/2019.

Федерации, утвержденного Президиумом ВС РФ 30 июля 2025 г.[56], в котором указывается, что правоотношения между участниками вытекают из договора об учреждении общества.

Представляется очевидным, что в рамках договора об учреждении корпорации предметом соглашения между сторонами является именно создание юридического лица в установленном законом порядке, в свою очередь, предметом исследования настоящей работы являются отношения, возникающие именно между участниками уже созданной корпорации.

Обращает на себя внимание тот факт, что правовая позиция СКЭС ВС РФ о наличии товарищеского соглашения между участниками стала востребованной при мотивировке судебных актов[57]. Таким образом, с некоторой осторожностью возможно признать, что российский правопорядок признает между участниками корпорации обязательственную связь.

При этом возникает парадоксальная ситуация, когда правопорядок признает существование определенного обязательства, но не предоставляет средств для защиты его сторон либо конкретной санкции за нарушение такого обязательства, признавать косвенные иски таковыми не представляется возможным, так как в таком случае участник в первую очередь защищает корпорацию.

Однако, вероятно, такие радикальные выводы не могут быть сделаны без надлежащего рассмотрения правовой природы такой ответственности, доктрины в части анализа основания возникновения ответственности, возникающей между участниками непубличной корпорации, в том числе и по

---

[56] Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июля 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс»

[57] См., например: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11 апреля 2024 г. № Ф04-524/2024 по делу № А46-2809/2023 // СПС «КонсультантПлюс», постановление Арбитражного суда Уральского округа от 7 февраля 2022 г. № Ф09-9305/21 по делу № А07-10214/2020 // СПС «КонсультантПлюс», постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11 апреля 2024 г № 09АП-6565/2024 по делу № А40-122488/2023 // СПС «КонсультантПлюс», и др.

причине наличия существенного скепсиса в вопросе необходимости выделения фидуциарных обязанностей участников корпораций[58].

Вопрос об ответственности между участниками непубличных хозяйственных обществ не видится возможным рассматривать в отрыве от общих положений о корпоративной ответственности. Об этом в том числе свидетельствует мнение О.В. Гутникова, который указывает на особое место проблематики юридической ответственности в корпоративном праве[59].

В отечественной литературе встречаются разные подходы к природе корпоративной ответственности, так, А.И. Молотников понимает под корпоративной ответственностью межотраслевую ответственность, которая регулируется как гражданским, так и уголовным, трудовым и административным правом[60]. Схожую позицию занимает В.А. Лаптев[61].

Е.А. Минина считает, что корпоративная ответственность – это самостоятельный вид юридической ответственности, возникновение которой связано с любым нарушением корпоративных прав[62].

С.А. Синицын придерживается позиции о деликтной природе корпоративной ответственности в рамках гражданско-правовой ответственности[63].

Вместе с тем представляется наиболее полной аргументация О.В. Гутникова, который указывает на особое место корпоративной ответственности внутри гражданско-правовой ответственности. Ученый подчеркивает, что поскольку корпоративные отношения входят в сферу регулирования именно гражданского права, то и вопросы ответственности должны покрываться именно частноправовыми нормами[64].

---

[58] См.: Ломакин Д.В. Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений: за и против // Гражданское право. 2019. № 4. С. 5.

[59] См.: Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 39–52.

[60] См.: Молотников А.Е. Ответственность в акционерных обществах. М.: Волтерс Клувер, 2006- 230 с.

[61] См.: Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М.: Проспект, 2019. С. 313–321.

[62] См.: Минина И.А. Корпоративная ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности // Законодательство и экономика. 2009. № 12. С. 33–35.

[63] См.: Синицын С.А. Деликтная ответственность в корпоративном праве // Журнал российского права. 2019. № 10. С. 54–68.

[64] См.: Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России.

Полагаем целесообразным дополнить эту позицию и акцентировать внимание на недопущении двойной ответственности в рамках одной отрасли права за одно правонарушение. Межотраслевой подход к корпоративной ответственности не дает понимания, как избежать ответственности в различных отраслях права за действия, санкция за которые предусмотрена нормами различных отраслей, коль скоро мы говорим о единой отрасли права.

Кроме того, из определения корпоративных отношений, содержащегося в п. 1 ст. 2 ГК РФ, следует, что регулирование таких отношений подчиняется частноправовым методам регулирования, в том числе в вопросах ответственности.

Вместе с тем не вызывает сомнений, что корпоративная ответственность имеет особое место внутри гражданско-правовой ответственности и не может быть включена в договорную либо деликтную ответственность.

На это косвенно указывает пп. 1 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ, который устанавливает, что корпоративные отношения могут регулироваться положениями ГК РФ об обязательствах только частично, в той мере, в которой они не противоречат существу рассматриваемых отношений.

В свою очередь, невозможность установления тождественности между корпоративной и деликтной ответственностью, вероятно, послужило основанием к выработке концепции корпоративного деликта[65] в иностранных правопорядках.

Таким образом, не возникает сомнений о правовой природе корпоративной ответственности, а также о ее месте в частном праве.

Наряду с этим применительно к вопросу ответственности между участниками непубличных хозяйственных обществ нельзя говорить об устоявшемся в доктрине понимании такого института.

Вопрос об ответственности участника перед другим участником рассматривался еще в дореволюционную эпоху[66], однако в то время доктрина косвенного иска еще не была развита, что заставляло исследователей формировать

---

[65] О корпоративном деликте см.: Синицын С.А. Деликтная ответственность в корпоративном праве.

[66] См., например: Гуссаковский П.Н. Вопросы акционерного права // Журнал Министерства Юстиции. 1915. № 4. С. 101–103.

авторские подходы к проблематике защиты интересов корпоративного меньшинства.

На сегодняшний день ряд ученых достаточно углубленно рассматривают данную проблематику в первую очередь с точки зрения субъектов ответственности. По мнению О.В. Гутникова, юридической ответственности перед другими участниками может быть подвергнут участник, определяющий предпринимательскую деятельность общества[67]. Также на практику возложения американскими судами фидуциарных обязанностей на мажоритариев закрытых корпораций указывает С.Л. Будылин[68].

Схожей позиции придерживается Т.С. Бойко, которая подчеркивает необходимость на законодательном уровне возложить на контролирующего корпорацию участника фидуциарные обязанности по отношению к миноритариям[69].

В отношении ответственности миноритариев перед мажоритариями в закрытых корпорациях примечательна работа А.Ю. Глазунова. Автор не дает точного ответа на вопрос о возможности такой ответственности. В работе указывается на сложности моделирования случаев, в которых миноритарий может причинить вред мажоритарию[70].

Полагаем целесообразным отметить, что гражданско-правовая ответственность, в том числе корпоративная[71], в нашем понимании не сводится исключительно к компенсации имущественных потерь. Известно, что в отечественной цивилистике сложилось два подхода к пониманию гражданско-правовой ответственности. Первый подход предполагает, что сущность

---

[67] См.: Гутников О.В. Указ. соч.

[68] См.: Будылин С. Является ли акционер фидуциарием? Американский путь // ZAKON RU. URL: http://zakon.ru/Blogs/yavlyaetsya_li_akcioner_fiduciariem_amerikanskij_put/14157 (дата обращения: 01.06.2025).

[69] См.: Бойко Т.С. Ответственность участника хозяйственного общества перед другим участником // Закон. 2017. № 3. С. 116–136.

[70] См.: Глазунов А.Ю. Ответственность миноритарных участников корпораций за нарушение фидуциарных обязанностей: возможна ли такая конструкция? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 4. С. 138–179.

[71] См.: Лаптев В.А. Понятие и место корпоративной ответственности в системе юридической ответственности // Юрист. 2025. № 3. С. 2–9.

гражданско-правовой ответственности выражается в государственном принуждении лица к исполнению его обязанностей[72].

Второй и наиболее распространенный подход заключается в том, что гражданско-правовая ответственность выражается в дополнительных правоограничениях лица, выходящих за пределы его первоначальных обязанностей[73]. Именно его считаем возможным взять за основу дальнейших размышлений. Наряду с этим предлагается в некоторой степени отойти от подходов к ответственности между участниками непубличных корпораций только с точки зрения потенциального возмещения убытков.

Также, вероятно, дихотомия миноритарий – мажоритарий в указанном контексте применима не в полной мере. Обращает на себя внимание, что концептуально в российской судебной практике, как было указано выше, подход к природе отношений между участниками непубличных корпораций выработан.

Стоит отметить, что такой подход в целом может быть поддержан, однако обращают на себя внимание пределы применения положений о простом товариществе как соглашения, лежащего в основе корпорации, к отношениям, складывающимся между участниками корпораций.

Это крайне важно, принимая во внимание траекторию развития судебной практики, направленную на полное отождествление ООО и простого товарищества[74] и на наряду с этим отделения НАО от ООО[75] с точки зрения их правовой природы.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть основные черты договора простого товарищества и оценить перспективы применения стандартов

---

[72] См.: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (Очерк теории). М.: Юрид. лит., 1976. С. 69.

[73] См.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. С. 310–312; Иоффе О.С. Избранные труды: в 4 т. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. Т. 3. С. 78.

[74] См.: постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17 февраля 2025 г. № Ф03-13/2025 по делу № А73-5164/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 марта 2025 г. № Ф05-31443/2024 по делу № А40-228286/2022 // СПС «КонсультантПлюс»;, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30. июня 2025 г. № Ф08-2795/2025 по делу № А15-3289/2024 // СПС «КонсультантПлюс»;.

[75] См.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14 июля 2025 г. № 308-ЭС25-302 по делу № А15-4266/2023 // СПС «КонсультантПлюс»;

ответственности, используемых в данных договорных отношениях, принимая во внимание, особенности корпоративной ответственности.

Первым осязаемым интеллектуальным препятствием для обозначенной задачи представляется образование нового лица – участника гражданского оборота, имеющего конституированные интересы, которые могут быть в моменте противоположными интересам участника или группы участников, так, например п. 12, 13 и 17 Обзора судебной практики от 25 декабря 2019 г. явно указывают на наличие особого интереса юридического лица, который превалирует над интересом мажоритария. Кроме того, сама корпорация действует через своих представителей, которые также в определенной временной точке могут иметь иное, третье представление о будущем корпорации.

Кроме того, корпорации, вступая в обязательства, в том числе подчиняющиеся трудовому законодательству, с практических позиций подчиняют свою волю сторонам таких обязательств, которые тоже имеют свой имущественный интерес в деятельности корпорации и могут опосредованно влиять на ее деятельность.

В литературе и практике зарубежных стран такие стороны именуются стейкхолдерами (англ. stakeholder), т.е. лица, зависимые от деятельности корпорации (локальные сообщества, работники, кредиторы и т.д.). Притом из абз. 8 ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[76] следует, что такой имущественный интерес стоит выше интереса участников, а значит, при рассмотрении корпоративных правоотношений целесообразно в первую очередь обращать внимание на саму корпорацию, коль скоро она как контрагент влияет на больший круг лиц и слепое применение норм о простом товариществе может имплицитно влиять на пресловутую стабильность гражданского оборота.

Также в контексте отвержения идеи о применении положений о товарищеском соглашении к отношениям, складывающимся между участниками непубличных корпораций, можно предположить, что товарищества, где товарищи

[76] Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

несут неограниченную личную ответственность по обязательствам товарищества, требуют высокого уровня доверия и лояльности между членами. Это крайне важно для защиты прав товарищей, включая право представлять товарищей, участвовать в принятии решений и получать доступ к соответствующей информации, от возможного злоупотребления. Напротив, участники корпораций обладают ограниченной ответственностью, что означает, что их личное имущество, как правило, защищено от взыскания по обязательствам корпорации. Следовательно, риск неограниченной личной ответственности, который является основой фидуциарных обязанностей товарищей, не дает достаточных оснований для наложения аналогичных обязательств на акционеров[77].

Для начала кажется разумным обозначить, что само соглашение между учредителями корпорации о создании корпорации появляется раньше, чем сама корпорация, которая считается созданной с момента включения сведений в ЕГРЮЛ (п. 8 ст. 51 ГК РФ), если речь не идет о хозяйственных обществах, созданных одним лицом.

Наряду с этим п.1 ст. 1041 ГК РФ конституирует, что несколько лиц (товарищей) соединяют свои вклады и совместно действуют для извлечения прибыли или достижения иной не противоречащей закону цели. Это в полной мере укладывается в понимание юридического лица в качестве способа обособления имущества для целей участия в гражданском обороте, на которое указывает Е.А. Суханов[78] и которое поддерживается современными отечественными исследователями[79].

Из указанного следует, что внутренняя структура отношений между участниками корпорации не меняется и не должна меняться из-за факта придания особого правого статуса имуществу участников, переданному для ведения совместной деятельности. Также проблема наличия отдельного интереса общества,

---

[77] См.: Cahn A. The Shareholders' Fiduciary Duty in German Company Law // Shareholders' Duties, Hanne S. Birkmose (ed.), Kluwer Law International, 2017 P. 347.

[78] См.: Суханов Е.А. Очерк сравнительного корпоративного права // Проблемы развития частного права: сборник статей к юбилею В.С. Ема / отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М.: Статут, 2011. С. 164.

[79] См., например: Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М.: Статут, 2014. С. 33; Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, СШАи Великобритании. М.: Статут, 2019. С. 53.

выраженного через его представителей, теряется на фоне реальной вовлеченности участников в управление корпорацией.

Наряду с этим интерес юридического лица, как было указано ранее, по нашему мнению, является понятием ситуативным и не может служить опорной точкой для размышлений, направленных на выявление базовых специфических черт отношений между участниками непубличной корпорации.

Применительно к регулированию отношений между участниками более уместно в указанном контексте совместной деятельности указать на ведение «общего дела» либо, как обозначено в п. 1 ст. 1041 ГК РФ, «цели» как квалифицирующего признака договора простого товарищества. Притом стоит отметить, что, по верному, на наш взгляд, мнению А.А. Горевой, несмотря на сложившуюся в доктрине позицию о необходимости обязательного личного участия товарища в достижении общей цели, действием по достижению общей цели также может быть и только внесение вклада[80].

При этом не составляет труда определить общую цель применительно к непубличным хозяйственным обществом путем систематического толкования ст. 2 и п. 2 ст. 1041 ГК РФ, из которых следует, что общей целью для сторон договора простого товарищества является систематическое извлечение прибыли.

Между тем регулирование, предусмотренное п. 2 ст. 1041 ГК РФ, предполагает, что стороны договора являются либо индивидуальными предпринимателями, либо коммерческими организациями. Это на первый взгляд разрушает предложенную конструкцию непубличной корпорации, поскольку участниками юридического лица, занимающегося предпринимательской деятельностью, могут быть физические лица. Сверх того, как указывал Конституционный Суд РФ, само по себе участие физических лиц в хозяйственных обществах не может квалифицироваться в качестве предпринимательской деятельности[81]. Представляется необходимым избежать возможную

---

[80] См.: Горева А.А. Общая цель и внесение вкладов как признаки договора простого товарищества: дис. … канд. юрид. наук. М., 2024.

[81] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 24.февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи

недосказанность и проговорить указанное несовпадение в близких правовых конструкциях в части субъектного состава участников рассматриваемых правоотношений.

Обозначенный подход к выбору субъектов, имеющих право заключать договор простого товарищества, вероятно, обусловлен в первую очередь не политико-правовыми соображениями, вытекающими из сущности регулирования частноправовых отношений, а публично-правовыми началами, связанными с ведением специфического бухгалтерского учета либо потенциальной проблематикой в свете налогового права, однако в настоящее время с учетом особого налогового режима для самозанятых граждан[82] такой барьер отсутствует.

Среди цивилистов мысль о возможности включения в субъектный состав договора простого товарищества физических лиц не является новой, Так, А.Г. Карапетов считает, что ограничение, предусмотренное п. 2 ст. 1041 ГК РФ, не обоснованно, и оснований для запрета участия гражданина в виде предоставления вклада в конкретный бизнес-проект нет[83].

В этом же ключе рассуждает и А.А. Горева, автор указывает, что рассматриваемая норма должна быть либо исключена из ГК РФ, либо толковаться расширительно с учетом п. 4 ст. 23 ГК РФ, который устанавливает последствие для «предпринимательских» договоров, заключенных гражданами, без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя в виде распространения на сделки такого лица правил об обязательствах из предпринимательской деятельности[84].

с жалобами граждан, компании “Кадет Истеблишмент” и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Собрание законодательства РФ 2004. № 9, ст. 830, постановление Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2012 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта “в” части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона “О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 78.

[82] Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»»// Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7494.

[83] См.: Байбак В.В., Иванов О.М., Карапетов А.Г. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2019.

[84] См.: Горева А.А. Указ. соч. С. 36.

Другим очевидным препятствием для проведения аналогии регулирования отношений между участниками корпорации и сторонами простого товарищества является определенная социальная роль, которую играют непубличные корпорации в жизни общества, выступая исполнителями государственных контрактов и крупными работодателями. Примечательно, что, например, в ст. 172 в английском Законе о корпорациях 2006 г.[85] обязанность директора по соблюдению интересов работников рассматривается как часть обязанности по способствованию успеха компании.

В этом контексте особый интерес представляет позиция ВС РФ в деле, где одним из оснований отказа в передаче кассационной жалобы для рассмотрения СКЭС ВС РФ на решение нижестоящих судов об отказе в удовлетворении требования миноритарного участника об исключении участников – владельцев более 70% долей участия было указано на уникальность медицинского оборудования, производимого корпорацией, в связи с чем исключение может повлечь прекращения деятельности значимой для рынка организации[86]. На сегодняшний день необходимость учета публичного интереса при разрешении споров между участниками корпораций также остается очевидной для СКЭС ВС РФ[87].

Представляется, что любой подход, ставящий интерес стейкхолдеров, притом будь то кредиторы, работники или государство, выше природы частноправовых отношений между участниками корпорации не может быть оправданным.

Во-первых, основным интересом стейкхолдеров в любом случае должно быть процветание корпорации, ведь так они смогут реализовать свой имущественный или иной интерес.

Во-вторых, довод о том, что потенциальные негативные последствия для корпорации в виде выплаты действительной стоимости доли при исключении

---

[85] URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/section/172 (дата обращения 10.02.2025).

[86] Определение Верховного Суда РФ от 25 марта 2024 г. № 304-ЭС22-20993 по делу № А45-14985/2020 // СПС «КонсультантПлюс»

[87] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 3 сентября 2024 г. № 305-ЭС23-30144 по делу № А40-265796/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

участника из корпорации либо прекращение самой деятельности корпорации могут обозначить негативное развитие экономики, также не может быть поддержан. В этой связи представляется возможным согласиться с С.Л. Будылиным, который указывает, что корпорации, которые не могут полноценно функционировать из-за конфликта между участниками, не только являются причиной обеднения самих участников, но и тормозят развитие рыночной экономики, препятствуя конкуренции и инновациям. Ликвидация таких компаний является необходимым условием для создания более здоровой и устойчивой бизнес-среды. Правопорядок не должен препятствовать естественному процессу отмирания нежизнеспособных предприятий, а, наоборот, должен ему способствовать[88].

В-третьих, следуя логике примата интереса стейкхолдеров к частноправовым отношениям, в частности между участниками корпорации, участники гражданского оборота, в том числе предприниматели, должны быть лишены возможности без оглядки на публичный интерес расторгать любые коммерческие контракты. Ведь не сложно представить, какой эффект производит отказ от договора поставки космической ракеты или отказ от договора подряда на строительство гидроэлектростанции.

Из указанного следует, что фактически отсутствуют политико-правовые основания к неприменению норм о простом товариществе, в том числе в части ответственности к отношениям между участниками, также нет оснований полагать, что факт наличия корпоративного контроля является определяющим в отношениях между участниками непубличных корпораций, поскольку для договорных отношений особую роль играет принципа равенства участников правоотношений[89].

---

[88] См.: Будылин С.Л. Тезисы к научно-практическому круглому столу 27.04.2018 // М-Логос. Юридический институт. URL: http://m-logos.ru/img/M-Logos_Budilin_27042018.pdf (дата обращения: 22.01.2025).

[89] Значимость принципа равенства участников гражданского оборота в его конституционно-правовом смысле неоднократно отмечалась в судебных актах Конституционного Суда РФ. В частности, в его постановлениях от 6 июня 2000 г. № 9-// Собрание законодательства РФ 2000. № 24. ст. 2658; и от 1 апреля 2003 г. № 4-П // Собрание законодательства РФ 2003. № 15. ст. 1416 закрепляется правовая позиция, что субъекты гражданского права должны руководствоваться принципами равенства и согласования воли сторон.

Подтверждение представленной позиции можно обнаружить и в одном из приведенных в § 1 настоящего исследования факторе, который для целей работы был обозначен как вовлеченность участников в работу корпорации.

Принципиально важным аспектом, который, на наш взгляд, определяет подход к ответственности между участниками непубличной корпорации, является элемент фидуциарности в отношениях между ними.

Однако перед этим стоит отметить, что изначально в римском праве под фидуцией понималась именно сделка[90], а не описание доверительного характера отношений, вместе с тем представляется, что такая намеренная аберрация не будет препятствием для надлежащих выводов в рамках настоящего исследования.

На наш взгляд, неверно отождествлять доверительные отношения между участниками и фидуациарность. Такой подход достаточно часто можно встретить в отечественной литературе[91]. Среди подходов, выделяемых исследователями применительно к определению фидуциарных отношений, представляется, что наиболее полным является позиция И.И. Зикуна, который выделяет три совместных критерия при отграничении фидуциарных сделок от обычных.

1. Критерий осуществления чужого права. Фидуциарное правоотношение – это всегда осуществление чужого права (например, распоряжение правом на чужое имущество при фидуции, агентском договоре, корпоративном управлении).

2. Критерий исполнения обязанности наилучшим для кредитора образом. Прежде всего наличие данного критерия исключает возможность конфликта интересов бенефициара и фидуциара. Помимо этого, критерий предъявляет к фидуциару требование повышенного стандарта поведения и отчетности перед бенефициаром.

3. Критерий юридической необратимости последствий. Все юридические действия фидуциара влекут за собой необратимые юридические последствия:

---

[90] См. Нечаев В.Н. Фидуция // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб.: Акционерное издательское общество «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон», 1890–1907. Т. XXXVa (1902). С. 659.

[91] См., например: Сырбо В.А. Отечественный и зарубежный опыт гражданско-правового регулирования фидуциарных отношений: история и современность: дис. … канд. юрид наук: 12.00.03. М., 2008. С. 47.

доверитель не может заново предъявить иск, проигранный адвокатом; бенефициар обычно не может расторгнуть, оспорить или просто не исполнять договор и т.д.[92]

Формализация признаков или критериев фидуциарных отношений имеет место и в зарубежной литературе[93], однако полагаем, что представленные три основных критерия являются достаточными для рационализации применения критерия фидуциарности к отношениям между участниками.

В отношении первого критерия возникает вопрос о соотношении понятия чужого права с понятием общей цели в договоре простого товарищества. В этом свете наиболее релевантной представляется позиция А.А. Кузнецова, который справедливо замечает, что положения о ведении чужих дел могут быть аналогично применены к договору товарищества. Исследователь отмечает, что товарищество предполагает совместную деятельность в общих интересах, действия каждого участника создают юридические последствия для всех остальных. Взаимозависимость участников товарищества предполагает доверительные отношения, а также обязанность каждого участника действовать добросовестно и заботиться об общем имуществе. Договор товарищества подразумевает, что каждый участник должен отчитываться перед другими о своих действиях, направленных на достижение общих целей[94].

Основной проблемой для применения критерия фидуциарности в представленном свете является горизонтальная система управления в непубличных обществах, которая не предполагает наличия присущей фидуциарным отношениям дихотомии фидуциар – бенефициар, в связи с чем применение второго и третьего критериев кажется проблематичным.

Вместе с тем в предложенную парадигму можно было поместить отношения между мажоритарием и миноритарием, ведь коль мажоритарий определяет своими действиями контроль над корпорацией, то он фактически осуществляет полномочия фидуциара. Однако, как представляется, в контексте непубличных

---

[92] См.: Зикун И.И. Конструкция доверительного управления в гражданском праве: нефидуциарная фидуциарность //. Вестник гражданского права. 2017. №. 3. С. 52–102.

[93] См., например: Frankel T. The New Palgrave Dictionary of Economics and the Law, Definition of «fiduciary duties». URL: https://cyber.harvard.edu/trusting/unit5all.html (дата обращения 19.05.2025).

[94] См.: Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. С. 35.

хозяйственных обществ можно говорить и о применении позиции фидуциара к миноритарию в контексте реализации своих корпоративных прав. Так, наиболее полно второй и третий критерии раскрываются через призму негативного контроля, т.е. через ситуации, когда требования к большинству голосов, необходимому для принятия решений на собраниях юридических лиц, определены законом[95]. Для непубличных корпораций законодатель предусмотрел возможность самостоятельно определить более высокий порог принятия решений, вплоть до единогласия всех участников (пп. 5 п. 3 ст. 66.3 ГК РФ).
В то же время специальные законы об акционерных обществах (п. 5.1 ст. 49 Закона об АО) и обществах с ограниченной ответственностью (п. 8 ст. 37 Закона об ООО) несколько ограничивают эту свободу: они позволяют повышать кворум, но не позволяют его снижать ниже установленного законом уровня.

Ситуация негативного контроля может также сложиться и в рамках одобрения сделок с заинтересованностью, где заинтересованным лицом является мажоритарий, а одобрение соответствующих сделок предусмотрено уставом (абз. 3 п. 4 ст. 45 Закона об ООО, п. 4 ст. 83 Закона об АО).

В таких ситуациях действия миноритария не должны быть направлены напрямую против интереса мажоритария (второй критерий), и его действия являются юридически необратимыми (третий критерий).

Представленное в полной мере определяет фидуциарность в отношениях между участниками непубличной корпорации, вместе с тем не в полной мере указывает на исключительность такого положения участников именно для непубличной корпорации.

Такой вопрос не представляется праздным, ведь в литературе все чаще усматривается тенденция к универсализации положений о непубличных корпорациях и их применении также к публичным, так, например, И.С. Чупрунов отмечает, что обязательство по ведению общего дела лежит также в основе публичных корпораций[96].

---

[95] См.: Глазунов А.Ю. Ответственность миноритарных участников корпораций за нарушение фидуциарных обязанностей: возможна ли такая конструкция?
[96] См.: Чупрунов И.С. Указ. соч.

Это положение представляется верным лишь отчасти, коль скоро акционер ПАО не в той же мере скован отсутствием вторичного рынка акций и существующими как в уставе так и в законе ограничениями по выходу из корпорации, как в случае с непубличными корпорациями, из чего следует, что дизайн ПАО в первую очередь сам по себе направлен на реализацию имущественного интереса через рост стоимости акций и быстрое отчуждение в нужный момент по стоимости, определенной непосредственно контрагентами.

В этой связи представляется возможным согласиться с Т.С. Бойко, которая указывает, что в публичном обществе договорная природа отношений как бы отступает на второй план, а сами отношения обретают серьезную специфику под влиянием механизмов открытого рынка[97].

Представляется, приведенная аргументация во многом совпадает со сложившейся практикой. Вместе с тем в одном из дел СКЭС ВС РФ[98] подчеркнул, что отстранение участника от достижения поставленных перед обществом целей само по себе является основанием для исключения из общества, применительно к разрешению конкретного спора. В рассматриваемом акте указано, что для достижения намеченной цели (в данном случае строительство автодороги) и, соответственно, стабильного получения прибыли предполагалось, что участники, помимо выполнения стандартных обязанностей по ведению бизнеса, будут финансировать данный проект или хотя бы не препятствовать привлечению дополнительных инвестиций другими способами. Также они должны были способствовать получению необходимых разрешений для строительства автодороги, особенно учитывая, что за счет их вложений уже выполнены предварительные мероприятия.

Применительно к исключению участника из общества СКЭС ВС РФ указывает, что исключение участника из ООО по своей правовой природе является расторжением договора об учреждении общества в судебном порядке с той

---

[97] См.: Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. С. 53.

[98] См.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019.

стороной, которая нарушила свои обязательства, связанные с ведением общего дела (п. 1 и 3 ст. 307, п. 2 ст. 450 ГК РФ). Притом удивительно, что Суд не сделал указание на пп. 1 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ, который содержит норму о возможности применения положений ГК РФ об обязательствах к корпоративным отношениям.

В совокупности можно говорить о сложившемся в судебной практике подходе к приведению отношений между участниками к природе ответственности между участниками в рамках позиции в части определения конкретного отдельного вида обязательства – простого товарищества.

Стоит указать, что приведенный анализ не ставит перед собой целью вывести отношения между участниками непубличных корпораций из-под категорий корпоративных правоотношений и корпоративной ответственности, наоборот, в первую очередь определение особенностей схожих гражданско-правовых отношений, в частности рассмотрение представленной проблематики через призму договорной ответственности, будет способствовать развитию доктрины корпоративных правоотношений.

В контексте изложенного представляется, что правоотношения между участниками в предложенной Д.В. Ломакиным классификации являются зависимыми от основного права членства[99].

Это также следует из п. 12, 13 и 17 Обзора судебной практики от 25 декабря 2019 г., где ВС РФ не сводит саму по себе корпорацию к категории «общее дело», которое фактически сводится к извлечению прибыли из хозяйственной деятельности и не учитывает особый статус корпорации как обособленного участника гражданско-правовых отношений. Таким образом, не представляется возможным говорить об определении ответственности участника перед участником непубличного общества в качестве договорной.

Сверх того, очевидно, что для корпоративных правоотношений не могут в полной мере быть использованы подходы договорного права в части определения вины (п. 1 ст. 401 ГК РФ). С учетом горизонтальной системы управления более

[99] См.: Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. С. 89.

соответствующим представляется подход, знакомый корпоративному праву при установлении ответственности директора корпорации (ст. 53.1 ГК РФ), который предполагает доказывание только того, что при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей директор действовал недобросовестно и неразумно, т.е. речь не идет о доказывании вины в ее гражданско-правовом значении как условия ответственности за нарушение обязательств.

Это в том числе косвенно следует из позиции СКЭС ВС РФ[100], который отменил акты нижестоящих судов в рамках дела об исключении участника из общества, в которых суды констатировали именно вину как элемент состава гражданского правонарушения.

Потенциальная доктринальная разработка применения норм деликтной ответственности к рассматриваемому горизонту правоотношений также не может быть поддержана, коль скоро на уровне Конституционного Суда РФ неоднократно подчеркивалось о важности вины[101] как элемента состава гражданского правонарушения.

Представленный анализ также свидетельствует, что при разработке подходов к определению надлежащих способов разрешения корпоративного конфликта между участниками непубличной корпорации в арбитражном суде необходимо ориентироваться на критерии, характерные именно для корпоративных правоотношений, возникающих между участниками корпорации, т.е. на поведение отдельного участника в отрыве от объема правомочий участников непубличного общества.

Представляется, крайне широко в литературе рассматривается проблема именно притеснения миноритариев либо активизма участников. Такой подход

---

[100] См.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2024 г. № 305-ЭС23-30144 по делу № А40-265796/2022.

[101] См.: постановления Конституционного Суда РФ от 7 апреля 2015 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта «а» части второй статьи 166 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Кряжева» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 15. ст. 2460; от 15 июля 2009 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 29 Закона Российской Федерации «О милиции» и статьи 1084 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Нижегородского районного суда города Нижнего Новгорода и Сормовского районного суда города Нижнего Новгорода» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 31. ст. 3997.

к проблематике корпоративных конфликтов, хоть и стал, по сути, традиционным, не может лежать в основании теоретической разработки критериев ответственности участника корпорации непубличной корпорации перед другим участником корпорации.

Принимая во внимание возможности сторон, участвующих в создании корпорации, для формирования индивидуальных договоренностей, такие соглашения со временем могут быть использованы одним или несколькими участниками для создания препятствий в работе компании. Характерным примером являются завышенные требования к количеству голосов, необходимых для принятия ключевых решений, таких как назначение исполнительных органов, увеличение уставного капитала или передача долей правопреемникам. Изначально подобные меры, основанные на высоком уровне взаимного доверия между участниками, кажутся оправданными, но в перспективе они могут обернуться проблемами: различия во взглядах на развитие бизнеса в сочетании с чрезмерно строгими правилами принятия решений способны усугубить внутренние конфликты в корпорации.

В таких характерных для корпоративного права ситуациях очевидно, что основным критерием для определения противоправности действий участника корпорации будет именно нарушение фидуциарных обязанностей вне зависимости от объема прав конкретного участника.

Учитывая изложенное, считаем возможным возвести в особенности корпоративной ответственности в рамках рассматриваемой тематики именно необходимость учета при разрешении корпоративного конфликта нарушение фидуциарных обязанностей участника, влекущих невозможность достижения целей корпорации.

Однако полагаем крайне важным отдельно выделить применительно к непубличным корпорациям ситуации управленческого кризиса (deadlock), когда мы не можем установить нарушений фидуциарных обязанностей участника по отношению к другому, но участникам приходится претерпевать негативные

последствия юридической ответственности, что, в свою очередь, дает основания к теоретической разработке новых способов защиты прав участников.

Указанное, как видится, является в том числе важным барьером при отождествлении договорной ответственности в договорах простого товарищества и конфликтах между участниками корпорации.

Таким образом, обязанность участников претерпевать дополнительные правоограничения, выходящие за пределы их первоначальных обязанностей, в контексте корпоративной ответственности участника перед другим участником, может возникнуть не только в случае нарушения фидуциарных обязанностей.

Полагаем, что выявление нарушения таких обязанностей является отправной точкой для разрешения спора между участниками закрытой корпорации, однако не стоит забывать о широком спектре использования конструкции непубличного общества в хозяйственном обороте. Вместе с тем, принимая во внимание три критерия фидуциарности, рассмотренных применительно к непубличным корпорациям, можно говорить об универсальности вышеизложенного тезиса.

§ 3. Общая характеристика споров между участниками непубличных хозяйственных обществ

Как верно отмечал Ю.К. Толстой «я не мыслю юридическое лицо вне живых людей, которые вырабатывают и осуществляют его волю. Считаю, что категория “юридическое лицо” имеет значение только тогда, когда она позволяет выявить тех живых людей, с которых в полной мере можно спросить за результаты деятельности юридического лица»[102].

Вкупе с такой характеристикой российской корпоративной действительности, как стремление к высокой концентрации капитала[103], и с существенным участием учредителей корпорации в ее непосредственной

[102] Толстой Ю.К. Важно обеспечить единообразие судебной практики // Закон. 2009 № 11. С. 12–13.
[103] См.: Оборов А.С. Предпринимательская деятельность и корпоративный контроль в коммерческой корпорации // Предпринимательское право. 2022. № 1. С. 68–74.

деятельности проблематика корпоративных конфликтов между участниками выходит на первый план.

В дореволюционной литературе, посвященной акционерным обществам, можно встретить мысль о центральном месте интересов именно акционеров в свете корпоративного права. Так, например, М.П. Щепкин писал, что «...в большинстве случаев акционерная фирма с ее общими собраниями акционеров, наблюдательными комитетами, ревизионными комиссиями служит только ширмами, которыми прикрываются личные интересы немногих крупных акционеров, действительных владельцев предприятий»[104].

В продолжение этой мысли стоит согласиться с мнением о том, что корпорация представляет в первую очередь живой коллектив[105]. Однако несмотря на теоретически выраженную персонифицированность участника корпорации как актора в системе корпоративных правоотношений, в том числе внутри самой корпорации, остается крайне неопределенным вопрос о его положении в случае конфликта с другим участником корпорации.

Примат имущественного интереса участника непубличного хозяйственного общества совместно с его непосредственным участием в деятельности корпорации в том числе определяет связь участника непосредственно с имуществом корпорации. Как верно пишет Е.А. Суханов, общий принцип отделения имущества юридического лица от имущества его учредителей имеет своеобразие: хотя имущество, переданное корпорации ее участниками, перестает быть объектом их права собственности, они, однако, имеют возможность участвовать в формировании воли созданного ими юридического лица, в том числе по поводу использования имущества корпорации[106].

Кроме того, справедливым кажется утверждение о том, что традиционное понимание корпорации заключается в том, что она рассматривается как механизм,

---

[104] Щепкин М.П. Наши акционерные порядки. М.: Типография М.П. Щепкина, 1884. С. 73.
[105] См.: Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: монография. 2-е изд. М.: Проспект, 2017. С. 46–47.
[106] См.: Суханов Е.А. Комментарий к ст. 65.1 - 65.3 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2014. № 3. С. 109.

обеспечивающий объединение имущества в целях его самостоятельного участия в гражданском обороте как единого целого[107].

Указанный тезис косвенно подтверждается правом участника ООО требовать выдачи ему в натуре имущества при выходе из общества в соответствии со ст. 26 Закона об ООО (п. 6.1 ст. 23 Закона об ООО).

В этой связи не представляется удивительным смешение в судебной практике интереса корпорации и интереса непосредственно самого участника. Как отмечала СКЭС ВС РФ[108] объект защиты по косвенному иску не может определяться как категоричный выбор либо в пользу защиты субъективного права юридического лица, либо в определении пользы защиты интересов участников юридического лица. Также СКЭС ВС РФ указывает, что удовлетворение интересов компании обеспечивает удовлетворение интереса ее участников.

Действительно, отделить интерес участника от интереса корпорации крайне сложно, в связи с чем представляется возможным согласиться с позицией Д.И. Степанова о крайней ситуативности категории «интерес юридического лица», которая используется законодателем для обоснования того или иного политико-правового выбора модели регулирования отношений, складывающихся в корпорации[109].

Однако интерес самого участника корпорации не эфемерен, а представляется крайне очерченным, он напрямую следует из направленности деятельности конкретного участника на удовлетворение своего имущественного интереса. При этом субъективное право участника остается не всегда защищенным, так как современное отечественное корпоративное право имеет существенный уклон в сторону защиты путем направления косвенного иска, который предполагает защиту именно интересов корпорации, а не конкретного участника, в связи с чем необходимо, во-первых, установить, в какой степени косвенный иск может

---

[107] См., например: Суханов Е.А. О систематике юридических лиц в современном российском праве // Кодификация российского частного права 2019 / под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2019. С. 83–97.

[108]Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 августа 2016 г. по делу № 305-ЭС16-3884

[109] См.: Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. №. 1. С. 29–83.

защищать права конкретного участника в споре с другим участником, во-вторых соотнести фактические способы реализации имущественного интереса участников закрытых корпораций с нарушением обязанностей участника перед другим участником.

В этой связи стоит обозначить, что применительно к корпоративным спорам в плоскости процессуального права большое внимание уделяется теоретическим аспектам именно косвенных исков. Как верно отмечает В.В. Долинская, «процесс принято рассматривать как форму существования материи, материального права. Но в ряде случаев процессуальное право опережает материальное. Пример тому – изменения в законодательстве по вопросам права корпораций»[110].

Несмотря на свое появление из английского прецедентного права[111], косвенные иски в той или иной модификации присутствуют во многих европейских правовых системах, однако регулирование степени политико-правовой поддержки такого иска варьируется в разных юрисдикциях[112], притом некоторые правопорядки устанавливают обязанность принятия решения общим собранием участников для направления иска о взыскании убытков с менеджмента[113].

Представляется верным утверждение о том, что косвенный иск участника корпорации с точки зрения процессуального права – это инструмент защиты прав акционеров в тех случаях, когда корпоративные органы не принимают меры для защиты интересов компании. Косвенная заинтересованность возникает, когда ущерб нанесен корпорации, но участники не могут получить компенсацию напрямую, поскольку корпоративные органы не предпринимают соответствующих действий[114].

---

[110] Долинская В.В. Изменения в арбитражном процессуальном законодательстве и право корпораций // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 10. С. 58.

[111] См.: Васильева Т.А. Косвенный иск в цивилистическом процессе: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск., 2019. С. 72.

[112] См.: Чичакян Р.А. Косвенные иски: сравнительно-правовой анализ Франции, Италии и России // Вестник гражданского права. 2018 № 5 С. 7–49.

[113] См.: Gelter M. Why do Shareholder Suits Remain Rare in Continental Europe? // Brooklin Journal of International Law. 2012. Vol. 37. No. 3. P. 854.

[114] См.: Васильева Т.А. Указ. соч. С. 80.

Однако не стоит смешивать процессуальную сторону косвенных исков и материально-правовой аспект заинтересованности участника корпорации в рамках косвенного иска.

В российском законодательстве возможность подачи косвенного иска регулируется п. 1 ст. 65.2 ГК РФ. Согласно данной норме участники корпорации имеют право: (1) требовать возмещения убытков, причиненных корпорации, действуя от ее имени (п. 1 ст. 182 ГК РФ), в соответствии с положениями ст. 53.1 ГК РФ; (2) оспаривать сделки, совершенные корпорацией, ссылаясь на основания, установленные ст. 174 ГК РФ или специальными законами для отдельных организационно-правовых форм корпораций, а также требовать применения последствий их недействительности, включая последствия для ничтожных сделок корпорации.

После вступления в силу новой редакции гл. 4 ГК РФ, посвященной юридическим лицам, с 1 сентября 2014 г. в российском законодательстве закрепилась следующая дифференциация. Она заключается в различном определении процессуального положения участников корпорации в делах о возмещении убытков, причиненных действиями (или бездействием) лиц, входящих или входивших в состав органов юридического лица. В частности, ч. 1 ст. 225.8 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ)[115] позволяет участникам юридического лица обращаться в арбитражный суд с иском о возмещении убытков, причиненных этому юридическому лицу, в случаях, предусмотренных федеральным законом. При этом такие участники обладают правами и несут процессуальные обязанности истца, включая право на принудительное исполнение решения суда в пользу корпорации. Однако в абз. 5 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ указано, что участник вправе требовать возмещения убытков от имени корпорации, ссылаясь на ст. 53.1 ГК РФ. Эта норма, в свою очередь, отсылает к ст. 182 ГК РФ, которая регулирует вопросы представительства.

В своей позиции по данному вопросу в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений

[115] Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление от 23 июня 2015 г. № 25) ВС РФ не разрешил противоречие между нормами материального и процессуального права. В п. 32, в отличие от положений ст. 225.8 АПК РФ, указано, что участник корпорации, который в установленном порядке обращается в суд от имени корпорации с требованием о возмещении убытков (ст. 53.1 ГК РФ), а также с иными требованиями, связанными с оспариванием сделок или последствиями их недействительности, считается представителем корпорации, в том числе на стадии исполнения судебного решения. При этом истцом в таком деле является сама корпорация (п. 2 ст. 53, п. 1 ст. 65.2 ГК РФ).

Также в литературе отмечается, что представительская модель косвенного иска не является в полной мере обоснованной, взамен ее предлагается прямая модель иска, поданного именно в интересах корпорации участником, так, во-первых, она устраняет необходимость доказывать приоритет интересов участников над интересами компании, так как признает искусственный характер корпоративных интересов[116]. Во-вторых, она позволяет участнику эффективно защищать свои права, исключая вмешательство менеджмента в процесс рассмотрения иска[117]. В-третьих, данная модель упрощает применение правил исковой давности и принципа эстоппеля, делая их более справедливыми[118].

Также среди проблем представительской модели называются (1) процессуальное положение иных участников – представителей корпорации[119], (2) невозможность вступать в спор самой корпорации или в качестве третьего лица[120] и (3) преюдициальное значение фактов, установленных в рамках предыдущих процессов, инициированных отдельными участниками[121].

---

[116] См.: Кипаренко А.Ю. Косвенный иск участника корпорации: прямая и представительская модели // Вестник гражданского права, 2023. № 3. С. 230–257.
[117] См.: там же
[118] См.: там же
[119] См.: Беккер Д., Беккер А., Косвенные иски в корпоративном праве России: критика действующей и возможная смена концепции // Цивилисты о юридических лицах: сборник научно-практических публикаций, М.: Ассоциация выпускников РШЧП. 2022. С. 306.
[120] См.: там же С. 309.
[121] См.: там же С. 310.

Кроме того, до реформы 2014 г. в российском корпоративном праве иск участника к корпорации классифицировался как прямой. Предполагалось, что участник выступает в своих интересах, оспаривая действия корпорации и требуя возмещения убытков[122].

Вместе с тем нам не представляется, что критика представительского подхода к косвенным искам является обоснованной. Кажется верным позиция о том, что утверждение о представительском характере косвенного иска носит описательный характер, так как оно лишь догматически объясняет, что собой представляет возможность подать иск в защиту интересов другого лица[123].

Представляется возможным согласиться с позицией И.В. Решетниковой, которая указывает, что процессуальное представительство порождает два вида правоотношений. Первый из них – это материально-правовые отношения между представляемым и представителем, которые регулируются нормами гражданского права. Второй вид – это процессуальные правоотношения, включающие взаимодействие между представителем и судом, а также между представляемым и судом. Важно отметить, что между представителем и представляемым в процессе не возникает отдельного процессуального правоотношения, поскольку суд является обязательным участником всех процессуальных взаимодействий. Эти правоотношения регулируются арбитражным процессуальным законодательством[124].

Таким образом, отношения между корпорацией и участником в рамках косвенного иска регулируются гл. 10 ГК РФ, в обратном случае у участника не было бы установленного закона права *de facto* распоряжаться имуществом корпорации в рамках судебного процесса. Положение участника в процессе в качестве истца обеспечивает его именно процессуальными правами, притом из буквального толкования ч. 3 ст. 225.2, ч. 1 ст. 225.8 АПК РФ следует, что истец по косвенному иску имеет права и несет обязанности истца, однако прямое

---

[122] См.: Чичакян Указ. соч.

[123] См.: Кузнецов А.А. Косвенные иски в корпоративном праве России: материально-правовой аспект // Закон. 2020. № 11. С. 76–86.

[124] См.: Решетникова И.В. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (гл. 6) // Вестник гражданского процесса. 2020. № 1. С. 100–132.

указание на ст. 44 АПК РФ отсутствует, что может говорить о функциональном характере положения участника корпорации в рамках косвенного иска.

Тезис о разделении правоотношений представительства также в полной мере лежит в канве, предложенной В.А. Лаптевым, который указывает, что согласно действующему законодательству участник корпорации обладает правом обратиться в суд с иском в интересах компании и выступать в данном процессе как непосредственный истец, отстаивающий свои права, и как законный представитель корпорации[125]. Стоит отметить, что указанное не определяет возможность участника корпорации выбирать между двумя отдельными моделями исков – по ст. 65.2 ГК РФ и по ст. 225.8 АПК РФ[126].

Кроме того, представительская модель косвенного иска в судебной практике не определяет игнорирование судом воли иных участников корпорации при рассмотрении конкретного дела[127], ВС РФ прямо указывает, что участвующие в деле участники корпорации ограничены в своем праве на полный или частичный отказ от иска, изменение оснований или предмета иска, заключение мирового соглашения и соглашения по фактическим обстоятельствам, поскольку совершение указанных действий невозможно без согласия корпорации в лице соответствующего органа и присоединившихся к иску участников при следующих обстоятельствах.

Несмотря на то что судебная практика в части влияния корпоративного конфликта на производства, возбужденные по косвенным искам, находится на стадии формирования, указанные выводы активно воспринимаются судебной практикой[128], в том числе и по искам о взыскании убытков с органов управления корпорацией[129].

---

[125] См.: Андреев В.К., Лаптев В.А. Указ. соч. .

[126] См.: Беккер Д., Беккер А. Указ соч. С. 306.

[127] См.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2023 г. № 307-ЭС23-10613 по делу № А56-6328/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[128] См.: постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13 сентября 2024 г. № Ф08-3263/2024 по делу № А01-4552/2022 // СПС «КонсультантПлюс», Решение Арбитражного суда Красноярского края от 10 сентября 2024 г. по делу № А33-9999/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[129] См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 августа 2024 г. № Ф05-14824/2024 по делу № А40-114865/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

Складывающаяся судебная практика определяет сохранение за участниками возможности блокировать невыгодные для корпорации и для себя судебные решения и злоупотребления участников в части легитимизации сделок через их утверждения в судебных актах, это в свою очередь также нивелирует аргументы о невозможности защиты прав всех участников в рамках косвенного иска. Однако основополагающим фактором, определяющим успех защиты своих прав у участника, остается его личная процессуальная активность при возникновении оснований считать, что конкретный судебный процесс повлечет необратимость негативных последствий для корпорации.

Таким образом, можно говорить об углублении в отечественной судебной практике примата защиты прав участников закрытых корпораций в рамках производств, возбужденных по косвенному иску.

В части определения материально-правового интереса участника корпорации существует доктринальная позиция, в соответствии с которой, исходя из логики абз. 5 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ, законодатель, признавая участника корпорации законным представителем юридического лица, не предполагает наличие у него самостоятельного материально-правового интереса в исходе дела. Это соответствует общепринятому принципу, согласно которому представители независимо от типа представительства действуют в процессе от имени и в интересах представляемого лица, при этом не защищая свои собственные субъективные права и охраняемые законом интересы[130]. Следовательно, представители не обладают самостоятельным материально-правовым интересом в результате судебного разбирательства, что косвенно подтверждается пп. 2 п. 7 постановления Пленума ВС РФ от 26 июня 2018 г. № 27[131], в котором указано, что не является основанием для отказа в удовлетворении иска тот факт, что на момент совершения сделки участник не имел статуса участника корпорации[132].

---

[130] См.: Ионова Д.Ю. Косвенные иски как способ защиты интересов участников коммерческих корпораций // Российский судья. 2018. № 7. С.17–22.

[131] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.

[132] См.: Ерчак С.В. Иски корпорации, предъявляемые ее участниками // Актуальные проблемы российского права. 2024.№ 6. С. 94.

Тезис о конституированном отсутствии у участника представителя материально-правового интереса не в полной мере коррелируется с позицией СКЭС ВС РФ, в соответствии с которой предоставление лицу права заявлять иски от имени обществ, где он имеет только опосредованный экономический интерес, или заявлять иски об оспаривании решений органов управления в таких обществах допустимо только в исключительных случаях, когда им будет доказана заведомая невозможность защиты своих прав посредством гарантированных лицу правопорядком местонахождения соответствующего общества способов защиты в рамках общества, в котором он имеет прямой экономический интерес – является непосредственным участником (например, вследствие санкций).

Из указанного следует, что материально-правовой интерес участника материнской корпорации в дочерней очевиден СКЭС ВС РФ, а «корпоративный щит» не всегда является препятствием для участника от принятия решений в рамках судопроизводства применительно к судьбе самой корпорации.

Вероятно, российское корпоративное право создало для участников крайне широкий спектр возможностей для защиты корпорации в рамках представительской модели косвенного иска, которая направлена в первую очередь на защиту самой корпорации, но не на защиту прав отдельно участника[133]. Это подтверждается в том числе установленной п. 17 Обзора судебной практики от 25 декабря 2019 г. предоставленным участнику правом обратиться в суд с иском о признании сделки недействительной в том случае, если соответствующая сделка не причиняет ущерба корпорации, но не является разумно необходимой для нее и совершена в интересах некоторых участников общества, и причиняет неоправданный вред интересам остальных.

Нельзя не признать, что такая модель оправданна для достижения цели сохранения корпорации, т.е. сохранения в первую очередь ее имущества, однако она не в полной мере решает проблему разрешения конфликтов между участниками, что, как нам представляется, обусловливает некоторый парадокс, по

[133] Ефимов А.В. Правовое обеспечение баланса интересов в корпоративных группах // Закон 2022 № 6 С. 101 – 115.

сути, любая попытка участника обеспечить защиту своего имущественного интереса будет связана с обеспечением защиты имущественного интереса недобросовестного участника, поскольку интерес последнего, как было указано выше, смешан с интересом корпорации. В связи с изложенным обращает на себя внимание теоретическая возможность предъявления участником прямого иска в рамках защиты своих корпоративных прав.

Большинство известных правопорядков признают за участниками право предъявления прямого иска участника корпорации[134]. Основной предпосылкой для удовлетворения такого требования является наличие отдельного нарушенного интереса участника корпорации, не связанного непосредственно с имуществом корпорации[135]. В российском праве же на доктринальном уровне признается, что прямой иск участник корпорации подает в случае исключения другого участника из корпорации[136]. Вместе с тем необходимость внедрения в российский правопорядок прямых исков, направленных на защиту прав участников корпорации, в особенности в спорах между участниками, отмечается современными исследователями[137], притом такая позиция представляется вполне разумной, учитывая, что косвенный иск исторически в первую очередь направлен на ситуации разрешения конфликтов в вертикальной: а не горизонтальной системе управления корпорацией.

Наряду с этим представляется, что попытки расширить основания для предъявления корпоративных требований могут встретить серьезный скептицизм со стороны судов. В этой связи важно отметить дело «Тимер банка»[138], в котором участник акционерного общества выступил в качестве истца, а сама корпорация – ответчика. Отменяя акты нижестоящих судов, СКЭС ВС РФ подтвердила

---

[134] Подробнее см.: Fleischer H. Gesellschafterkonflikte in geschlossenen Kapitalgesellschaften // Bachmann G. et al. Rechtsregeln für die geschlossene Kapitalgesellschaft. Berlin: De Gruyter, 2012. Vol.18. S. 54.

[135] Ibid.

[136] См.: Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. С. 295.

[137] См., например: Д.И. Степанов. Как судам отделить рыночно-обоснованные внутригрупповые сделки от сделок, где страдают миноры? Это проблема проблем… Интервью // Цивилисты о юридических лицах: сборник научно-практических публикаций. М.: Ассоциация выпускников РШЧП, 2022. С. 13.

[138] См.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 декабря 2016 г. № 305-ЭС16-10038 по делу №А40-51672/2015 // СПС «КонсультантПлюс»

уже сложившиеся позиции, закрепленные в действующем корпоративном, банкротном и связанном с рынком ценных бумаг законодательстве, а также поддержала существующую судебную практику в части недопущения прямых исков участнику корпорации к другому участнику.

Таким образом, не произошло ни расширения круга лиц, к которым могут быть предъявлены требования о возмещении убытков, связанных с корпоративными отношениями, ни увеличения количества оснований для подачи таких исков. Тем самым ВС РФ, отказавшись поддержать аргументы истцов, вновь обозначил ориентиры для нижестоящих судов и профессионального сообщества: иски о возмещении убытков, возникающих из участия в корпорации и направленные против других участников корпоративных отношений (будь то сама корпорация, ее органы управления, акционеры и проч.), допустимы лишь при соблюдении трех ключевых условий. Во-первых, наличие прямого указания в законе на возможность предъявления иска с описанием конкретного нарушения. Во-вторых, четкое определение субъекта, несущего корпоративную ответственность. И в-третьих, установление круга лиц, обладающих правом на подачу такого иска.

Любые попытки обойти эти рамки, даже если они продиктованы стремлением защитить пострадавшую сторону, с высокой долей вероятности не найдут понимания у судов, что крайне критично для проблематики ответственности участника перед участником в непубличном обществе. С учетом изложенного целесообразно рассмотреть, на какой именно иск должно быть указание в законе, поскольку вопрос о субъектном составе рассматриваемой группы споров очевиден.

Как было указано выше, для определения горизонта использования прямой модели иска необходимо учитывать разграничения прямого и косвенного иска в рамках корпоративных споров между участниками корпорации. В отечественном праве в дореволюционную эпоху И.Т. Тарасов выражал позицию, в соответствии с которой прямой иск может быть подан в суд в рамках

корпоративных правоотношений напрямую от участника к участнику, в случае нарушения иных, независимых от самой корпорации прав участника[139].

Представляется, что такой подход очевиден сам по себе, никто не сможет удержать участника от иска к другому участнику в случае наличия оснований, не связанных с корпорацией. Вместе с тем указанное в полной мере отражает сложность в рамках выработки подхода к отделению интереса участника от интереса корпорации.

Попытка разграничения прямого и косвенного исков была предпринята в диссертации А.Ю. Глазунова. В ней автор указывает, что разграничение прямого и косвенного исков пролегает в плоскости определения адресата присуждения по иску. Так, в рамках прямого иска присуждение производится в пользу участников корпорации, имущественные права которых нарушены, в то время как по косвенному иску присуждение производится в пользу самой корпорации[140].

На практике поиск оптимальной модели предоставления находится на стадии формирования, полагаем целесообразным указать, что в рамках настоящей работы предлагается рассматривать иски участника корпорации в качестве прямых исков к другому участнику корпорации в случае направленности иска на правоотношения, непосредственно между участниками корпорации, особенности которых были выделены в предыдущих главах. Как было указано ранее, такие правоотношения достаточно выделены отечественной судебной практикой.

Наряду с проблематикой поиска места для прямых участника к участнику полагаю целесообразным рассмотреть наиболее явные причины возникновения корпоративных конфликтов, связанных с нарушением имущественных прав участников и проблематику, связанную с защитой таких интересов.

---

[139] См.: Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. Киев: Типография В.И. Завадского, 1878.

[140] См.: Глазунов А.Ю.. Защита имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ на примере отдельных институтов гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021 С. 42.

Представляется, что конвенциональным компромиссом в вопросе классификации корпоративных прав участников можно считать их разделение на имущественные, преимущественные и неимущественные[141].

Вместе с тем для непубличных хозяйственных обществ будет справедливым утверждение о том, что все три группы прав имеют имущественный характер[142] либо напрямую связаны с реализацией имущественных прав[143], что неудивительно в контексте извлечения прибыли в качестве основной цели деятельности корпорации.

При таком положении вещей тезис о том, что вопрос об имущественных правах является наиболее острым в отношениях между участниками корпорации не требует дополнительного подтверждения, однако считаем необходимым раскрыть положение имущественных прав во взаимосвязи с преимущественными и неимущественными для определения основных точек опоры для определения моделей защиты прав участников непубличных хозяйственных обществ.

Итак, в литературе отмечено, что существует два способа удовлетворения имущественного интереса участника коммерческой корпорации: (1) участие в распределении прибыли, (2) в результате увеличения стоимости долей (акций) и последующего их отчуждения[144].

Из указанного возможно предположить, что конституированное право участника в абз. 2 п. 1 ст. 67 ГК РФ на извлечение прибыли направлено не на установление субъективного права участника требовать выплату хозяйственным обществом такой прибыли, а устанавливает правило по умолчанию, в силу которого каждый участник имеет право на получение прибыли в соответствии со своим объемом участия в корпорации. При таком преломлении расщепление права на участие в распределении прибыли не имеет смысла.

---

[141] См.: Корпоративное право: учебный курс. в 2 т. / отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 1. М.: Статут, 2017. С. 869–950 (автор гл. 9 – Д.В. Ломакин).
[142] Применительно к преимущественным правам см., например: там же. С. 914.
[143] См.: там же. С. 933.
[144] См.: Смирнова Я.А. Указ. соч. С. 104.

Вместе с тем фактически удовлетворение имущественного интереса путем участия в распределении прибыли корпорации крайне затруднено. В большинстве развитых правопорядков, в том числе в российском, отсутствует абсолютное право участников корпорации на получение дивидендов в обход внутренних правил корпорации[145], в связи с чем сложно не согласиться с позицией В.В. Лаптева о том, что до принятия решения о выплате дивидендов у акционера нет субъективного права на дивиденд, которое можно было бы реализовать в судебном порядке[146].

В случае если выплата дивидендов ставится внутренними документами корпорации под условие достижения определенных показателей, а действия участников не приводят к невыполнению таких условий, то формально добросовестный участник претерпевает негативные последствия как от уменьшения стоимости своей доли участия в связи с уменьшением привлекательности для потенциального покупателя – третьего лица перспективы покупки такой доли, так и от неполучения ожидаемых дивидендов.

Однако в большинстве случаев объявление дивидендов является прерогативой собрания акционеров корпорации, даже достижение высоких экономических показателей необязательно ведет к выплате дивидендов.

В такой ситуации миноритарным участникам приходится прибегать к иным способам защиты прав, которые уникальны для каждого развитого правопорядка[147].

В российской практике такие примеры единичны, но оспаривание невыплаты дивидендов связывается со злоупотреблением правом[148].

Нельзя оставить без внимания дискуссию о возможных способах защиты права участника на распределение прибыли.

В.А Гуреев применительно к акционерным обществам, указывая на необходимость наличия гарантий акционеров для сохранения их мотивации

---

[145] См.: Синицын С.А. Право на дивиденд: возникновение, содержание, осуществление и защита.
[146] Лаптев В.В. Акционерное право. М.: Контракт; Инфра-М, 1999. С. 67.
[147] См.: Бойко Т.В. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 15, Синицын С.А. Право на дивиденд: возникновение, содержание, осуществление и защита. С. 120–130.
[148] См.: определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 октября 2013 г. № ВАС-14817/13 по делу N А53-3054/13 // СПС «КонсультантПлюс».

продолжать участвовать в бизнесе, считает, что необходима законодательная возможность для акционеров обжаловать бездействие корпорации в части выплаты дивидендов в судебном порядке[149].

Т.С. Бойко предлагает закрепление идеи о включении в корпоративное законодательство нормы, в соответствии с которой определяется минимальный проценты чистой прибыли общества, передаваемый на выплату дивидендов участникам[150]. Также предлагается закрепить в корпоративном законодательстве возможность для миноритарного акционера предъявить иск о взыскании убытков в случае преднамеренного занижения прибыли акционерами[151].

А.Ю. Глазунов считает возможным внедрить комплексный способ защиты, состоящий из трех возможных требований: (1) требование о признании недействительным решения общего собрания о невыплате дивидендов, (2) требование о признании решения общего собрания о выплате принятым на условиях, указанных в решении суда, (3) требование о выплате частникам дивидендов в размере, определенном волезамещающим решением суда[152].

Представленные подходы объединяет стремление предоставить в первую очередь миноритарию возможность извлекать конвенционально прибыль в рамках формальной процедуры, предусмотренной законодательством вопреки воли контролирующего участника. В этом же направлении можно рассматривать п. 13 Обзора ВС РФ по корпоративному праву, который устанавливает возможность оспаривать решения общего собрания участника в случае их противоречия интересам общества или конкретного акционера.

Заслуживает внимания позиция О.И. Гентовт, которая прямо восстает против закрепления идеи о том, что участники хозяйственных обществ могут иметь безусловное право на дивиденд. По мнению исследователя, выплата дивидендов является правом хозяйственного общества, которым оно может злоупотребить,

---

[149] См.: Гуреев В.А. Проблемы защиты прав и интересов акционеров в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 117.
[150] См.: Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. С. 207.
[151] См.: тм же С. 209.
[152] См.: Глазунов А.Ю. Защита имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ на примере отдельных институтов гражданского права. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 202.

обратное бы обозначало сближение распределения прибыли с депозитом в банке, по которому гарантируется минимальный доход[153].

В настоящее время в отечественном корпоративном праве главным критиком идеи о предоставлении миноритариям широких возможностей в части оспаривания корпоративных решений выступает Д.И. Степанов, в частности, применительно к вопросу о возможности каким-либо образом использовать инструменты судебной защиты прав участников он указывает, что вне зависимости как от длительности нахождения участника в корпорации, так и от объема прибыли корпорации суд не должен подменять собой общее собрание участников корпорации[154]. Представленная позиция, а также позиция О.И. Гентовт в полной мере соответствуют разъяснению Конституционного Суда РФ, который в постановлении от 24 февраля 2004 г. № 3-П указал, что регулирование корпоративных отношений учитывает принцип свободы экономической деятельности, предполагающий, что общее собрание акционеров вправе самостоятельно принимать стратегические экономические решения.

Вероятно, в настоящий момент развития корпоративного законодательства позиция о невмешательстве судом в управление корпорацией в части объявления о распределении прибыли является наиболее сбалансированной в части сохранения равновесия интересов участников корпорации, особенно с учетом заложенной в п. 13 Обзора судебной практики от 25 декабря 2019 г. возможности у суда отменять решения общего собрания участника, явно противоречащие целям регулирования корпоративных правоотношений.

Однако для целей настоящего исследования более примечателен аспект конфликтности вопроса о распределении прибыли в корпорации. Д.И. Степанов верно указывает, что решение о невыплате дивидендов при наличии прибыли зачастую является понуждением миноритарных участников покинуть общество[155], что обусловливает нарушение фидуциарных обязанностей мажоритария в

---

[153] См.: Гентовт О.И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ: монография. М.: Статут, 2022.

[154] См.: Степанов Д.И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. М.: Статут, 2021. С.242.

[155] См.: Степанов Д.И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. С. 238.

отношении миноритария, однако представляется необходимым отметить, что это касается исключительно ситуаций, когда у участников отсутствуют *de facto* дивиденды.

Для непубличных корпораций такая ситуация представляется критичной, поскольку, даже если миноритарию удастся оспорить решение о невыплате дивидендов, конфликт внутри корпорации также остается, разнонаправленность интересов участников впоследствии предопределяет отложение корпоративного конфликта на будущий период распределения прибыли, а также не прерывает действия мажоритарного участника по вытеснению миноритарного участника из корпорации.

В таком случае возникает вопрос, есть ли стимулы у миноритариев оставаться в обществе или имеет большой смысл сохранить свой личный имущественный *status quo*? В обратном случае проблема выглядит еще более явной, если миноритарий подает иск в суд об оспаривании решения общего собрания участников на основании п. 13 Обзора судебной практики от 25 декабря 2019 г. либо заявляя о злоупотреблении корпоративными правами мажоритарием, притом с очевидной вероятностью понимая туманность удовлетворения таких требований, то его поведение можно воспринимать как своего рода *ultima ratio*. В случае неудовлетворения требования миноритарий остается без удовлетворенного имущественного интереса, а также дает импульс к разрастанию корпоративного конфликта.

Полагаем возможным отметить, что так или иначе реализация своего имущественного интереса путем участия в распределении прибыли на практике остается по крайне мере непредсказуемым для участника корпорации в случае отсутствия возможности напрямую способствовать принятию соответствующего корпоративного решения, а также с учетом вовлеченности участников в работу корпорации провоцирует замедление динамики развития предпринимательской деятельности самого общества.

В свою очередь, второй способ удовлетворения имущественного интереса участника – путем отчуждения доли участия (акций) – также не всегда является

оптимальным способом получения прибыли в силу отсутствия вторичного рынка, о чем было указано выше. Вместе с тем такая стратегия удовлетворения предпринимательского интереса участия требует дополнительной проработки и определения предпосылок для возникновения конфликта.

Применительно к реализации права участника на отчуждение доли участия в обществе либо акций третьим лицам на первый взгляд представляется, что на данном этапе законодательное регулирование и судебная практика выстроили крайне стройную систему механизм реализации участником своего имущественного права, однако, вероятно, остаются некоторые неразрешенные вопросы.

Абзац 2 п. 2 ст. 21 Закона об ООО предлагает участникам возможность включить в устав условие об ограничении продажи либо отчуждения доли участия третьим лицам, п. 4 ст. 21 Закона об ООО устанавливает режим реализации другими участниками своих преимущественных прав. Также, как отмечается в литературе, по смыслу п. 2 и п. 10 ст. 21 Закона об ООО устав ООО может предусматривать необходимость получения согласия на отчуждение доли третьи лицами со стороны самого общества[156].

Также обращает на себя внимание, что преимущественное право приобретения доли в ООО носит диспозитивный характер. Это следует из пп. 7 п. 3 ст. 66.3 ГК РФ, который предусматривает возможность включить в устав положения о порядке реализации преимущественного права покупки доли или акции непубличного хозяйственного общества.

ВС РФ указывал на диспозитивность положений ГК РФ о порядке реализации преимущественного права, отдельно подчеркивая, что все правила, касающиеся ограничения отчуждения доли в уставном капитале третьим лицам, включая право преимущественной покупки доли, могут быть изменены или полностью отменены уставом общества[157].

---

[156] Вайпан В.А., Габов А.В., Губин Е.П. и др. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 т. / под ред. И.С. Шиткиной. М.: Статут, 2021. Т. 1. С. 370. (Комментарий к ст. 21. Авторы комментария – С.Ю. Филиппова, Н.В. Козлова)

[157] См.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019.

В этом же определении, как отмечалось выше, было разъяснено, что положение устава общества о закреплении заранее установленной цены покупки доли в размере, существенно отличающемся от ее рыночной стоимости, без ограничения срока действия такого условия разумным краткосрочным периодом в сочетании с отсутствием у участника права на выход из общества является ничтожным.

Сверх того, СКЭС ВС РФ, ссылаясь на ст. 1048 ГК РФ, устанавливающую ничтожность условия договора простого товарищества об устранении одного из товарищей от участия в прибыли, отдельно отмечает невозможность включения подобного условия в устав.

Таким образом, в настоящее время российский правопорядок не представляет мажоритарию возможности по блокировке миноритария, у последнего есть возможность по выходу из общества в том числе в случае установления заниженной цены приобретения доли участия в рамках реализации преимущественного права другими участниками путем продажи доли участия самому обществу.

В этой связи представляется примечательным другое определение СКЭС ВС РФ[158], которым были отменены акты трех нижестоящих инстанций. В рамках указанного дела мажоритарный акционер пытался продать часть своей доли участия (6% из 75%) третьим лицам, притом в уставе общества содержалось условие о необходимости получения согласия других участников на продажу доли, а также условие о возможности выхода из общества (ст. 26 Закона об ООО). Мажоритарий направлял предложения о покупке доли миноритариям, но последние отказались от приобретения, в связи с чем мажоритарий заключил договор купли-продажи доли с третьими лицами. Миноритарный участник обратился в суд с требованием о признании недействительным договора купли-продажи, сославшись на отсутствие согласия со стороны миноритариев на отчуждение доли.

---

[158] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-24465 по делу № А40-139499/2021 // «КонсультантПлюс».

Суды трех инстанций, ссылаясь на определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019, а также на нарушение прав мажоритария в части возможности свободы распоряжаться своей долей, в требованиях отказали. Наряду с этим судами также было подчеркнуто со ссылкой на ст. 10 ГК РФ злоупотребление миноритарными участниками своими правами в части отказа в покупке доли мажоритария при непредоставлении согласия на отчуждение доли третьим лицам.

СКЭС ВС РФ, в свою очередь, приняла во внимание возможность у мажоритария продать свою долю непосредственно обществу, решив, что мажоритарий не имеет возможности ссылаться на «запертость» внутри корпорации и неприменимость выводов СКЭС ВС РФ.

Таким образом, с учетом представленных актов СКЭС ВС РФ можно говорить о направлении российского корпоративного права в сторону крайне свободного подхода в части выхода участника из ООО, что опосредует собой доступность реализации имущественного интереса путем продажи доли. Возможно предположить, что такая позиция, по сути, является логичным продолжением позиций к КС РФ в части обеспечения свободы экономической деятельности[159].

В литературе отмечаются различные подходы к обозначенной тенденции, так, А.А. Кузнецов, рассматривая непубличные хозяйственные общества через призму товарищеского соглашения, приходит к выводу о рациональности выводов ВС РФ в части недопущения *de facto* безвременного запрета на выход участника[160]. Схожих позиций придерживается И.С. Чупрунов[161].

---

[159] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П; постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2010 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации “О занятости населения в Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Н.И. Гущина» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 23. Ст. 2934.; постановление Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2014 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 19 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Фирма Рейтинг”» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 9 ст. 951.

[160] См.: Кузнецов А.А. Новая жизнь российского корпоративного права и ограничения на отчуждение доли (акций). Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 4–24.

[161] См.: Чупрунов И.С. Начало “новой жизни” в российском корпоративном праве. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912.

В свою очередь, Д.И. Степанов приходит к выводу о негативных последствиях представленного подхода судов к проблематике. Во-первых, отмечается, что в сравнительно-правовом преломлении проблема удержания участника внутри закрытой корпорации решается неоднозначно. На практике в соответствии с запросами бизнес-практики возможность «закрыть» участника внутри корпорации фактически поддерживается[162].

Во-вторых, с точки зрения экономического анализа права предоставление срока, по истечении которого участник непубличной корпорации вправе требовать выхода из корпорации за выплату компенсации, ставит такого участника выше оставшейся группы участников, что является неэффективным как по критерию Калдор-Хикса, так и по критерию Парето[163].

В-третьих, правовые системы, в которых право выхода из непубличной корпорации было затруднено, в исторической перспективе редко отказывались от такого подхода, и наоборот, системы, позволяющие простое изъятие имущества из непубличной корпорации, со временем отказывались от таких форм ведения бизнеса[164].

Для темы настоящего параграфа основным вопросом представляется именно аспект реализации имущественного интереса участников непубличных корпораций. В этом свете достаточно сложно спорить с тезисом, приведенным Д.И. Степановым, в части экономической эффективности более осторожного подхода к вопросу о выходе участника из корпорации. Этой же канве следует мысль об ущемлении инвестиционного интереса оставшихся участников корпорации, которые, принимая во внимание особенности непубличных корпораций, претерпевают издержки, связанные с трансформацией своего инвестиционного интереса, поскольку могли быть просто не готовы принимать на себя обязательство

---

[162] См.: Степанов Д.И. Модели удерживания участника в непубличной корпорации: блокирование на срок или бессрочно // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 12. С. 102–156.

[163] О критериях эффективности Парето и Калдор-Хикса см.: Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. С. 122–128; Степанов Д.И. Модели удерживания участника в непубличной корпорации: блокирование на срок или бессрочно.

[164] См.: Степанов Д.И. Модели удерживания участника в непубличной корпорации: блокирование на срок или бессрочно.

по оплате стоимости доли участнику, который заявил о выходе из общества либо направил уведомление о намерении продать долю участия третьим лицам.

С другой стороны, если стороны предусмотрят в уставе условие о временной невозможности выхода участника, как того требует СКЭС ВС РФ, предположим 10 лет, то встает вопрос о том, насколько такое условие определяет возможное продолжение общего дела в случае возникновения разногласий по управлению корпорацией? Возможно ли в таком случае предложить участнику дождаться истечения в уставе срока либо за ним сохраняется право на выход?

В этой связи мне представляется, что подход, представленный практикой ВС РФ, остается не в полной мере сбалансированным, приходится согласиться с тем, что реализация имущественного интереса участника непубличного общества требует дополнительной проработки, в том числе в части способов защиты участника путем регулирования возможности покинуть корпорацию под контролем суда, о чем также будет рассказано ниже.

Вместе с тем повышенное внимание привлекает вопрос о механике реализации имущественного права участников корпорации в части определения цены в свете положений Закона об ООО. Основной вопрос можно сформулировать так: существует ли экономически осязаемая разница между выходом из общества в порядке, предусмотренном ст. 26 Закона об ООО и продажей доли участия третьим лицам?

В случае реализации доли участия третьим лицам очевидно использование стандартных рыночных механизмов оценки цены доли участия, иными словами, стороны потенциального договора купли сами определяют цену. Наряду с этим, как было рассмотрено выше, установление цены стоимости доли в рамках преимущественного права покупки выходящего из ООО участника остающимися в корпорации участниками может быть установлено *ex post* на основании рыночной стоимости доли участия.

Сложно не согласиться с тем, что в сложившейся судебной практике закреплен подход, в соответствии с которым влияние разницы активов и пассивов

лежит в основе экономической оценки деятельности общества, впоследствии вывод был закреплен судебной практикой[165].

Также в отношении определения рыночной стоимости доли участия применяется положение Федерального стандарта оценки «Оценка бизнеса (ФСО № 8)», утвержденного приказом Министерства экономического развития РФ от 1 июня 2015 г. № 326 (далее – ФСО № 8), его неиспользование может определить непринятие судом выводов эксперта[166].

В специализированной литературе отмечается, что п. 9 ФСО № 8 устанавливает приоритетность доходного подхода при оценке бизнеса[167], вместе с тем в соответствии с п. 12 ФСО № 8 при использовании доходного подхода оценщику необходимо внести поправки на контроль и, в случае необходимости, на ликвидность, а также определить стоимость объекта оценки[168].

Из указанного справедливым будет указать, что фактически в случае применения института оценки рыночной стоимости доли участия будет оцениваться исходя из объема прав участника в ООО. Таким образом, понижающий коэффициент применяется, но не через корпоративное законодательство, а через законодательство, регулирующее оценочную деятельность.

В отношении выхода из корпорации в порядке ст. 26 Закона об ООО ситуация выглядит иначе. Как установлено п. 6.1 ст. 23 Закона об ООО, при выходе участника из общества общество обязано выплатить выходящему участнику действительную стоимость его доли, притом понижающий коэффициент к определению действительной стоимости доли не применяется[169].

---

[165] См.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19 августа 2019 г. № 301-ЭС17-18814 по делу № А43-1397/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 октября 2024 г. № Ф05-14694/2024 по делу № А41-74044/2021 // СПС «КонсультантПлюс», постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 сентября 2024 г. № Ф05-14679/2024 по делу № А41-3594/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; решение Арбитражного суда города Москвы от 4 мая 2021 г. по делу № А40-88043/20 // СПС «КонсультантПлюс» и др.

[166] См., например: решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 1 июня 2017 г. по делу № А56-7449/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[167] См.: Косорукова И.В. Рекомендации по использованию Федерального стандарта оценки «Оценка бизнеса (ФСО N 8)» // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 10. С. 82–96.

[168] См.: Косорукова И.В. Указ. соч.

[169] См., например: постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 октября 2008 г. № 8115/08 по делу № А40-72274/06 // СПС «КонсультантПлюс», постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13

В качестве исключения из общего правила о неприменении понижающего коэффициента теоретически можно указать на постановление Президиума Верховного Суда РФ от 9 ноября 2016 г. по делу № 336-ПЭК16[170]. Однако в деле, рассмотренном Президиумом, снижение было связано с особенностью активов ООО – миноритарными пакетами акций, к которому применялся соответствующий действующий на момент рассмотрения дела федеральный стандарт оценки.

В соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 14 Закона об ООО и пп. «г» п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 14 от 9 декабря 1999 г. «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”» (далее – Постановление от 9 декабря 1999 г. № 90/14)[171] установлено, что действительная стоимость доли участника общества соответствует части стоимости чистых активов общества, пропорциональной размеру его доли, и выплачивается пропорционально оплаченной части в уставном капитале.

Наряду с этим в соответствии со сложившейся судебной практикой[172] при определении стоимости чистых активов общества учитывается именно рыночная стоимость таких активов, что следует в том числе из постановления Президиума Верховного Суда РФ от 9 ноября 2016 г. по делу № 336-ПЭК16. Наряду с этим обращает на себя внимание разработка Министерством экономического развития

февраля 2024 г. № Ф09-9484/2023 по делу № А50-19753/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11 июля 2024 г. № Ф06-4535/2024 по делу № А57-34923/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 мая 2024 г. № 13АП-8076/2024 по делу № А56-36764/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[170] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 9 ноября 2016 г. №336-ПЭК16 по делу А26-10819/2012 // СПС «КонсультантПлюс»

[171] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 3.

[172] См.: постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 сентября 2013 г. № 3744/13 по делу № А28-358/2012 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 7 июня 2023 г. № Ф10-2183/2023 по делу № А62-4885/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 февраля 2022 г. № Ф05-1026/2022 по делу № А40-49105/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 2 сентября 2021 г. № Ф09-6397/2021 по делу № А50-21461/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

РФ законопроекта, предусматривающего возможность выплаты рыночной стоимости доли ООО выходящему из него участнику[173].

Для НАО регулирование продажи акций третьим лицам и выхода из общества во многом схоже, применительно к ним также имеется возможность предусмотреть необходимость получения согласия от участников на продажу акций, но на срок, не превышающий пять лет (п. 5 ст. 7 Закона об АО), преимущественное право покупки акций другими акционерами (п. 3 ст. 7 Закона об АО), однако акционеры не имеют права свободной продажи своих акций непосредственно обществу, а только по основаниям, изложенным в п. 1 ст. 75 Закона об АО[174].

Вместе с тем п. 3 ст. 75 Закона об АО также определяет необходимость осуществления оценки рыночной стоимости акций при выходе акционера из общества. Также абз. 3 п. 3 ст. 7 Закона об АО ориентирует суд и акционеров на применение рыночной стоимости акций при определении цены в случае их отчуждения.

Из указанного следует, что с теоретических позиций участник непубличной корпорации заинтересован в разумном использовании имущества корпорации, так как это ведет к увеличению действительной стоимости его доли (акций) и дает возможность более выгодно продать свою долю третьим лицам. Указанный тезис потенциально может в некоторой степени противоречить сложившейся судебной практике в части применения положений ГК РФ о качестве товара к акциям и долям[175], однако п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского

---

[173] Проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обществах с ограниченной ответственностью”» № 876952-8// Официальный сайт системы обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/876952-8 (дата обращения 23.08.2025).

[174] См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 ноября 2003 г. № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об акционерных обществах”» (п. 19) //Вестник ВАС РФ. 2004 № 1; определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 августа 2008 г. № 10333/08 по делу № А40-65892/07-48-595 // СПС «КонсультантПлюс», постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 3 июня 2020 г. № Ф01-9502/2020 по делу № А43-30889/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[175] См., например: постановление ФАС Поволжского округа от 19 марта 2010 г. по делу № А72-6296/2009 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 октября 2013 г. № ВАС-14602/13 по делу № А70-11153/2012 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29 января 2018 г. по делу № А13-16921/2016 // СПС «КонсультантПлюс»; решение Арбитражного суда Томской области от 27 марта 2018 г. по делу № А67-10385/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»[176] (далее – Постановление от 25 декабря 2018 г. № 49) указывает на применения положений о заверениях (ст. 431.2 ГК РФ) и качестве товара (ст. 469– 477 ГК РФ) в отношении продажи долей и акций.

При этом очевидно, что работа на благо корпорации может стать существенным бременем для участника, в связи с чем на практике встречаются случаи различных злоупотреблений с целью дороже продать свою долю добросовестным участникам[177].

Кроме того, полагаем целесообразным отметить, что российский правопорядок определяет именно оценщику решать, какую стоимость получит выходящий участник при любой из стратегий отчуждения доли участия (акций), из чего следует, что участнику непубличной корпорации может быть выгоднее направлять усилия не на работу в рамках отдельной корпорации, а на подбор более подходящей фигуры оценщика для направления подхода к оценке, что укладывается в канву самостоятельного выбора оценщиком методов проведения оценки (ст. 14 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»[178]). Последнее, однако, не определяет возможность ненадлежащего поведения только входящего участника, напротив, несложно представить ситуацию, когда контролирующий участник представляет оценщику в рамках судебного разбирательства неполную информацию о бизнесе компании для определения цены доли участия (акции) в меньшую сторону.

Некоторые итоги анализа существующего в отечественном правопорядке механизма удовлетворения имущественного интереса участника путем отчуждения своей доли участий (акции) в непубличной корпорации выглядят следующим образом: (1) действующее законодательство и сложившаяся судебная практика устанавливают невозможность фактического «запирания» участника внутри непубличной корпорации на неопределённый срок; (2) как в случае

---

[176] СПС «КонсультантПлюс».
[177] См.: Смирнова Я.А. Указ. соч. С. 163.
[178] Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. ст. 3813.

реализации доли участия (акции) с учетом преимущественного права других участников на покупку, так и в случае выхода из общества основным фактором при определения цены будет являться отчет оценщика о рыночной стоимости либо непосредственно доли участия (акций), либо имущества корпорации; (3) несмотря на общий запрет применения к долям (акциями) миноритариев понижающих коэффициентов, в соответствии со сложившейся правоприменительной практикой при оценке доли участия (акций) в корпорации учитывается элемент контроля в корпорации, который определяет фактическое применения к миноритарным долям понижающего коэффициента.

Таким образом, становится очевидным, что выработанный в отечественном праве подход к выходу участника из корпорации является несбалансированным, дает легальную возможность действовать в нарушение фидуациарных обязанностей участников в отношении друг друга.

Наряду с этим сложившийся подход в части выхода участника из общества представляется недостаточно проработанным в рамках разрешения конфликтной ситуации внутри корпорации, в том числе по причинам, связанным с невозможностью удовлетворения имущественного интереса участника.

Вместе с тем крайне сложно не согласиться с выводом О.В. Осипенко о том, что отечественные предприниматели крайне часто избегают традиционных форм удовлетворения имущественного интереса и при выборе бизнес-стратегий ориентируются на дискриминационный вывод активов[179], т.е. использование имущества корпорации в личных целях. Отдельно выделю, что для российской деловой среды такая проблема является, по сути, хронической. Еще в самом конце прошлого века Б. Блэк, Р. Краакман и А. Тарассова писали о проблеме действия участников и директоров российских корпораций в своих интересах, а не в интересах всей корпорации[180].

Действия по дискриминационному выводу активов могут в том числе заключаться как в диспропорциональном распределении прибыли (путем выплаты

---

[179] См.: Осипенко О.В. Указ. соч. С. 261.

[180] См.: Black B., Kraakman R., Tarassova A. Russian privitization and corporate governance: What went wrong // Stan.L.Rev. 1999. No. 52. P. 1731.

повышенных бонусов мажоритарию-директору либо номинальному директору корпорации, погашение акций контролирующего акционера с выплатой их завышенной стоимости и т.д.), так и в ведении деятельности исключительно в интересах одного из участников (заключение договоров с фактически подконтрольными контрагентами, фактическое использование ресурсов корпорации полностью подконтрольной мажоритарию корпорацией и т.д.). Установить полный объем различных вариаций перевода имущества корпорации для удовлетворения личного интереса недобросовестного участника представляется проблематичным, однако в свете темы настоящего исследования важно отметить, что общим контуром для недобросовестных моделей удовлетворения имущественного интереса внутри непубличных корпораций остается фактическое присваивание имущества корпорации переданного непосредственно участниками либо приобретенного при непосредственном участии одного или нескольких бизнес-партнеров недобросовестным участником либо группой участников.

Вместе с тем удовлетворение имущественного интереса участником конвенциональными путями зачастую связано с фрустрацией интересов других участников, что определяет широкий круг потенциально конфликтных ситуаций при принятии корпоративных решений.

Как мы видим анализ основных стратегий реализации имущественного интереса участников корпорации наиболее выпукло показывает потенциальные основания для возникновения конфликтных ситуаций в отношениях между участниками корпорации. Наряду с этим, несмотря на широкий пул возможностей для участников непубличных корпораций защитить в рамках существующей модели поведения, предполагающей направление в суд косвенного иска, в том числе, как показывает судебная практика, не инициируя процесс самостоятельно, а присоединяясь к процессу, фактически частная реализация имущественного интереса участника остается без надлежащей защиты в случае ее ущемления другим участником.

Достаточно важно осмыслить рассмотренные «детерминанты» споров между участниками непубличных корпораций. Как было наглядно показано, несмотря на существенную автономию воли при построении отдельной корпорации, некоторые особенности архетипа закрытых корпораций определяют общий контур конфликтов между участниками.

Поиск наиболее выгодного способа удовлетворения имущественного интереса любой группой участников, будь то миноритарии, мажоритарии или паритетные участники, приводит к нарушению обязанности по ведению общего дела, которая предусмотрена непосредственно самим соглашением между участниками. Важно отметить, что в указанном контексте не играет особой роли конвенциональность удовлетворения имущественного интереса участника, не так важно, пытается ли миноритарий блокировать решение о сделке либо о реорганизации в целях участия в распределении прибыли или мажоритарий использует имущество корпорации для ведения параллельного бизнеса, отклонение от достижения цели непубличной корпорации определяет необходимость применения мер гражданско-правовой ответственности. Как показывают теоретический анализ и складывающаяся судебная практика, такая корпоративная ответственность в рассматриваемом контексте очень близка к договорной ответственности.

Притом, поскольку сторонами споров являются стороны горизонтальных корпоративных правоотношений, нет никаких оснований прибегать к косвенной модели защиты, где участник выступает от лица корпорации, указанное касается и компенсаторных способов защиты.

Принимая во внимание фидуциарность отношений между участниками непубличной корпорации, недопустимо оставлять конкретный корпоративный спор неразрешенным, несмотря на потенциальные негативные последствия для стейкхолдеров, в конечном итоге так или иначе разрешенный корпоративный конфликт приводит к выгоде всех сторон.

Наряду с этим наиболее быстрым и в то же самое время эффективным разрешения конфликта путем представляются способы защиты, в которых сама корпорация не участвует.

Для целей настоящей работы самым значительным будет вывод о том, что для разграничения критерия косвенного и прямого исков в материально-правовой плоскости основным критерием будет как раз воздействие того или иного способа защиты на отношения между участниками, основной характеристикой которых для непубличных хозяйственных обществ является двухсторонняя фидуциарность. Критерий адресата взыскания в этом контексте вторичен, поскольку имущественные права участников защищаются не только путем подачи исков о взыскании убытков.

Среди закрепленных на сегодняшний день способов защиты указанному критерию соответствуют два способа защиты – исключение участника из корпорации и ликвидация корпорации. Такие способы в первую очередь направлены на окончание фидуциарных правоотношений между участниками в связи с совершением участниками действий, имеющих юридически необратимые последствия, направленных против ведения общего дела таким образом, который не является наилучшим в том числе для другого участника.

ГЛАВА 2. ОТДЕЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ УЧАСТНИКОВ НЕПУБЛИЧНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

§ 1. Исключение участника непубличного общества

Принимая во внимание выводы из предыдущей главы, представляется необходимым рассмотреть существующие способы защиты корпоративных прав в спорах между участниками корпорации, которые возможно проанализировать с точки зрения применения последствий именно к спорам между участниками непубличных корпораций, по модели прямых исков.

Исключение участника из общества как способ защиты корпоративных прав получило значительное внимание в отечественной юридической литературе. Особое место при исследовании данного способа защиты уделяется его правовой природе.

По мнению Д.В. Ломакина, исключение участника из общества не является мерой гражданско-правовой ответственности, поскольку участник получает действительную стоимость своей доли, иначе говоря, полный денежный эквивалент утрачиваемых корпоративных прав, что, по сути, аналогично случаям добровольного выхода, однако автор отмечает, что исключение участника является государственно-принудительной мерой регулятивного характера[181].

С.Ю. Филиппова предлагает различать случаи исключения участника в связи с его неправомерным поведением и правомерным поведением участника корпорации, затрудняющего деятельность общества. При этом в первом случае исключение является санкцией, а во втором – мерой защиты интересов юридического лица[182].

В соответствии с точкой зрения О.В. Гутникова исключение участника всегда связано с его неправомерным поведением, которое препятствует цели, ради которой создана корпорация. Вместе с тем выплата исключенному участнику стоимости его корпоративных прав само по себе не означает отсутствие

---

[181] См.: Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. С. 297

[182] См.: Филиппова С.Ю. Исключение акционера из непубличного акционерного общества: комментарий новелл Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право. 2014. № 7. С. 105–106.

неблагоприятных последствий для участника корпорации, поскольку последний теряет возможность получать прибыль в будущем, а сам эквивалент стоимости корпоративных прав будет получен только через некоторое время[183]. Также автор отмечает, что исключение участника в первую очередь направлено не на наказание участника, а на защиту интересов самой корпорации[184]. Схожей позиции придерживается Л.В. Кузнецова, дополнительное указывая на косвенный характер заинтересованности участника в исключении другого участника, что является, по мнению автора, основанием для определения иска об исключении участника в качестве косвенного[185].

Представленные подходы к исключению участника из непубличной корпорации не могут быть поддержаны. Представляется, что исключение участника из общества является частным проявлением корпоративной ответственности участника перед участником за нарушение фидуциарных обязанностей, которые, как мы указали ранее, имеют место в непубличных корпорациях. На это указывает в первую очередь российский опыт регулирования рассматриваемого способа защиты.

Институт исключения участника упоминается впервые в российском праве применительно к обществам с ограниченной ответственностью в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 8 от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»[186] (далее – Постановление от 1 июля 1996 г. № 6/8), в указанном пункте имеет место договорной подход к корпоративным правоотношениям в целом, а исключение участника рассматривается как частный случай санкции за существенное нарушение условий учредительного договора.

---

[183] См.: Гутников О.В. Исключение участника юридического лица: мера ответственности и способ защиты корпоративных прав // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 2. С. 102–127.
[184] См.: там же.
[185] См.: Кузнецова Л.В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2006. № 9. С. 116–122.
[186] Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 9, 1997. № 5.

Затем вступил в силу Закон об ООО, примечательно, что ст. 10 Закона об ООО, предусматривающая исключение участника из общества, действует по сей день в первоначальной редакции. Рассматриваемая норма переводит вопрос об исключении участника в новую для того этапа развития российского права корпоративную плоскость, связывая исключение участника с нарушением им именно корпоративных прав и обязанностей.

Почти сразу после вступления в силу Закона об ООО в п. 17 Постановления от 9 декабря 1999 г. № 90/14 приводятся некоторые разъяснения в части применения ст. 10 Закона об ООО. Представляется, что наиболее весомым стало разъяснение, содержащееся в пп. «в», в котором указано на необходимость доказывания вины недобросовестного участника в части наступления неблагоприятных для общества последствий.

Из системного толкования представленных разъяснений можно сделать вывод о том, что совершение действий, направленных на наступление неблагоприятных последствий для корпорации, является нарушением товарищеского соглашения между участниками, кроме того, основания для исключения участников из корпорации в полной мере могут быть предусмотрены уставом общества.

Как представляется, последующие разъяснения подтвердили указанную тенденцию, как мы указали ранее, п. 2 и 3 Обзора практики от 24 мая 2012 г. № 151 очевидно свидетельствуют о наличии личного элемента в вопросе оснований для исключения участника из непубличной корпорации.

С теоретических позиций позиция о наличии указанного элемента в праве участника требовать исключения другого участника указывал А.В. Габов[187]. Схожей позиции придерживается Д.И. Степанов[188].

По сути аналогичный подход имеет место и в иностранных юрисдикциях, на сегодняшний день в развитых правопорядках существуют два пути включения института исключения участника из корпорации в систему корпоративного права.

---

[187] См.: Габов А.В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. М.: Статут, 2010. 253 с.

[188] См.: Степанов Д.И. Новые положения Гражданского кодекса о юридических лицах // Закон. 2014. № 7. С. 31–55.

Первый заключается в законодательном установлении возможности исключения участника. К таким юрисдикциям относятся в том числе Швейцария, Португалия, Испания, Бельгия, и Нидерланды[189]. Нидерландское право также детализирует правила, связанные с разрешением споров между участниками корпорации. Так, в соответствии с п. 1 ст. 2:336 Гражданского кодекса Нидерландов один или несколько участников, имеющих долю участия как минимум 1/3 от уставного капитала, могут обратиться с иском к другому участнику, который своим поведением наносит ущерб либо нанес ущерб интересам корпорации таким образом, что его дальнейшее участие обоснованно не может разумно допускаться[190].

Стоит отметить и регулирование, которое было предусмотрено так и не вступившим в силу Статутом о Европейской частной компании[191] (далее – Статут). Так, согласно ст. 17 Статута на основании квалифицированного решения участников, принятого на общем собрании участников (процедура предусмотрена ст. 27 Статута), и по заявлению компании суд может исключить участника компании, если он причинил существенный ущерб интересам компании либо продолжение участия лица отрицательно влияет на деятельность компании. Также к этой группе юрисдикций можно отнести и Германию, с некоторыми поправками, связанными с применением аналогии закона о партнерствах (по сути, полных аналогах товарищества) в отношении немецкого аналога российских ООО – GmBH в части исключения участника из общества[192], что подчеркивает крайнюю схожесть отношений между участниками в партнерствах и непубличных корпорациях.

Обращает на себя внимание, что изначально Федеральный закон ФРГ об обществах с ограниченной ответственностью в качестве единственного пути разрешения конфликта внутри корпорации предлагал ликвидацию последней по

---

[189] См.: Fleischer H. in Comparative Corporate Governance in Closely Held Corporations // The Oxford Handbook of Corporate Law and Governance / J.N. Gordon, W.G. Ringe (eds). Oxford, 2018. P. 716–718.
[190] См.: Гражданский кодекс Королевства Нидерландов. URL: http://www.dutchcivillaw.com/civilcodebook022.htm (дата обращения: 25.11.2024).
[191] Статут Европейской частной компании. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=legissum:mi0007.
[192] См.: Schmolke K. U. Expulsion and Valuation Clauses–Freedom of Contract vs. Legal Paternalism in German Partnership and Close Corporation Law // European Company and Financial Law Review. 2012. Vol.. 9. No.. 3. P. 383.

решению суда. Предпосылками, необходимыми для принятия решения о ликвидации, являлись невозможность достижения целей общества либо иные существенные основания. Правом на подачу иска о ликвидации имели участники с долей участия в обществе не менее 10% от уставного капитала[193].

Другой путь имплементации института исключения участника из корпорации предполагает возможность для участников включить соответствующее положение в учредительные документы корпорации либо заключить соответствующий корпоративный договор. Такой подход основывается на презюмируемой свободе договора в корпоративных правоотношениях[194].

По указанному пути развивается корпоративное право Англии и Австралии, притом важно отметить, что в отсутствие соответствующего положения в уставе участники не могут обратиться в суд даже с учетом действий участников против интересов корпорации[195].

Схожее регулирование имеет место в Италии и Франции, однако законодательство этих стран указывает на необходимость включения условия об исключении в документы корпорации[196].

Примечательным является подход, складывающийся в настоящее время в США. Согласно ст. 6 разд. 602 единого акта 2006 (принят 22 штатами) по заявлению корпорации либо участника недобросовестный участник может быть исключен из общества, если он: A) совершал или совершает противоправное поведение, которое негативно и существенно повлияло или повлияет на деятельность компании; B) совершил умышленно или непрерывно либо совершает умышленно и непрерывно существенное нарушение корпоративного соглашения или обязанности либо обязательства, предусмотренные разделом акта об обязанностях участников; C) участвовал или участвует в действиях, связанных

[193] См. Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. С. 13.
[194] Костин Е.В. Исключение участника из непубличной корпорации как способ защиты права С. 58.
[195] См.: Fleischer H. Comparative Corporate Governance in Closely Held Corporations Op. cit P. 716.
[196] Ibid. P. 717.

с деятельностью и делами компании, что делает нецелесообразным ведение деятельности с этим лицом в качестве участника[197].

Итак, из представленного краткого обзора мы видим, что, по сути, регулирование отношений, связанных с исключением участника из корпорации, сводится либо к патернализму государства в части разрешения корпоративных конфликтов, либо к возможности применения принципа свободы договора к корпоративным правоотношениям в части исключения участника из корпорации.

Между тем с учетом положений как действующего законодательства в России, так и иностранных правопорядков исключение участника из непубличной корпорации является мерой ответственности одного участника за нарушение некоторых обязанностей перед другим участником.

В данном контексте возможность исключения участника на основании судебного решения выглядит наиболее целесообразным вариантом разрешения корпоративного конфликта. Суд, выполняя роль независимого арбитра, оценивает действия участника с точки зрения их соответствия допустимым стандартам корпоративного поведения, что позволяет объективно решить вопрос о дальнейшем существовании корпоративных связей без негативного воздействия на экономическое развитие компании. Однако существует как минимум две ключевые причины, по которым этот механизм не может рассматриваться как единственно возможный в рамках корпоративного права.

Первая и, пожалуй, наиболее значимая причина заключается в защите прав собственности, которая является фундаментом рыночной экономики. Экономическая теория давно признала, что для устойчивого развития государства критически важно обеспечить надежную защиту прав собственности[198]. В развитых правовых системах изъятие собственности допускается лишь в исключительных случаях и исключительно в публичных интересах, что представляет собой не просто гражданско-правовой принцип, а конституционное основание большинства

---

[197] См.: Единообразный закон о компаниях с ограниченной ответственностью (Limited Liability Company Act). URL: https://www.uniformlaws.org/committees/community-home?CommunityKey=bbea059c-6853-4f45-b69b-7ca2e49cf740 (дата обращения: 25.11.2024).

[198] См., например: Капелюшников Р.И. Незащищенность прав собственности и ее экономические последствия: российский опыт // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. №. 1. С. 151.

развитых стран[199]. В ситуации исключения участника из корпорации фактически происходит лишение его права на долю (акции), часто без его согласия, что ставит под сомнение фундаментальные принципы защиты собственности.

Примечательно, что в американской правовой доктрине особое внимание уделяется экономическому праву участника корпорации на продажу своей доли, будь то полностью или частично[200]. Это право оказывается ограниченным в случае исключения участника, что ставит под угрозу его возможности распоряжаться своей долей в корпорации.

Вторая проблема состоит в отсутствии верифицируемого критерия для определения границы применения рассматриваемого способа защиты, т.е. мы по сей день не можем ответить на вопрос о том, когда участника возможно исключить, а когда нет. Например, в России согласно п. 1 ст. 67 ГК РФ участник хозяйственного товарищества или общества вправе требовать исключения другого участника. если такой участник своими действиями (бездействием) причинил существенный вред товариществу или обществу либо иным образом существенно затрудняет его деятельность и достижение целей, ради которых оно создавалось, в том числе грубо нарушая свои обязанности, предусмотренные законом или учредительными документами общества. Статья 10 Закона об ООО указывает на грубое нарушение обязанностей участника и на действия (бездействие), которые делают невозможными деятельность общества или существенно ее затрудняют, как на предпосылки для исключения участника из общества. Пункт 35 Постановления от 23 июня 2015 г. № 25 конкретизирует положения данных статей, однако также не вводит четких критериев, которые должны лежать в основе лишения участника права собственности. Еще более интересно данная проблема выглядит с точки зрения п.а 2, содержащего категорию интересы общества, которая, как мы указывали ранее, по своей сути бессодержательна. Вместе с тем достаточно очевидно, что ситуации дедлока стоит рассматривать в контексте иных способов

---

[199] Подробнее о конституционном статусе права собственности см.: Щенникова Л.В. Система оснований прекращения (лишения) права собственности как необходимое условие эффективной реализации принципа неприкосновенности собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. N 44. С.330–350.

[200] См.: Velasco J. Op. cit. P. 413.

защиты прав, о чем будет сказано ниже, однако полагаем целесообразным указать, что дискурс об исключении участника в целях выхода из управленческого конфликта при отсутствии у любого из участников отклонения от принятых стандартов поведения, представляется выходом из ситуаций в связи с отсутствием необходимого инструментария в законодательстве.

Изложенное, как представляется, определяет рассмотрение исследователями исключения участника через призму каучуковых норм о добросовестности и общего запрета не злоупотребление правом. Видится, что такое положение вещей определяет повторение арбитражными судами тезиса о том, что критерий оценки того, кто должен выйти из общества, а кто остаться, устанавливает в каждом конкретном деле суд[201].

Поиску оптимального критерия для определения того, являются те или иные действия участников корпорации достаточными для удовлетворения требований об исключении, посвящен существенный объем работ, однако эта проблематика выходит за рамки настоящего исследования. Полагаем целесообразным отметить, что, на наш взгляд, основным критерием при исключении участника является нарушение фидуциарных обязанностей.

Вместе с тем, на наш взгляд, очевидно, что исключение участника является способом защиты, который направлен на расторжение соглашения, имеющего своей конечной целью развитие корпорации (общего дела), а не на защиту интереса самого общества. В противном случае имели бы место ситуации, в которых обе стороны корпоративного конфликта могли бы быть исключены, что само по себе кажется алогичным.

Более существенным вкладом в теорию корпоративного права могут стать аргументы о необходимости компенсации участнику потерь, которые он несет в связи с поведением препятствующего работе корпорации участника.

---

[201] Представляется, что впервые указанный тезис был представлен в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 8 октября 2014 г. № 306-ЭС14-14 по делу № А06-2044/2013 (СПС «КонсультантПлюс»), затем повторялось во многих судебных актах, например, в постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 30 июня 2017 г. № Ф06-21530/2017 по делу № А49-5822/2016 (СПС «КонсультантПлюс»), постановлении Арбитражного суда Московского округа от 15 июня 2022 г. № Ф05-12529/2022 по делу № А41-50776/2021 (СПС «КонсультантПлюс»), постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 апреля 2025 г. № Ф05-4244/2025 по делу № А40-49164/2024 (СПС «КонсультантПлюс»)

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие отечественные ученые считают мерами гражданско-правовой ответственности меры, которые направлены на восстановление имущественного положения потерпевшей стороны[202], это неудивительно, поскольку действительно большинство способов защиты в гражданском праве направлены в первую очередь на компенсацию понесенных экономических потерь добросовестным участником оборота.

Наравне с природой указанного способа защиты существенную озабоченность вызывает отсутствие компенсаторных механизмов защиты имущественных прав для добросовестного участника в ситуации несения личных потерь при попытках поддержки нормальной работы корпорации.

Исключение участника из корпорации в сегодняшнем виде хоть и вполне укладывается в концепцию прямого иска, коль скоро направлено именно на правоотношения между участниками непубличной корпорации и защищает именно корпорацию, но не компенсирует личные экономические потери добросовестного участника.

В свою очередь, существующее регулирование также не предусматривает существенные последствия нарушившего корпоративные обязанности участника, поскольку доля исключенного участника ООО переходит к обществу, при этом участнику выплачивается действительная стоимость его доли (п. 4 ст. 23 Закона об ООО). В отношении НАО соответствующий механизм не прописан в законе вовсе, таким образом, участник в любом случае удовлетворяет свой имущественный интерес в обществе[203].

В этой связи представляется, что право компенсировать личные потери добросовестным участником должно охватывать действительно понесенные экономические потери, которые добросовестный участник понес из-за необходимости поддерживать нормальную деятельность корпорации в условиях поведения другого участника. Такие потери фактически могут включать в себя личные вложения для покрытия операционных нужд, дополнительные усилия и

---

[202] См.: Карапетов А.Г. Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве: дис. … д-ра юрид. Наук. М., 2011. С. 122.
[203] См. § 3 гл. 1 настоящего исследования.

ресурсы, потраченные на выполнение функций, которые должен был выполнять недобросовестный участник, также, возможно, упущенную выгоду и репутационные потери.

Притом представляется очевидным, что такая процедура может быть зафиксирована в законе и (или) же в уставе корпорации.

Стоит также отметить, что нам представляется справедливым утверждение о том, что наличие вины как субъективной стороны нарушения (неисполнения) корпоративных обязательств в любом случае не является определяющим критерием для привлечения к корпоративной ответственности[204].

Таким образом, вероятно, отсутствуют какие-либо основания утверждать, что определение виновности участника в причинении вреда другому участнику является значимым критерием для удовлетворения требования о компенсации личных экономических потерь участника.

Стоит предложить некоторую модель ситуации, в которой участник действительно несет личные потери. Представляется возможным проиллюстрировать нашу мысль примером из дела № А40-265796/2022, рассмотренного СКЭС ВС РФ. В нем ответчик, участник, внесший «интеллектуальный вклад» в общество, т.е. управлял его деятельностью, препятствовал, систематически блокировал принятие значимых для общества и для достижения целей проекта корпоративных решений.

Вместе с тем формально ответчик выполнял свои корпоративные обязанности, что дало судам трех инстанций основание для отказа в требованиях второму участнику об исключении участника-руководителя из корпорации.

Примечательно, что участники имели паритетные доли участия в обществе, единственным направлением деятельности которого было строительство автодороги.

Такие ситуации представляются достаточно типичными, сложность корпоративных структур обусловливает возникновение на первый взгляд противоречивого положения участников, при котором финансовое бремя

[204] См.: Лаптев В.А. понятие и место корпоративной ответственности в системе юридической ответственности.

фактически несет один или группа участников, тогда как второй участник или группа участников занимается либо управлением, либо вносит свой вклад иными фактически нематериальными средствами, несмотря на норму, предусмотренную п. 1 ст. 66.1 ГК РФ, ограничивающую перечень имущества, которое может быть вкладом в корпорацию.

Однако отсутствие намерения продолжать проект, ради которого была создана корпорация, само по себе представляется основанием для прекращения корпоративной связи между участниками, в нашем примере корпорация явно создавалась для одного конкретного проекта – строительства автодороги, т.е. сложного технологического процесса, который требует существенных имущественных вложений, грамотного администрирования исполнения обоюдных обязательств в рамках договоров с контрагентами, заключения новых договоров для достижений цели строительства.

Осуществление указанных действий предполагает наличие генерального директора, чье назначение может быть не согласовано в рамках корпоративных процедур, и в редких случаях – корпоративного одобрения сделок, внесения дополнительного вклада в корпорацию, что также может быть недоступно корпорации в случае разногласий участников по указанному вопросу.

В этой связи бремя фактического продолжения развития проекта несет участник, который настроен на продолжение деятельности корпорации, ему приходится нести расходы, в частности, заключать договоры на реализацию проекта, где одной из сторон выступает другая компания, в которой он может обладать фактическим контролем, привлекать дополнительные усилия на основании неформальных договоренностей и т.д.

В обратном случае исполнение почти любого обязательства по крупному договору рискует быть не только просроченным, но и вовсе неисполненным с учетом сезонности выполнения некоторых видов работ, обращает на себя внимание, что конфликт в вышеуказанном деле № А40-265796/2022 продолжался три года, что представляется существенным сроком.

Указанное определяет существенное бремя для участника, который даже в случае полного исполнения, по сути, основного обязательства корпорации не имеет доступных средств для взыскания убытков, которые бы не понес в случае отсутствия корпоративного конфликта. Вместе с тем формально сама корпорация не участвовала в осуществлении указанных действий и не несла дополнительные расходы, что определяет отсутствие оснований для исковых требований в рамках косвенного иска о взыскании убытков.

С учетом изложенного представляется, что в рамках обозначенного подхода к исключению участника из корпорации отсутствуют политико-правовые обоснования запрета требовать компенсации личных расходов лицу, которое фактически поддерживало деятельность корпорации у участника корпорации, являющегося ответчиком в рамках такого дела, рассматриваемого арбитражным судом.

Представляется, что сумма требований в такой ситуации может быть вычтена из суммы, которую получает участник в счет выплаты действительной стоимости доли (п. 4 ст. 23 Закона об ООО), однако, очевидно, только в ситуациях, когда в корпорации отсутствуют другие участники либо такая сумма покроет собой полностью личные расходы участника.

Также в рамках представленного моделирования возможно представить ситуацию, где участником, который отказывается продолжать совместный проект, является мажоритарий. Вместе с тем с учетом разъяснений, приведенных в п. 8 Обзора судебной практики от 25 декабря 2019 г., деятельность миноритария в рамках продолжения общего дела, предусмотренного первоначальным соглашением между участниками, обусловливает направление требований о компенсации личных потерь в том числе и миноритарием.

С теоретической позиции, моделируемая ситуация на наш взгляд, в полной мере коррелирует с нарушением фидуциарных обязанностей в понимании, изложенном в § 2 гл. 1 настоящего исследования, поскольку фидуциар, в данном случае участник, который отказывается продолжать проект, действует так в очевидном противоречии с интересом второго участника.

Итак, в рамках представленного параграфа было установлено, что иск участника об исключении другого участника фактически является прямым иском, поскольку такой иск направлен на прекращение, основанием к расторжению такого соглашения является, на наш взгляд, нарушение фидуциарных обязательств одним из участников. Также было продемонстрировано, что отсутствие инструментария для компенсации личных потерь участником, приводит к несправедливому распределению экономических благ между участниками корпорации во время корпоративного конфликта.

На наш взгляд, право на компенсацию убытков, возникших лично у участника корпорации, в рамках иска об исключении участника из непубличного общества абсолютно логично и имеет под собой существенное теоретическое обоснование, притом в рамках существующего правового регулирования указанное по сути своей в полной мере укладывается в расширительное толкование ст. 393 ГК РФ.

§ 2. Ликвидация непубличной корпорации по иску ее участника

Как мы указывали ранее, обычно под успешной моделью защиты экономических прав подразумевается сохранение прав собственности участников гражданского оборота, их защита от государственного вмешательства, однако нельзя отрицать, что выработка оптимального баланса в механизмах защиты прав в спорах между частными лицами не менее существенно отвечает интересам развития экономики.

Вместе с тем деятельность и интересы участников непубличных хозяйственных обществ со временем зачастую могут становиться не просто разнонаправленными, а фактически исключать нахождение таких участников в одной корпорации.

В этой ситуации российский правопорядок предлагает такой способ, предусмотренный пп. 5 п. 3 ст. 61 ГК РФ, – ликвидация непубличного хозяйственного общества по иску участника корпорации.

Между тем такой способ защиты является крайне непопулярным как среди участников оборота, так и среди судов, которые крайне неохотно удовлетворяют

требования в спорах о ликвидации корпорации, в связи с чем сложно не согласиться с Д.И. Степановым, который называет рассматриваемую норму нормой-принципом, требующей развития и детализации[205].

Вместе с тем, как отмечается Т.С.Бойко, принудительная ликвидация компании как инструмент защиты интересов миноритарных акционеров представляет собой крайний и наименее желаемый вариант, поскольку в определенных условиях она может стать разрушительным механизмом, способным нанести значительный ущерб экономической стабильности. В то же время она может служить единственным путем для миноритарного акционера к получению хотя бы частичной компенсации за утраченные права[206].

Кроме того, зачастую участники корпорации вместо решения вопроса в ключе ликвидации приводят ситуацию к корпоративному конфликту, который зачастую определяет подачу исков об исключении одного из участников из общества.

Представляется, что в настоящее время в судебной практике происходит конвергенция этих двух способов защиты – ликвидация по иску участника и исключения участника из корпорации. Суды редко рассматривают один из способов защиты в отрыве от другого, что в свою очередь делает иск о ликвидации корпорации по иску участника некоторым рудиментом, оставшимся после реформы корпоративного законодательства[207].

Изложенное дает основание для более пристального внимания к вопросу о переосмыслении механизма ликвидации корпорации по иску участника, проанализировать теоретические аспекты и представить предложения к усовершенствованию подхода к названному способу защиты прав.

---

[205] См.: Степанов Д.И. Ключ от всех дедлоков // Корпоративный юрист. 2015. № 2. С. 48.
[206] См.: Бойко Т.С. Защита миноритариев от притеснения со стороны мажоритариев в непубличных обществах // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 7. 112–156.
[207] Костин Е.В. Ликвидация хозяйственного общества по иску участника и исключение участника хозяйственного общества: конвергенция способов защиты прав // Юридический мир. 2024. № 12. С. 30.

Зачастую при рассмотрении вопроса о способах защиты корпоративных прав встает вопрос об определении правовой природы последнего в том числе в свете ГК РФ[208].

В частности, в настоящее время в отношении исключения участника из корпорации доминирующим является мнение о том, что такой способ защиты является частным проявлением расторжения договора-соглашения, которое лежит в основе создания корпорации[209].

Как было указано ранее, из сложившейся судебной практики можно сделать вывод о том, что по своей правовой природе исключение участника представляет собой расторжение в судебном порядке договора об учреждении общества со стороной, допустившей существенное нарушение своих обязательств, связанных с ведением общего дела.

Такая позиция в полной мере укладывается в канву размышлений в настоящем исследовании, кроме того, расширяя ее, стоит подчеркнуть, что одной из предпосылок удовлетворения требования об исключении участника из общества является грубое нарушение участником своих обязанностей, т.е., переводя в плоскость обязательственного права, существенное нарушение условий договора.

К сожалению, подобных разъяснений в отношении ликвидации корпорации отечественные судебная практика и доктрина на настоящий момент, как нам представляется, не выработали. Исследователи крайне аккуратно относятся к этому институту, в первую очередь указывая на экстраординарность этого способа защиты[210] либо вскользь упоминая о его гражданско-правовой квалификации[211].

Вместе с тем на первый взгляд указанные способы защиты действительно крайне схожи. Каждый из них предполагает расторжение товарищеского

---

[208] См., например: Чупрунов И.С. Указ. соч.; Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью С. 4 и др.

[209] Например, способ защиты, предусмотренный п. 3 ст. 65.2 ГК РФ, Е.А. Суханов рассматривает в качестве восстановления положения, существовавшего до нарушения права (абз. 3 ст. 12 ГК РФ). См.: Суханов Е.А. Комментарий к ст. 65.1–65.3 ГК РФ. С. 120.

[210] См., например: Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. С. 191.

[211] См.: Кузнецов А.А., Новак Д В. Вопросы корпоративного права в постановлении Пленума ВС РФ от 23.06. 2015 № 25 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 12. С. 40.

соглашения между участниками, а также существенное распределение имущества корпорации.

Однако неочевидным представляется наличие существенного нарушения как основания для ликвидации корпорации, особенно в виде, записанном в ГК РФ, с учетом разъяснений, представленных в п. 29 Постановления от 23 июня 2015 г. № 25.

С одной стороны, основания, по которым требования о ликвидации корпорации должны быть удовлетворены, схожи с основаниями, представленными в п. 35 Постановления от 23 июня 2015 г. № 25, где перечислены основания для удовлетворения об исключении участника из общества[212].

Кроме того, в абз. 3 п. 29 Постановления от 23 июня 2015 г. № 25 указано на наличие корпоративного конфликта, в котором все участники общества допустили злоупотребления.

С другой стороны, ни в ГК РФ, ни в разъяснениях ВС РФ нет указания на обязательность наличия злоупотреблений или нарушения обязанностей участниками по отношению к корпорации для удовлетворения требования о ликвидации корпорации.

Также достаточно легко представить ситуацию, в которой участники просто не могут договориться друг с другом по вопросам продолжения совместной деятельности в рамках одного общества, при этом очевидно, что ни одна из сторон не желает уменьшения имущественной массы общества, которое могло бы быть вызвано недобросовестной попыткой вывода активов.

Из указанного следует, что мы не можем говорить о том, что ликвидация в чистом виде является расторжением нарушенного договора в понимании п. 2 ст. 450 ГК РФ, как исключение участника из общества.

Представляется, что в отношении иска о ликвидации корпорации можно говорить не более чем о защите прав путем изменения правоотношения в судебном порядке (абз. 12 ст. 12 ГК РФ).

---

[212] См.: Кузнецов А.А., Новак Д.В. Указ. соч.

То есть основным элементом для удовлетворения требования о ликвидации корпорации в отечественной системе права является именно наличие неразрешаемого для сторон корпоративного конфликта, а не нарушение одной из сторон своих обязательств в рамках товарищеского соглашения либо нарушения обязательств к корпорации.

Эта мысль подтверждается п. 7 и 8 Обзора судебной практики от 25 декабря 2019 г., которые прямо указывают на то, что исключить участника можно как в ситуации равного распределения долей, так и в случае причинения ущерба корпорации мажоритарием.

Из представленного анализа следует, что основное сходство между исключением участника из общества и иском о ликвидации корпорации по иску участника заключается в окончательном разрешении конфликта, при этом нельзя утверждать, что данные способы защиты применимы к общему архетипу ситуаций в контексте корпоративных конфликтов. Ликвидация корпорации предназначена именно для разрешения безнадежного конфликта, а не применения меры ответственности к участнику.

Условная безнадежность корпоративного конфликта по-разному оценивается судами применительно к каждому делу, в некоторых ситуациях суд указывает на продолжительность корпоративного конфликта, например в три года, для того, чтобы удовлетворить требования о ликвидации корпорации[213], в других ситуациях судами указывается на многочисленные судебные разбирательства между участниками[214].

Вывод о разнонаправленности исключения участника из корпорации и ликвидации корпорации по иску участника во многом противостоит сложившейся судебной практике. Суды практически никогда не рассматривают ликвидацию корпорации в качестве самостоятельного способа защиты без отрыва от

---

[213] См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 июня 2023 г. № Ф05-12815/2023 по делу № А40-203002/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[214] См.: постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 июля 2016 г. по делу № А57-30921/2015 //СПС «КонсультантПлюс»; постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 октября 2016 г. по делу № А53-11452/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

рассмотрения возможности исключения одного из участников из корпорации, что обусловливает конвергенцию способов защиты.

Во многом это обусловлено отсутствием комплексного подхода к разрешению корпоративного конфликта судом. Примером сказанного может служить одно из известных определений[215] СКЭС ВС РФ от 8 октября 2014 г. № 306-ЭС14-14, где Коллегия, оставляя акты нижестоящих судов, отказавших в удовлетворении требования об исключении участника без изменения, предложила участникам корпорации продолжать договариваться, не разрешив корпоративный конфликт[216].

Также суды понимают крайне буквально абз. 4 п. 29 Постановления от 23 июня 2015 г. № 25. Так, в судебных актах зачастую встречается указание на необращение в суд с иском об исключении участника из корпорации перед подачей иска о ликвидации корпорации[217].

В этой связи представляется возможным согласиться с выводом Т.С. Бойко о том, что удовлетворение требования о ликвидации корпорации в российском правовом поле возможно, по сути, только в случае неразрешимого конфликта между участниками при равенстве их долей[218].

Такой подход к рассмотрению исков о ликвидации корпорации связан с двумя непримиримыми крайностями исхода дела. Как верно отмечает О.В. Осипенко, с одной стороны, суд при отказе в удовлетворении требований сохраняет стабильность оборота, а с другой – эту же стабильность подрывает путем

---

[215] См.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 8 октября 2014 г. № 306-ЭС14-14 по делу № А06-2044/2013.

[216] Указанный акт во многом предопределил общее основание для отказа в требованиях об исключении участника из общества. См., например: постановление Арбитражного суда Московского округа от 8 ноября 2017 г. № Ф05-16212/2017 по делу № А40-207433/2016 // СПС «КонсультантПлюм»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 декабря 2017 г. № Ф05-17756/2017 по делу № А40-130391/16 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 августа 2018 г. № Ф05-12798/2018 по делу № А41-80608/2017 // СПС «КонсультантПлюс». Вместе с тем примечательно, что в некоторых ситуациях суды ссылались на этот же акт СКЭС ВС РФ при удовлетворении требования о ликвидации корпорации. См.: постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 7 октября 2016 г. № Ф06-12345/2016 по делу № А57-30921/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23 декабря 2016 г. № Ф04-5912/2016 по делу № А45-7338/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

[217] См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 октября 2021 г. № Ф05-17977/2021 по делу № А41-71585/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 17 ноября 2022 г. № Ф05-21598/2022 по делу № А40-223327/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 июня 2023 г. № Ф05-12815/2023 по делу № А40-203002/2022.

[218] См.: Бойко Т.С. в праве Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества России, США и Великобритании С. 193.

введения корпорации в неразрешимый конфликт[219]. В этой связи представляется, что судебная практика подталкивает участников корпорации к существенным нарушениями товарищеских соглашений и выводу активов, а также к активизму участника.

Не представляется возможным согласиться с мнением о том, что наличие у учредителей (участников) права на принудительную ликвидацию юридического лица может привести не только к искажению границ применения рассматриваемого средства защиты корпоративных прав, но и к необоснованному уничтожению юридического лица[220].

Стоит отметить, что потенциальное регулярное удовлетворение судами требований участников в случаях исков о ликвидации, вероятно, может стимулировать стороны договариваться[221].

Также очевидно, что вопрос о надлежащей модели исполнения обязательств перед кредиторами в случае ликвидации корпорации находится в плоскости не защиты прав участников, а модели ликвидации в целом, ведь основание для ликвидации в нашему случае не влияет на сам процесс ликвидации.

Таким образом, доводы о крайней экстраординарности ликвидации как способа защиты прав в том числе с точки зрения интереса общества или «стейкхолдеров» представляются по крайней мере спорными.

Вместе с тем, принимая во внимание указанную ранее неопределенность для судов в рамках споров о ликвидации корпорации, а также возможность удовлетворения требования в случае подачи иска об исключении участника из корпорации вне зависимости от доли участия недобросовестного участника, представляется очевидным, что имеет место некоторая конвергенция указанных способов защиты.

Наряду с этим такая тенденция направлена на переосмысление подходов к такого рода корпоративным спорам в целом, хотя бы на уровне судебной

---

[219] См.: Осипенко О.В. Указ. соч. С. 451.

[220] См.: Власова А.С., Удалова Н.М. Право учредителя (участника) на ликвидацию юридического лица в судебном порядке // Закон. 2017. № 10. С. 154–166.

[221] См.: Степанов Д.И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 9. С. 60–113.

практики. Полагаем целесообразным, что при рассмотрении подобных корпоративных споров судам не стоит ограничиваться избранным истцом способом защиты права. Абзац 2 п. 9 Постановления от 23 июня 2015 г. № 25 прямо указывает нам на возможность переквалификации требований в рамках подготовки к судебному разбирательству.

Схожий опыт имеется в Швейцарии, где в соответствии п. 3 ст. 821 Обязательственного закона любой участник компании может обратиться в суд с просьбой о ликвидации компании по уважительной причине. Вместо ликвидации суд может выбрать альтернативное решение, подходящее и разумное для заинтересованных лиц, например выплатить участнику компании, требующему ликвидации, денежное возмещение, соразмерное стоимости его вклада в уставный капитал[222].

Сверх того, в отношении обязательственных правоотношений СКЭС ВС РФ указывала, что «ссылка истца на положения закона не может предопределять выводы суда, который обязан самостоятельно установить подлежащие применению в конкретном случае нормы права и произвести квалификацию правоотношений, сложившихся между сторонами…»[223].

С учетом схожести рассматриваемых способов защиты с теоретических позиций, о чем было указано выше, предмет доказывания и подготовка сторон к процессу существенно не меняются при изменении судом способа защиты. Вместе с тем итогом разбирательства должно стать прекращение корпоративного конфликта в том или ином виде, ведь именно за этим стороны и обращаются в суд.

В этой связи снова обращает на себя внимание намек СКЭС ВС РФ ранее на возможность расширения горизонта судебного усмотрения при рассмотрении требований об исключении участника, указав, что альтернативой в случае

---

[222] Швейцарский Обязательственный закон. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/27/317_321_377/en (дата обращения 25.01.2025).

[223] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 1 октября 2024 г. № 307-ЭС24-3945 по делу № А56-117243/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

невозможности исключения участника становится ликвидация корпорации в порядке, предусмотренном пп. 5 п. 3 ст. 61 ГК РФ[224].

Таким образом, один способ защиты дополняет другой, а следовательно, отсутствуют основания для формального ограничения воли участников корпорации к надлежащему выходу из корпоративного конфликта с учетом соблюдения ими товарищеского соглашения, лежащего в основе корпорации.

Представленный анализ дает нам возможность предположить в рамках существующей модели защиты корпоративных прав участниками корпорации возможна некоторая градация способов защиты в рамках одного корпоративного конфликта. Вместе с тем существующее на практике слияние исключения участника из корпорации и ликвидации корпорации способствуют возможному переходу судебной практики к комплексному методу рассмотрения корпоративных споров.

Вместе с тем, вероятно, развитие ликвидации корпорации по иску участника как способа защиты в нынешних реалиях должно быть существенно расширено, справедливым будет сказать, что ликивдация корпорации по иску участника не экстраординарный способ защиты, а способ защиты в экстраординарных ситуациях. Считается, что в отличие от исключения участника ликвидация направлена на полное прекращение существования компании, что делает ее радикальным, но иногда единственным способом защиты интересов участников.

Стоит выделить несколько ситуаций, в которых конвенционально принято считать, что ликвидация корпорации возможна:

- невозможность достижения уставных целей непубличной корпорации из-за конфликтов;

- управленческий тупик (deadlock), препятствующий принятию решений;

- существенные нарушения, делающие продолжение деятельности нецелесообразным.

---

[224] См.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 3 сентября 2024 г. по делу № 305-ЭС23-30144 № А40-265796/2022.

Конфликты между управляющими участниками в непубличных корпорациях часто носят личный или стратегический характер. Например, разногласия могут касаться:

- стратегического развития (инвестиции против сохранения текущей модели);

- распределения прибыли (дивиденды против реинвестирования);

- личных отношений, особенно в семейных бизнесах.

Такие споры могут привести к параличу управления, потере клиентов и финансовой нестабильности. В этой ситуации представляется очевидным, что ликвидация корпорации должна быть единственно верным решением, так как способствует защите инвестиций, предотвращая их обесценивание, минимизирует ущерб для кредиторов. В связи с изложенным представляется разумным существенно снизить порог для принятия решения о ликвидации корпорации.

Ликвидация корпорации по иску участника является эффективным инструментом разрешения конфликтов, вызванных противоречиями между управляющими участниками. Более частое применение этого механизма может защитить права участников, предотвратить долгосрочный ущерб и стимулировать компромиссы. Однако его использование требует сбалансированного подхода, чтобы минимизировать негативные последствия для других заинтересованных сторон. Развитие правоприменительной практики и упрощение процедур могут способствовать созданию более справедливой и устойчивой корпоративной среды.

ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ НОВЫХ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СУЩЕСТВУЮЩИХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ В СПОРАХ МЕЖДУ УЧАСТНИКАМИ НЕПУБЛИЧНЫХ КОРПОРАЦИЙ

В отечественной литературе, посвященной проблематике корпоративного права, можно обнаружить тенденцию к поиску альтернативных способов защиты корпоративных прав участников корпораций. Такой поиск не является экстраординарным явлением, многие континентальные правопорядки ощущают необходимость выработки новых подходов, в том числе принимая во внимание опыт стран общего права в части разрешения корпоративных споров на основе права справедливости. Сторонники заимствования в континентальные правопорядки способов защиты из стран общего права утверждают, что такие способы защиты идеально подходят для разрешения споров между участниками непубличных корпораций. Они предоставляют судам большую гибкость в выборе паттерна при вынесении справедливых решений, который наиболее соразмерно возмещает ущерб, причиненный потерпевшему участнику. Это особенно актуально для компаний с узким кругом акционеров, где внутренние конфликты часто связаны с переплетением коммерческих и личных интересов, которые практически невозможно распутать.

В настоящей главе мы попытаемся разобрать два способа разрешения корпоративных конфликтов между участниками корпорации, которые имеют свои корни в праве справедливости, – взыскание отраженных убытков и выкуп доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке, а также рассмотрим потенциал реорганизации корпорации по иску участника в качестве способа защиты как компромиссного решения проблемы неразрешимых противоречий между участниками. Наряду с этим предлагается выявить перспективы этих способов защиты, а также развития и возможность имплементации в российский правопорядок.

§ 1. Возмещение отраженных убытков

В теории частного права большое внимание уделяется проблематике пределов гражданско-правовой ответственности и справедливой компенсации экономических потерь, что неудивительно, ведь человеческая деятельность, в частности экономическая, зачастую носит вредоносный характер и предполагает причинение экономических потерь участникам гражданского оборота.

Толкования, приведенные в п. 11 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 и в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»[225], окончательно утвердили в российском праве принцип, согласно которому потерпевшая сторона должна быть восстановлена в том положении, в котором она оказалась бы, если бы другая сторона действовала в соответствии с требованиями закона.

В свою очередь, дискуссия об определении границ допустимого поведения видится необъятной, исследователи с незаурядной частотой обращают внимание на новые веяния, что во многом обусловило появление в российской правовой науке дискурса об институте чистых экономических убытков[226].

Известная в обозначенном контексте категория отраженных убытков является крайне неразработанной, ее представляется необходимым институализировать, а также определить содержание понятия путем определения круга правоотношений, которые покрывает предмет настоящего исследования.

Понятие отраженных убытков неразрывно связано с судебной практикой английских судов, где выработан подход, в соответствии с которым акционер не может взыскать в свою пользу убытки только по той причине, что корпорация, акциями которой он владеет, понесла ущерб[227].

---

[225] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

[226] См., например: Богданов Д.Е. Анализ правовых подходов к возмещению чистых экономических потерь в зарубежном праве // Журнал российского права. 2012. №. 3. С. 82–91; Лугманов Р.Р. Деликтное право как средство взыскания чисто экономических убытков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2. С. 115–153; Копяков А.А. Проблема возмещения чистых экономических убытков в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2020. №. 1. С. 146–196 и др.

[227] См., например: Prudential Assurance Co Ltd v Newman Industries Ltd (No2) [1982] Ch 204, 223C.

Иными словами, у участника нет права требовать сумму убытков, равную снижению рыночной стоимости его акций или возможного уменьшения дивидендов, поскольку такой «убыток» является всего лишь отражением (reflection) убытков, понесенных компанией, а сам акционер не несет никаких личных потерь.

В деле Day v Cook судом выражена позиция, согласно которой причинитель вреда может иметь обязанности не только перед компанией, но и перед акционером[228].

В этом случае у пострадавшего акционера есть право взыскать убытки с акционера, который нарушил обязательства перед первым, но такие убытки не должны быть отражены на компании.

Эта аксиома легла в основу правила о невозможности двойного взыскания убытков, т.е. недопущения отраженных убытков (no reflective loss principle).

Вместе с тем в литературе, посвященной отраженным убыткам, само понятие отраженных убытков остается крайне размытым.

Нидерландский исследователь Бас Дж. де Йонг приводит следующее определение: «Отраженные убытки – это убытки, которые просто отражают потери корпорации в результате (противоправного) поведения третьей стороны. Другими словами, это уменьшение стоимости акций, соответствующее уменьшению стоимости компании. Например, если директор украдет деньги у компании, то активы компании и, соответственно, стоимость акций уменьшатся»[229]. Схожее определение дается и другими исследователями[230].

Такое понимание отраженных убытков не включает в себя корпоративно-правовую составляющую, сводя доктрину отраженных убытков к частному проявлению чисто экономических убытков.

---

[228] Day v Cook [2001] EWCA Civ 592.

[229] De Jong B.J. Shareholders' Claims for Reflective Loss: A Comparative Legal Analysis // European Business Organization Law Review. 2013. Vol. 14. No. 1. P.102.

[230] См., например: Глазунов А.Ю. Ответственность миноритарных участников корпораций за нарушение фидуциарных обязанностей: возможна ли такая конструкция? С. 143, Koh A.K. Reconstructing the Reflective Loss Principle // Journal of Corporate Law Studies. 2016. Vol. 16. P. 373; Chaisse J., Zhuoyue L.L. Shareholder Protection Reloaded – Redesigning the Matrix of Shareholder Claims for Reflective Loss // Stanford Journal of International Law. 2016. Vol. 52. Iss. 1. P. 53.

Вместе с тем рассмотрение отраженных убытков исключительно как проявление чистых экономических убытков является неоправданно широким подходом и не может придать исследованию ценность в контексте корпоративного права. Однако и отрицать связь чистых экономических и отраженных убытков не представляется возможным, что будет отмечено ниже.

Представляется, что отраженные убытки должны рассматриваться с точки зрения учения о корпоративной ответственности, о которой мы упоминали в гл. 1 настоящего исследования. Стоит отдельно отметить, что под отраженными убытками мы понимаем убытки, которые несет участник в случае причинения другим участником ущерба корпорации.

Включение дополнительных субъектов в предлагаемую конструкцию, например кредиторов или менеджмента, будет означать неоправданное удвоение сущностей либо размытость направления института возмещения убытков.

Так, применительно к менеджменту очевидно, что любые действия, связанные с нарушением директорских обязанностей, формально будут причинять пропорциональный ущерб в зависимости от доли участия каждому участнику корпорации, даже если действия направлены на обогащение одного из участников.

В этом случае менеджмент нарушает свои обязанности перед корпорацией, а не перед участниками, говорить об обязанности директоров перед участниками на настоящем этапе развития корпоративного права представляется как минимум неуместным.

Наряду с этим вопрос применительно к взысканию убытков с кредиторов корпорации отнюдь не столь тривиален с точки зрения теоретической конструкции взыскания отраженных убытков.

Представим ситуацию, где участниками корпорации Н являются три участника: А, Б и В, все участники имеют одинаковую долю участия.

А и Б вступают в сговор в целях выведения активов из Н в подконтрольную им корпорацию М, т.е. происходит классическая ситуация дискриминационного вывода активов.

А и Б договариваются с директором Н, совершают сделки с формальным соблюдением корпоративных процедур, затем участник А подает косвенный иск о признании сделки недействительной, в рамках которой между А и Н заключается мировое соглашение.

В таком случае В скован в возможности взыскать ущерб в порядке косвенного иска, притом формально сделки заключены с корпорацией М, а значит, и правопритязание будет направлено от участника корпорации к ее кредитору. Такая конструкция безусловно вызывает существенное интеллектуальное препятствие с правовой точки зрения.

Помимо этого, если мы смотрим на ситуацию с перспективы потенциального переноса прав истца с корпорации Н на В, то не совсем понятно правопритязание истца, ведь требование о признании сделки недействительной к М не приведет к компенсации потерь В.

В этой ситуации вероятным выходом представляется иск от В к А и Б с требованием о компенсации отраженных убытков в связи с уменьшением имущества корпорации.

Итак, из представленных примеров кажется очевидным, что субъектный состав лиц, которым теоретически может быть предоставлено право на предъявление иска о возмещении отраженных убытков сводится к недобросовестным участникам корпорации, притом предъявить его может также только участник корпорации.

В свою очередь, представляется необходимым определить границы ситуаций, в которых возможно взыскание отраженных убытков.

Ранее была описана классическая ситуация дискриминационного вывода активов, которая опосредует уменьшение стоимости акций корпорации, а как следствие, и стоимость имущества участника корпорации.

Наиболее выпукло такая ситуация проявляется при продаже акций участником третьему лицу незначительно позже формального завершения вывода активов.

Предположим, А решил продать свои акции в корпорации Н покупателю Б. Другой участник Н – В организует продажу основного актива Н, что обусловливает существенное уменьшение стоимости акций Н.

В такой ситуации у А есть возможность либо отказаться от продажи акций и нести издержки, связанные с преддоговорной ответственностью перед продавцом, либо продать свои акции по цене существенно ниже первоначальной.

Если А выбирает второй вариант и продает акции, то при отсутствии права требовать отраженные убытки с В, будучи на момент совершения сделки участником Н, А лишается возможности компенсировать свои потери.

Также мы можем представить ситуацию, в которой участник А передал в залог акции корпорации Н своему личному кредитору Б, в результате действий другого участника Н – В стоимость акций Н уменьшилась, что привело к дополнительным издержкам А в виде внесения дополнительного обеспечения.

Как мы видим, дискриминационный вывод активов является наиболее явной предпосылкой для взыскания отраженных убытков.

Притом стоит отметить, что дискриминационный вывод активов, как было уже отмечено ранее, может выражаться не только в отчуждении имущества корпорации, но и в ведении параллельного бизнеса участниками за счет имущества корпорации, ведь коль скоро те или иные средства корпорации используются в целях извлечения прибыли отдельными участниками, то имеет место своеобразная трансформация активов корпорации в чистую прибыль участников.

Однако также отмечается, что взыскание отраженных убытков может быть связано с выплатой предполагаемых дивидендов в связи с деятельностью недобросовестного участника[231].

В разрезе возможности взыскания отраженных убытков это означает, что прогнозируемость принятия решения о выплате дивидендов крайне низка и даже в случае успешного доказывания причинения убытков корпорации вторым препятствием перед участником будет доказывания обязанности корпорации

[231] См.: Глазунов А.Ю. Защита имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ на примере отдельных институтов гражданского права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. С. 166.

выплатить дивиденды, притом что такой обязанности у корпорации, как мы отмечали выше, чаще всего нет.

Контраргумент к доводу о недопустимости включения в состав отраженных убытков дивидендов может состоять в том, что неполученные дивиденды являются по сути упущенной выгодой (п. 2 ст. 15 ГК РФ), помимо этого, если мы можем через преломление пп. 1 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ применить к отраженным убыткам нормы об ответственности за нарушение обязательств, в том числе о включении в состав убытков предпринятые кредитором (в нашем случае участником) для получения упущенной выгоды меры и сделанные с этой целью приготовления (п. 4 ст. 393 ГК РФ).

Такими мерами и приготовлениями в данной конструкции может быть вся деятельность участника, связанная с корпорацией за все время ее существования, что зачастую имеет место в непубличных корпорациях.

На наш взгляд, такое неоправданно широкое понимание отраженных убытков размывает и без того хрупкую конструкцию. Кроме того, как было рассмотрено выше, корпоративное право не знает безусловного права на оплату дивидендов.

Применительно к объявленным к выплате дивидендам у участников в большинстве случаев есть право требовать такие дивиденды, что представляет самостоятельный способ защиты прав.

Из указанного следует, что включение в состав отраженных убытков недополученных дивидендов является, как минимум, неоправданным шагом на этапе формирования новой правовой сущности, требующей и без того смелых подходов.

Итак, горизонт корпоративных правоотношений, с которыми можно связать такой способ защиты права, как взыскание отраженных убытков, представляется достаточно узким. В него входят отношения между участниками корпорации, возникающие по причине уменьшения стоимости акций, вызванные нарушением участником своих фидуциарных обязанностей перед другим участником, определение которым мы давали в параграфе 2 главы 1 настоящего исследования.

Таким образом, полагаем целесообразным применительно к современной российской правовой доктрине и правоприменительной практике под отраженными убытками понимать убытки участника, возникшие по причине уменьшения имущества корпорации по воле и в интересе недобросовестного участника и выразившиеся в уменьшении стоимости акций корпорации.

После приведения дефиниции отраженных убытков следует определиться с правовой природой таких убытков.

В контексте объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) акции стоит рассматривать как иное имущество, обладание которым предоставляет его владельцу совокупность корпоративных прав и обязанностей участника корпорации.

Среди корпоративных прав в российском корпоративном праве обычно выделяются имущественные права акционеров. Под имущественными правами традиционно понимают права участников корпорации на получение прибыли от деятельности корпорации, а также материальные требования, которые возникают в связи с участием в корпорации по поводу распределения этого имущества[232].

В ст. 67 ГК РФ закреплены имущественные права участников: право на участие в распределении прибыли и право на получение ликвидационной квоты.

Как мы видим, прав участника на увеличение стоимости акций либо доли участия применительно к обществам с ограниченной ответственностью или хотя бы стабильности такой стоимости ни в законе, ни в доктрине нет.

Принимая во внимание данное выше определение отраженных убытков, на первый взгляд представляется, что отраженные убытки невозможны как конструкция в целом, так как у участника нет никаких прав применительно к стоимости своей доли.

С другой стороны, в случае принятия решения о ликвидации, участник стоимость ликвидационной квоты участника определяется стоимостью

---

[232] См.: Лянгузова Е. М. Злоупотребления при распределении имущества ликвидированной корпорации: судебно-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. 2021. №. 5 (126). С. 117.

оставшегося после иных выплат имущества корпорации и количеством его акций (п. 8 ст. 63 ГК РФ).

Из указанного следует, что имущественная масса участника опосредованно зависит от имущественной массы корпорации, что можно вывести в том числе из представленных норм и без излишнего усложнения теоретического базиса.

Ранее по вопросу распределения прибыли было указано, что абсолютного права у участников корпорации на дивиденды нет, выплата дивидендов зачастую остается в дискреции усмотрения контролирующих участников.

В такой ситуации коммерческий интерес участников формально заключается только в возможной перепродаже выросших в стоимости акций.

Итак, в контексте представленных размышлений интерес участника корпорации заключается в первую очередь в увеличении стоимости своих акций как для продажи, так и для участия в распределении имущества корпорации в случае ликвидации. Особенно это видно на примере непубличных корпораций, как так в них отсутствует спекулятивный элемент ценообразования.

Такая пресуппозиция означает, что любые действия, направленные на уменьшение стоимости акции, означают ущемление основного экономического интереса участника корпорации.

Таким образом, отраженные убытки представляют собой реальный ущерб (п. 2 ст. 15 ГК РФ), причиненного кристаллизованному имущественному интересу участника корпорации.

Притом стоит смело предположить, что такой ущерб наносится не относительному праву участника на получение некоего дохода, а скорее имеет место опосредованное нарушение абсолютного права участника на акцию[233], так как при дискриминационном выводе активов нарушается и стоимость активов участника.

После рассмотрения контура отраженных убытков в корпоративно-правовом поле и правовой природы таких убытков для полноты исследования представляется

---

[233] См.: Федосеев А.А. Гражданско-правовой принцип сотрудничества в доктрине континентального права: распространение за пределы договорных правоотношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 2. С. 354.

разумным перейти к рассмотрению правовой природы самого способа защиты – взыскания отраженных убытков, определить его потенциальное место, а также найти их соотношение с экономическими убытками.

Рассмотрение института отраженных убытков с точки зрения корпоративной ответственности предполагает принятие во внимание недопустимости игнорирования ограничений, связанных с корпоративной формой юридических лиц, и в первую очередь с принципом имущественной обособленности корпорации.

Помимо этого, стоит учитывать, что для установления вида корпоративной ответственности необходимо учитывать иски о возмещении убытков, предъявляемые к иным субъектам корпоративных отношений (самой корпорации, директорам, членам иных органов, акционерам), допустимы лишь в тех случаях, когда: там, где (1) сама возможность такого иска предусмотрена законом, что предполагает указание в его тексте на характер нарушения, за которое можно привлечь к ответственности, (2) обозначен субъект ответственности, (3) предусмотрено право истца (специальной категории истцов) на подачу иска[234].

Из указанного следует, что в случае рассмотрения отраженных убытков в качестве института корпоративной ответственности такая ответственность должна быть четко определена законом.

Представляется, что в настоящий момент развития доктрины корпоративной ответственности конструкция отраженных убытков в некоторой степени вырывается из общей канвы и не может быть полноценно рассмотрена как элемент некоего построения.

Во-первых, в силу неразработанности доктрины корпоративной ответственности достаточно сложно выделить критерии, в соответствии с которыми взыскание отраженных убытков можно было бы встроить в некоторую систему корпоративной ответственности.

---

[234] См.: Степанов Д.И. Убытки акционера из-за утраты акциями стоимости не могут быть взысканы с самого акционерного общества. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 05.12.2016 № 305-ЭС16-10038 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 1. С. 22–23.

Во-вторых, очевидно, что ни закон, ни судебная практика не устанавливают возможность взыскания отраженных убытков, более того, такой вопрос в настоящее время даже не поднимался.

Однако, исходя из некоторых зачатков институализации корпоративной ответственности можно попытаться рассмотреть взыскание отраженных убытков, ведь как было рассмотрено ранее, вопрос об обязанностях между участниками корпораций совсем не праздный, а наоборот, кажется вполне логичным считать, что участники корпораций имеют фидуциарные обязанности между собой, так как ведут общее дело.

Одним из видов чистых экономических убытков являются «рикошетные убытки», т.е. убытки, которые возникают вследствие нанесения ущерба имуществу одной стороны (непосредственному потерпевшему). Истец при этом является не прямым, а второстепенным (опосредованным) потерпевшим, который несет только финансовые потери[235].

Конструкция отраженных убытков по модели рикошетных убытков вполне поддается моделированию, однако, безусловно, не учитывает специфику корпоративных правоотношений.

Для настоящего исследования и для института отраженных убытков на современном этапе его развития в российском праве в целом рассмотрение опыта зарубежных юрисдикций крайне значимо в силу объективной необходимости выработки оптимального подхода к отраженным убыткам как способу защиты права.

Как было описано выше, вопрос о возможности взыскания отраженных убытков в первую очередь связан с судебной практикой английских судов и применением принципа недопущения взыскания отраженных убытков (no reflective loss principle). Однако развитие такого принципа на современном этапе становления корпоративного права Англии показывает крайнюю неопределенность в вопросе его применения и продолжающуюся своеобразную

[235] См.: Туктаров Ю.Е. Чисто экономические убытки // Убытки и практика их возмещения: сборник статей / под ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2006. С. 141.

борьбу такого способа защиты прав за свое существование. Это вызывает неподдельный интерес исследователя в контуре обозначенной тематики и определяет последующее погружение в перипетии мнений английских судей в конкретных делах.

Одним из основополагающих дел для английского корпоративного права является дело Foss v Harbottle[236], в котором утвердился принцип, согласно которому участник не может по общему правилу предъявить иск к другому участнику в целях возмещения ущерба и от имени корпорации за ущерб, причиненный недобросовестным участником по отношению к корпорации. Корпорация является надлежащим истцом, поскольку сама корпорация является потерпевшей стороной и, следовательно, лицом, которое имеет право на иск.

Три основных принципа недопущения взыскания отраженных убытков были выведены в деле Johnson v Gore Wood & Co[237]:

(1) Если компания терпит убытки, только она может предъявить иск в отношении этих убытков. По иску акционера, выступающего от лица компании, не может быть предъявлен иск о возмещении уменьшения стоимости пакета акций акционера, если это лишь отражает убытки, понесенные компанией. Иск акционера о возмещении убытков, которые были бы возмещены в случае пополнения активов компании, не может быть предъявлен к лицу, ответственному за эти убытки, даже если компания, действуя через свои органы управления, отказалась или не смогла возместить эти убытки.

(2) Если компания понесла убытки, но не имеет оснований для предъявления иска о возмещении этих убытков, акционер компании может предъявить иск в отношении этих убытков (если акционер имеет самостоятельное основание для предъявления иска), даже если эти убытки представляют собой уменьшение стоимости пакета акций.

(3) Если компания несет убытки, вызванные нарушением обязанностей по отношению к ней, а акционер несет убытки, отдельные и отличные от убытков

---

[236] Foss v. Harbottle (1843) 2 Hare 461(1843) 67 ER 189.
[237] Johnson v Gore Wood & Co [2002] 2 AC 1.

компании, вызванные нарушением обязанностей, самостоятельно возложенных на акционера, каждый из них может предъявить иск о возмещении убытков, причиненных ему нарушением обязанностей по отношению к нему, но ни один из них не может взыскать убытки, причиненные другому в результате нарушения обязанностей по отношению к нему.

Таким образом, из указанных принципов можно сделать вывод, о том, что акционер может предъявить личный (прямой) иск о возмещении убытков только в том случае, если у него есть собственное основание для предъявления иска и в случае, если (i) у компании нет оснований для предъявления иска либо (ii) он понес собственные убытки, которые не являются простым отражением убытков компании. Однако даже если акционер не может предъявить прямой иск о возмещении собственных убытков в силу действия принципа недопущения отражения убытков, в соответствующем случае он может получить судебную защиту от имени компании путем подачи косвенного иска[238].

Также стоит отметить, что из сложившейся судебной практики можно выделить потери, которые признаются судами отраженными убытками и соответственно не подлежат возмещению, и те, которые отраженными убытками не являются и могут быть возмещены, несмотря на то что акционер не использует модель косвенного иска.

Так, английские суды отраженными убытками считают:

- уменьшение стоимости акций участника, любое снижение стоимости его акций при перепродаже или любая сумма, равная уменьшению суммы, которая в противном случае была бы выплачена в виде дивидендов[239];
- потеря стоимости конвертируемых заемных акций или стоимости обыкновенных акций, в которые эти акции были бы конвертированы в противном случае, а также потеря процентов по заемным акциям[240];

---

[238] См.: Joffe V. et al. Minority Shareholders: Law, Practice and Procedure. Oxford University Press, USA, 2011. P.124 .
[239] См.: Prudential Assurance Co Ltd v Newman Industries Ltd (No 2) [1982] Ch 204; Stein v Blake (No 2) [1998] 1 BCLC 573; Johnson v Gore Wood & Co [1999] BCC 474 (CA); Humberclyde Finance Group Ltd v Hicks [2001] All ER (D) 202 (Nov).
[240] Giles v Rhind [2003] Ch 618.

• дополнительные налоговые обязательства участника по налогу на доходы физических лиц[241];

• начисленные вознаграждения, которые остались невыплаченными[242].

Вместе с тем английскими судами допускается взыскание убытков участником другого участника, однако такие убытки не признаются отраженными убытками:

• затраты на личные займы для финансирования личных расходов и расходов предприятия, если они не являются замаскированным требованием о выплате дивидендов[243];

• убытки в отношении акций компании, которые были переданы в качестве обеспечения кредитных обязательств[244];

• потеря будущих выгод, на которые акционер рассчитывает, но не имеет права, установленного контрактом[245].

Несмотря на широту принципа, запрещающего взыскание отраженных убытков, он не является абсолютным. В некоторых случаях требование акционера не может быть ограничено. Это связывается в первую очередь с фактическими ситуациями, когда ответчик несет обязательства перед акционером, но не перед компанией или когда убытки акционера являются отдельными и самостоятельными (separate and distinct). В таких обстоятельствах принцип недопущения взыскания отраженных убытков неприменим[246].

Однако стоит отметить, что из фактических ситуаций, когда ответчик нарушил отдельные обязанности перед компанией и акционером, из решений судов не всегда следует, что убытки являются отраженными, однако участник тем не менее имеет право предъявить иск.

Запрет на взыскание отраженных убытков известен также судебной практике Нидерландов, он по своей сути повторяет основные положения, сформированные

---

[241] Johnson v Gore Wood & Co [2002] 2 AC 1; Humberclyde Finance Group Ltd v Hicks [2001] All ER (D) 202 (Nov).
[242] Webster v Sandersons Solicitors (A Firm) [2009] 2 BCLC 542, [54].
[243] Gardner v Parker [2004] 1 BCLC 417 [34].
[244] Quadmost Ltd v Reprotech (Pebsham) Ltd [2001] BPIR 349.
[245] Humberclyde Finance Group Ltd v Hicks [2001] All ER (D) 202 (Nov); Giles v Rhind [2003] Ch 618.
[246] См.: Joffe V. et al. Op. cit. P.120.

практикой английских судов. Более того, как и в Англии, нидерландскими судами в полной мере воспринято правило, в соответствии с которым в случае, если у участника есть самостоятельные требования в отношении нарушителя, он имеет право взыскать понесенные убытки.

Правило, устанавливающее запрет на взыскание отраженных убытков, было впервые сформулировано по результату рассмотрения дела Poot/ABP[247]. Суд постановил, что правило недопустимости возмещения отраженных убытков не позволяет акционерам требовать возмещения убытков в Нидерландах.

Вместо этого только совет директоров компании должен иметь возможность взыскать ущерб, тем самым увеличивая стоимость компании b смягчая любое снижение стоимости ее акций.

Вместе с тем Верховный суд Нидерландов указал, что, если недобросовестное лицо нарушает конкретную обязанность заботы (specifieke zorgvuldigheidsnorm) по отношению к акционеру в частном порядке, у такого акционера есть право требовать понесенные убытки, однако на таком акционере остается бремя доказывания.

Верховный суд Нидерландов в деле Tuin Beheer/Houthoff[248] подтвердил правило, сформулированное в деле Poot/ABP. Он также дополнил исключение из правила, касающееся отражения убытков, а также указал на дополнительные обстоятельства, такие как намерение нанести ущерб акционеру, которые действительно могут привести к нарушению директором специфической обязанности заботиться о благосостоянии участников в отношении стоимости их доли участия.

Дело Potplantenkwekerij[249] является самым недавним решением Верховного суда Нидерландов, которое еще раз подтверждает правило, сформулированное в Poot/ABP.

В этом деле муниципалитет принял ряд административных решений, запрещающих компании и ее единственному акционеру развивать земельный

[247] Hoge Raad 2 december 1994, NJ 1995, 288.
[248] Hoge Raad 16 februari 2007, NJ 2007, 256.
[249] Hoge Raad 12 oktober 2018, 2017, NJ, 2554.

участок. Акционер (но не компания) успешно оспорил эти решения в суде, сославшись на то, что решения муниципалитета были незаконными по отношению к акционеру. Однако, поскольку компания не оспорила решения администрации, эти решения вступили в силу. Это означает, что в отношении самой компании не было совершено противоправных действий.

В ходе последующего разбирательства холдинговая компания (т.е. акционер) потребовала от муниципалитета возмещения убытков, в том числе в связи с уменьшением стоимости акций компании. Верховный суд отклонил ссылку муниципалитета на правило Poot/ABP, запрещающее взыскивать отраженные убытки.

Суд постановил, что в данном случае это правило неприменимо, поскольку в отношении компании не было совершено противоправных действий. Поэтому, учитывая, что у компании не было основания для иска в данном случае, правило не применялось.

Правило об отраженных убытках и судебная практика, связанная с этим правилом, в последние годы стали предметом оживленной научной дискуссии среди голландских правоведов.

В соответствии с упомянутым выше более прагматичным подходом голландские правоведы, такие как профессор Л. Тиммерман, утверждают, что дополнительные исключения из правила о компенсации отраженных убытков должны применяться в следующих случаях[250]: (1) если миноритарный акционер требует компенсации за отражаемые убытки, так как миноритарные акционеры зачастую бесправны и не могут направить действия совета директоров компании на возмещение причиненного ей ущерба; (2) если речь идет о небольшой компании с небольшим числом акционеров; (3) если убыток кристаллизовался: ученый утверждает, что акционерам должно быть разрешено возмещать убытки в случаях, когда убыток уже кристаллизовался, например, если компания стала неплатежеспособной.

---

[250] См.: Timmerman L. Principles of Prevailing Dutch Company Law // European Business Organization Law Review (EBOR). 2010. Vol. 11. №. 4. P. 621.

Немецкое законодательство строго придерживается принципа недопустимости взыскания отраженных убытков. Признается, что у акционера может быть отдельный иск, если он нарушает определенные законодательные положения. Однако это не означает, что акционер может напрямую взыскать убытки для себя.

Как указал Федеральный верховный суд Германии в деле Girmes[251], убытки акционера должны быть компенсированы только выплатой в пользу компании. Это решение мотивировано принципом поддержания капитала (Kapitalerhaltung) и тем, что активы компании связаны для целей бизнеса (Zweckbindung des Gesellschaftsvermögens)[252].

Кроме того, § 117(1) и § 317(1) немецкого закона об акционерных обществах исключают прямые требования о возмещении убытков. Таким образом, в соответствии с немецким законодательством акционеру предоставляется возможность предъявления только косвенного иска[253].

Французское корпоративное законодательство не содержит понятия «отраженные убытки», однако можно было бы предположить, что правопорядок знает возможность взыскания отраженных убытков через призму генерального деликта. Однако французское законодательство не допускает взыскания отраженных убытков по двум причинам.

Во-первых, акционеры не имеют личных претензий в связи с потерей стоимости компании. Французское законодательство предусматривает, что акционеры могут предъявлять иски директорам как в личном качестве, так и от имени компании. Если акционеры подают иск в личном качестве, то они должны доказать причинение личного ущерба. Если же акционеры подают иск от имени компании, то в соответствии со ст. 1843-5 ФГК[254] компенсация присуждается компании.

---

[251] BGH II ZR 205/94

[252] Bas J. de Jong Shareholders' Claims for Reflective Loss: A Comparative Legal Analysis // European Business Organization Law Review, Vol. 14, №. 1, 2013 P. 109.

[253] Ibid.

[254] Гражданский кодекс Франции (Code civil) // https://www.trans-lex.org/601101/_/french-civil-code-2016/.

Французской судебной практикой выработан подход, в соответствии с которым убытки акционеров, вызванные снижением стоимости компании в результате неправомерных действий директора, не являются личным ущербом.

Так, в деле 12-27901 Кассационного суда Франции акционер подал иск к банку за допущенную им неосторожность, которая привела к ликвидации корпорации. Акционер предъявил иск о возмещении стоимости своих акций на том основании, что ему был нанесен личный ущерб. Суд постановил, что предполагаемая неосторожность банка нанесла ущерб только корпорации как самостоятельному юридическому лицу, но не ее акционеру[255].

В другом деле Кассационный суд Франции постановил, что в случае, если акционеры требуют возмещения убытков в связи с личным ущербом, они должны требовать возмещение ущерба в пользу корпорации[256]

Два представленных дела имеют *de facto* прецедентный характер и полностью ограничивают на практике возможность взыскания отраженных убытков во Франции.

Во-вторых, как отмечается в литературе, принцип генерального деликта является препятствием для взыскания отраженных убытков. Генеральный деликт в первую очередь направлен на то, чтобы поставить потерпевшего в такое же положение, как если бы правонарушение никогда не имело места.

В этой связи, чтобы требования о взыскании убытков были удовлетворены, истец должен: во-первых, установить причинно-следственную связь между правонарушением и ущербом, во-вторых, представить суду доказательства, в соответствии с которыми суд рассчитывает компенсацию за фактически понесенный ущерб и за возможный будущий ущерб.

Что касается будущего ущерба, то суд может компенсировать потерпевшему потерю деловых возможностей (например, «шанс») в рамках деликта или договора. При расчете важным моментом будет реальная вероятность получения потерпевшим шанса[257].

---

[255] Cour de cassation [Cass.] com., Jan. 28, 2014, Bull. civ. IV, No. 12-27901.
[256] Cour de cassation [Cass.] com., Feb. 8, 2011, Bull. civ. IV, No. 09-17034.
[257] См.: Chaisse J., Zhuoyue L.L. Op. cit. P. 57

Французские суды даже допускают взыскание чисто экономических потерь в рамках доктрины генерального деликта. Однако применительно к отраженным убыткам проблема заключается в том, что, в отличие от ущерба от потери шанса, они не поддаются определению. Когда компания теряет возможность заключить контракт, стоимость этой потери шанса может быть рассчитана. Однако невозможно рассчитать стоимость акций, потерянных в результате причинения вреда компании, поскольку акционеры могут никогда не продать свои акции в будущем. Кроме того, неправомерные действия компании не обязательно приводят к снижению стоимости ее акций даже после того, как компания теряет возможность заниматься бизнесом[258].

Наряду с национальными юрисдикциям вопрос о допустимости взыскания отраженных убытков поднимался и в Европейском суде по правам человека (далее – ЕСПЧ).

В деле Agrotexim[259] ЕСПЧ постановил, что прокол «корпоративной вуали» или игнорирование правосубъектности компании может быть оправдан только в исключительных обстоятельствах, в частности, когда четко установлено, что компания не может обратиться в ЕСПЧ через органы, созданные в соответствии с ее учредительными документами, или в случае ликвидации – через своих ликвидаторов.

Это исключение «невозможности» не было доступно акционерам в деле Agrotexim, которые подали иск в связи с тем, что их ликвидируемая компания – пивоваренный завод «Фикс» – находится под контролем государства, поскольку ликвидаторы были назначены греческим судом и обладали исключительными полномочиями по управлению компанией.

По мнению акционеров, компания, таким образом, могла обоснованно считаться находящейся в положении, при котором обращение в ЕСПЧ было невозможно.

---

[258] Ibid.
[259] Agrotexim and Others v. Greece (1995) (14807/89) [1995] (24 October 1995).

Однако ЕСПЧ не поддержал эту точку зрения. Нахождение в состоянии ликвидации не является автоматическим основанием для исключения «невозможности». Компания «Фикс» не прекратила своего существования как юридическое лицо, и не было представлено доказательств того, что в то время ликвидаторам было невозможно предпринять какие-либо действия. Не было оснований полагать, что ликвидаторы не смогли бы удовлетворительно исполнить свои обязанности, а акционеры не могли бы подать соответствующее ходатайство о смене ликвидаторов.

После изучения регулирования, применимого к вопросу допустимости взыскания отраженных убытков, представляется осмыслить позиции судов в комплексе и выделить общие подходы в судебной практике.

Как представляется, ни одна юрисдикция в мире не обладает достаточно эффективным решением вопроса о возможности взыскания отраженных убытков. Также ведущие мировые правопорядки не рассматривают отраженные убытки ни как отдельный способ защиты прав миноритариев, ни как отдельную доктрину. Вместо этого имеется принцип, запрещающий взыскание отраженных убытков в большинстве ситуаций.

Также обращает на себя внимание тот факт, что с отраженными убытками связываются любые иски о взыскании экономических потерь, связанных с уменьшением стоимости акций участника. Привязка к корпоративной составляющей отсутствует, состав субъектов причинения экономических потерь не ограничен.

Однако обращает на себя внимание выработка судами Англии и Нидерландов из общей картины отраженных убытков принципа разграничения требований акционера от требований корпорации, т.е. судами признается возможность взыскания убытков в ситуациях, когда участник испытывает некоторые экономические потери в связи с участием в корпорации. Вместе с тем остается непонятен состав гражданско-правовой ответственности.

Применительно к отраженным убыткам в рамках настоящего параграфа были затронуты вопросы, связанные с правовой природой отраженных убытков и особенностями их применения в иностранных юрисдикциях.

Очевидно, что выводы, сделанные в ходе предыдущих рассуждений, должны лечь в основу позиции применительно к вопросу о возможности существования отраженных убытков в системе способов защиты права.

Безусловно, аргумент «от закона» не должен является определяющим в системе любого логического доказательства необходимости введения в правовую систему новой сущности. Однако феномен социокультурного прогресса определяется необходимостью апелляции к основному закону государства как к необходимой правовой основе построения общества, основанного на идее верховенства права.

Конституцией РФ гарантирована защита права собственности и права на свободное использование имущества (ст. 34, 35 и 36). КС РФ, раскрывая конституционно-правовой смысл понятия «имущество», использованного в ст. 35, пришел к выводу, что им охватываются не только право собственности, но и иные имущественные права[260].

Согласно правовой позиции, изложенной КС РФ в другом акте[261], право на свободное использование своего имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности служит основой конституционно-правового статуса участников хозяйственных обществ, в частности акционеров акционерных обществ – физических лиц, в том числе не являющихся предпринимателями, которые реализуют свои права через владение акциями, удостоверяющими обязательственные права ее владельца по отношению к акционерному обществу. Права требования также охватываются понятием имущества, а следовательно, обеспечиваются конституционно-правовыми

---

[260] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2000 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой компании “Timber Holdings International Limited”» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 21 Ст. 2258.

[261] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона “Об акционерных обществах”, регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании “Кадет Истеблишмент” и запросом Октябрьского районного суда города Пензы».

гарантиями, включая охрану законом прав акционеров, в том числе миноритарных (мелких) акционеров как слабой стороны в системе корпоративных отношений, и судебную защиту нарушенных прав (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ).

Продолжением представленных тезисов КС РФ могло бы стать заключение о том, что при совершении действий, обусловливающих уменьшение стоимости активов миноритария, имеет место нарушение конституционных прав слабой стороны корпоративных отношений.

Однако и без перевода размышлений рассматриваемой проблематики в русло защиты слабой стороны конституционная ценность защиты имущественных прав очевидна.

Из этого же исходит и ЕСПЧ, который предельно широко толкует понятие «имущество», упоминаемое в ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ).

Например, в постановлении ЕСПЧ от 7 февраля 2017 г. по делу «Мхчян (Mkhchyan) против Российской Федерации» (жалоба № 54700/12)[262] отмечается: концепция имущества, отраженная в абз. 1 ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ, имеет автономное значение, которое не ограничивается правом собственности в отношении материальных вещей и не зависит от формальной классификации по внутригосударственному законодательству: некоторые иные права и интересы, представляющие собой активы, также могут рассматриваться как «имущественные права» и, таким образом, как «имущество» по смыслу данного положения[263].

Наряду с этим ЕСПЧ установил в деле Bramelid and Malmström v Sweden[264], что участие в корпорации квалифицируется как имущество в понимании нормы, предусмотренной ст. 1 ЕКПЧ.

Из указанного следует, что защита участника корпорации в части сохранения его имущества и имущественных прав представляет собой конституционно-

---

[262] Mkhchyan v. Russian Federation (54700/12) (7 February 2017).

[263] Приведено по: Асосков А.В., Байбак В.В., Бевзенко Р.С. и др. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 46.

[264] Bramelid and Malmström v Sweden (8588/79) (1983) 5 E.H.R.R. 249 (12 October 1982).

правовую основу правопорядка, что, в свою очередь, обусловлено значением права собственности для рыночной экономики.

Для рассматриваемого контекста допустимости взыскания отраженных убытков это означает необходимость всесторонней защиты прав участников корпораций на сохранение объема инвестиций, вложенных в корпорацию, в том числе в ситуациях, когда такое имущество страдает от нерыночного воздействия, обусловленного недобросовестным поведением одного из участников.

Как было указано выше, в контексте корпоративного права участник корпорации предстает слабой стороной в экономическом смысле применительно к каждой отдельной корпорации. Говорить о безусловной слабости миноритария не представляется возможным в силу потенциальной сложности корпоративных структур и сплетениями бизнес-отношений между холдинговыми структурами.

Однако вместе с тем в большинстве случаев в корпорациях складываются ситуации, в которых миноритарных участник предстает открытым перед мажоритарием в контексте дискриминационного вывода активов.

И формально миноритарий имеет достаточно широкий спектр способов защиты, в том числе требовать в силу ст. 53.1 ГК РФ возмещения убытков в связи с нарушением обязанностей действовать добросовестно и разумно в интересах корпорации не только с директоров, но и с контролирующих участников как лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица

Также ГК РФ предусматривает право участников дочернего общества требовать возмещения основным обществом убытков, причиненных его действиями или бездействием дочернему обществу (п. 3 ст. 67 ГК РФ).

Также безусловно нельзя не отметить п. 12, 13, 17 Обзора о хозяйственных обществах, которые потенциально могут стать своеобразной ст. 10 ГК РФ, т.е. каучуковыми нормами применительно к оспариванию любых сделок, которые ущемляют права миноритариев.

Однако все эти способы защиты построены по косвенной модели, истцом в них выступает корпорация, также она и получает возмещение, из этого следует, что миноритарию для сохранения объема своих инвестиций, т.е. своего имущества,

необходимо вернуть в корпорацию ранее изъятое из имущественной массы, а затем продать свои акции (долю).

Такие препятствия для участника могут быть фактически непреодолимы, что обусловливает достаточно редкое обращение миноритариев в суды по указанным основаниям.

В свою очередь, защита очевидного экономического интереса добросовестного участника путем прямого иска и взыскания отраженных убытков с другого участника снимает «логистические» проблемы.

Наряду с обозначенной проблемой трудозатратности достижения правосудия и возмещения материального ущерба миноритарий может быть формально скован в своих процессуальных правах на подачу искового заявления, что было рассмотрено в главе 1.

Взыскание отраженных убытков в полной мере способствует решению и этой задачи. Однако, как справедливо отмечается А.Ю. Глазуновым, с точки зрения российского права проблема неподачи косвенного иска не является столь острой в силу наличия у самих участников корпорации права требовать возмещения причиненных корпорации убытков, действуя от имени корпорации (п. 1 ст. 65.2 ГК РФ)[265].

В гл. 1 исследования указывалось, что есть вероятность того, что действия недобросовестного участника могут повлечь за собой существенное влияние на договорные отношения при совершении сделок с акциями корпорации.

Применительно к договору купли-продажи акций этот вопрос достаточно полно раскрыт во многих исследованиях в том числе в неоднократно упомянутой статье А.Ю. Глазунова.

Вместе с тем вопрос о залоге акций и долей и влиянии залога на контекст отраженных убытков изучен не в полной мере.

Так, правило о залоге долей и акций установлено в ст. 358.15 ГК РФ.

---

[265] Глазунов А.Ю. Защита имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ на примере отдельных институтов гражданского права: дис. … канд. юрид. наук. С. 163.

Пунктом 2 ст. 340 ГК РФ установлено, что, если иное не предусмотрено законом или договором, изменение рыночной стоимости предмета залога после заключения договора залога или возникновения залога в силу закона не является основанием для изменения или прекращения залога.

Следовательно, ГК РФ устанавливает правило по умолчанию, в соответствии с которым изменение цены акций не влияет на предмет залога, соответственно уменьшение стоимости акций не ведет к необходимости пополнять обеспечение.

Однако это только базовое правило, очевидно, что иное может быть предусмотрено договором, что соответственно ведет к потенциальной возможности возникновения убытков у акционера перед кредитором в обязательстве, обеспеченном залогом акций.

Кроме того, российская судебная практика не выработала в полной мере подходы к залогу долей и акций, потенциал проблем, с которыми может столкнуться участник, можно проиллюстрировать следующим примером, имевшем место в российской судебной практике[266].

Участник А в обеспечение кредита передал в залог Банку долю участия в корпорации в размере 51%.

В связи с дефолтом по обязательству А Банк обратился в суд с иском об обращении взыскания на часть доли в уставном капитале.

Как указали суды первой и апелляционной инстанций, после увеличения уставного капитала корпорации и перераспределения долей между новыми участниками корпорации доля уставного капитала, соответствующая номинальной стоимости, указанной в договоре залога с учетом дополнительного соглашения к нему между и Банком, соответствовала размеру доли 33,1192%.

Однако суд кассационной инстанции, отменяя рассмотренные судебные акты указал следующее.

То обстоятельство, что стоимость 51% доли в уставном капитале ООО изменилась, не может свидетельствовать об изменении предмета залога.

---

[266] См.: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 6 сентября 2017 г. № Ф07-9053/2017 по делу № А13-15926/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

В соответствии с п. 2 ст. 340 ГК РФ, а если иное не предусмотрено законом или договором, изменение рыночной стоимости предмета залога после заключения договора залога или возникновения залога в силу закона не является основанием для изменения или прекращения залога. Таким образом, в залоге у кредитора (Банка) продолжает находиться 51% доли в уставном капитале ООО.

Тем самым изменение стоимости доли в уставном капитале как предмета залога не является основанием изменения размера доли, являющейся предметом залога. При этом данное правило, как представляется, должно иметь и обратную силу, в случае уменьшения размера уставного капитала размер доли не должен увеличиваться, поскольку предметом залога является именно доля, а не ее стоимость. Соответственно, риск уменьшения или увеличения стоимости лежит на сторонах.

Аргументы против возможности взыскания отраженных убытков содержатся, по сути, в принципе недопущении взыскания отраженных убытков, о чем говорилось ранее.

Первый и самый важный аргумент – допущение двойного взыскания с нарушителя за одно и то же нарушение, когда компания несет убытки, вызванные нарушением обязанностей, возложенных как на компанию, так и на акционера. Убытки акционера, в той мере, в какой они измеряются уменьшением стоимости его пакета акций или потери дивидендов, просто отражают убытки, понесенные компанией[267].

Если акционеру будет разрешено взыскать такие убытки, то либо произойдет двойное взыскание за счет ответчика, либо акционер получит двойное взыскание за счет компании, кредиторов и других акционеров. Ни тот, ни другой вариант не может быть допущен. Это принципиальный вопрос, здесь не может предполагаться какого-либо судейского усмотрения. Справедливость по отношению к ответчику требует исключения того или иного требования; защита интересов кредиторов компании требует, чтобы именно компания получила право на взыскание, исключая акционеров.

[267]Костин Е.В. Отраженные убытки: понятие и содержание // Юрист. 2024. № 11. С. 17

Вместе с тем нельзя не согласиться с тем, что ситуация, когда компания терпит ущерб, а акционер несет убытки из-за снижения стоимости акций, возможна в четырех ситуациях:

(1) иск подает только компания; (2) иск подает только акционер; (3) акционер подает иск первым и получает возмещение, а затем компания подает иск; (4) сначала акционер подает иск и получает возмещение, а затем компания подает иск и получает возмещение.

Из всех этих сценариев двойное взыскание происходит только в третьем сценарии. Риск наступления третьего сценария представляется недостаточным для запрета на взыскание отраженных убытков. Во-первых, это только одна теоретическая возможность из четырех. Во-вторых, нет никаких эмпирических данных, указывающих на то, что двойное восстановление станет преобладающим случаем, если отражательные потери будут возмещаться[268].

Помимо этого, на таком фоне представляется также справедливым утверждение о том, что проблема двойного возмещения лежит в процессуальной плоскости и решается путем законодательного установления приоритета косвенного иска перед прямым иском участника[269].

С учетом изложенного очевидно, что принципиально вопрос о самом главном препятствии к допущению взыскания отраженных убытков решается достаточно тривиально и в полной мере открывает путь к допущению нового способа защиты. Кроме того, представляется справедливым тезис Б. де Йонга о том, что риск недокомпенсации пострадавшего участника является более существенным, чем риск излишней компенсации[270]

В литературе можно обнаружить несколько иную формулировкой вышеприведенного аргумента о двойном взыскании – риск двойной ответственности для правонарушителя[271]. Такая формулировка подразумевает,

---

[268] См.: Chaisse J., Zhuoyue L.L. Op. cit. P. 86.
[269] См.: Глазунов А.Ю. Защита имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ на примере отдельных институтов гражданского права: дис. … канд. юрид. наук. С. 159.
[270] См.: De Jong B.J. Op. cit. P. 109.
[271] См.: De Wulf H. Direct shareholder suits for damages based on reflective loss // Festschrift für Klaus J. Hopt zum 70. Geburtstag am 24. August 2010: Unternehmen, Markt und Verantwortung / Ed. Stefan Grundmann, Hanno Merkt, & Brigitte Haar. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2010. P. 1554.

что правонарушитель будет выплачивать ущерб за одно и то же правонарушение (а именно компании и одному или нескольким акционерам).

Также существует мнение, что это отдельное основание к недопущению взыскания отраженных убытков в силу следующей потенциальной ситуации: акционер продает свои акции по заниженной стоимости, отражающей убытки, понесенные компанией, и взыскивает отраженные убытки по личному иску в своей части.

Впоследствии компания подает в суд и также получает возмещение уже в своей части. Теперь уже бывший акционер не получает двойного возмещения, так как он не выиграл бы от увеличения стоимости акций, но правонарушитель рискует выплатить двойную компенсацию, поскольку приобретатель акций вышедшего акционера получил обогащение[272].

Наряду с этим данных пример сам по себе подразумевает отсутствие эффективных процессуальных правил подачи иска о взыскании отраженных убытков, что говорит о ложности данного примера и сведению его к ситуациям, рассмотренным ранее в контексте возможности двойного взыскания.

В деле Johnson v Gore Wood & Co[273] суд указал на потенциально возможное ущемление прав кредиторов в случае возмещения отраженных убытков, о чем мы также говорили ранее.

Однако и такой довод поддается достаточно простому опровержению: кредиторы имеют требования только к совокупности активов компании, а добросовестный акционер, в свою очередь, подает иск в связи неправомерными действиями акционера, и они не затрагиваются иском о возмещении отраженных убытков.

Вопрос с защитой интереса других участников обстоит немного сложнее, ведь при одновременной подаче иска об отраженных убытках определенным участником и косвенного иска в пользу корпорации могут ущемляться интересы

---

[272] См.: De Jong B.J. Op. cit. P. 111.
[273] Johnson v Gore Wood & Co [2002] 2 AC 1.

остальных участников в связи с недокомпенсацией требований и ожиданий других участников и перетягивания каната между сразу несколькими участниками.

Это вероятно наиболее серьезная проблема в контексте корпоративной ответственности, так как, по сути, имеет место общая цепочка требований, конец которой на первый взгляд неочевиден.

Представляется, вполне обосновано возразить, что взыскание отраженных убытков подразумевает экстраординарный способ защиты, недоступный при обычных условиях и ни в коем случае не ограничивающий традиционную косвенную модель защиты корпоративных прав.

В рамках настоящего параграфа были рассмотрены основные моменты, связанные с возможностью взыскания отраженных убытков. Был проведен анализ правовой природы такого требования, который привел к выводу о том, что потенциально взыскание отраженных убытков представляет собой меру корпоративной правовой ответственности.

Перед этим было проведено разграничение между чистыми экономическими убытками, возникающими внутри корпорации и именно отраженными убытками, которые предлагается рассматривать как средство защиты от дискриминационного вывода активов.

Такой способ защиты в предлагаемом в настоящей работе формате представляется наиболее актуальным применительно к российскому гражданскому обороту как обеспечивающим надлежащее возмещение в особых случаях.

Рассматриваемый институт предлагается допустить к применению исключительно в ситуациях, когда иные способы защиты недоступны для участника корпорации в целях реализации права участника на защиту своих имущественных прав.

Однако вместе с этим принимается во внимание, что имплементация такого института должна совершаться с учетом интересов других участников корпорации.

Вместе с тем компаративистский анализ показал, что доктрина отраженных убытков не развита в том числе в иностранных юрисдикциях и представляет собой

некое подобие исков из ст. 10 ГК РФ о злоупотреблении корпоративными правами, что подтверждается исками в соответствии со ст. 1 протокола 1 к ЕКПЧ.

Большинство континентальных правопорядков остаются крайне консервативными в своих подходах и не жертвуют своими действующими правовыми принципами в угоду казуистике, что определяется в том числе крайне широким подходом к отраженным убыткам.

§ 2. Выкуп доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке

Во гл. 2 настоящего исследования нами были представлены подходы к двум способам защиты, которые, на наш взгляд, являются прямыми исками участника к участнику – исключение участника из корпорации и ликвидация корпорации по иску участника.

Оба способа защиты в первую очередь направлены на прекращение соглашения между участниками, лежащего в основе корпорации, в первом случае представляется, что архетип способа защиты направлен на исключение недобросовестного миноритария, во втором – на разрешение корпоративного конфликта в случае равного объема корпоративных прав между участниками.

Вместе с тем представляется, что российское право полостью игнорирует третье решение корпоративного конфликта, который в большинстве развитых правопорядков направлен на разрешение корпоративного конфликта в случае притеснения миноритария – выкупа доли (акций) в судебном порядке.

Как было указано ранее, в контексте реализации имущественного интереса участников корпорации, сложившаяся судебная практика в России определяет достаточно либеральный подход к возможности выхода участника из корпорации.

Вместе с тем очевидно, что в существующих реалиях обозначенный подход не в полной мере решает проблему урегулирования корпоративного конфликта ни в форме предоставления участникам права на выход, ни в форме права требовать от общества выкупа принадлежащей им доли (акций).

Представляется, что несбалансированность подхода, имеющего основания для закрепления в отечественном праве, как мы отмечали ранее, определяется

возможными злоупотреблениями миноритарными участниками своим безусловным правом на выход и нарушения в итоге баланса интересов при ведении общего дела участниками. О редкости закрепления такого правового решения в отношении права на выход из общества указывается в том числе в иностранной литературе[274]. Наряду с этим в ситуациях, когда нарушений перед началом процедуры выхода нет, участники становятся невольными заложниками процесса оценки, где оценщик скован предоставленной ему информацией об обществе, а также имеет право на применение понижающих коэффициентов. В связи с этим представляется возможным обратиться к сравнительно-правовому анализу института выкупа доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке как способа защиты прав.

Введение института выкупа доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке уже поддерживался отечественными исследователями. Так, А.А. Глушецкий указывал, что в случае, когда один участник общества, часто тот, кто обладает большим контролем, наносит вред интересам другого участника, логично обязать виновного выкупить долю пострадавшего. При этом выкуп должен происходить по справедливой рыночной стоимости, а не по условной. В результате затраты на покупку доли ложатся на самого участника, причинившего вред, а активы и чистые активы общества остаются неприкосновенными[275].

Схожей позиции придерживается и Т.С. Бойко в работе, посвященной институту выкупа доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке в странах общего права в качестве способа защиты прав миноритариев[276]. В контексте выкупа доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке акций выводом из указанного исследования являются: (1) несправедливое притеснение миноритария как основание для подачи заявления о выкупе доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке[277], притом в американском праве такое притеснение основано на

---

[274] См.: Fleischer H. in Comparative Corporate Governance in Closely Held Corporations // The Oxford Handbook of Corporate Law and Governance / J.N. Gordon, W.G. Ringe (eds). Oxford, 2018. P. 704.
[275] Глушецкий А.А. Коммерческие корпорации: виды и организационное устройство. М.: Статут, 2023.
[276] См.: Бойко Т.С. Выкуп доли миноритарного участника как способ защиты от притеснения со стороны мажоритарного участника // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО. М.: М-Логос, 2020. С. 13–47.
[277] См.: там же С. 16, 21.

теории разумных ожиданий миноритариев, под которыми понимаются договоренности и допущения, которые изначально подтолкнули стороны к объединению своих усилий для созданий компаний[278]; (2) неопределенность в части применения понижающего коэффициента при оценке стоимости доли участия[279].

Вместе с тем представляется необходимым провести анализ немецкого опыта регулирования выкупа доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке как пример континентальной юрисдикции с существенной историей регулирований корпоративных правоотношений.

В настоящее время право участника GmbH на выкуп доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке при наличии wichtiger Grund (здесь и далее – «существенная причина») не закреплено в законодательстве и фактически закреплено на уровне судебной практики доктрины. Вместе с тем теоретические основы данного способа защиты остаются предметом споров. Существуют различные точки зрения относительно правовой природы выкупа доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке, включая:

(1) право на выход из партнерства (товарищества)[280];

(2) проявление принципа Treupflicht (нем. аналог duty of loyalty), который возникает в отношениях между компанией и ее участниками, а также между самими участниками[281];

(3) принцип, согласно которому участники длительных обязательств должны иметь опцию расторгнуть договор[282].

Наряду с этим разногласия среди ученых не помешали развитию института выкупа доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке по существенной причине и его закреплению в судебной практике.

---

[278] См.: там же С. 16.
[279] См.: там же С. 33-34, 39–40.
[280] См.: Wiedemann, H. Die Uebertragung und Vererbung von Handelsgesellschaften, Munich: C.H. Beck, 1965. S. 91.
[281] См.: Mueller H-F. Das Austrittsrecht des GmbH-Gesellschafters. Köln Carl Heymanns, 1996. S.33.
[282] См.: Strohn L. Geht nicht – geht doch: Warum es für die Lösung des Problems „Einziehung und Abfindung“ 59 Jahre brauchte. Festschrift Für Alfred Bergmann Zum 65. Geburtstag Am 13. Juli 2018. S.733.

Под концепцией существенной причины в контексте выхода из GmbH немецкая судебная практика понимает многогранный, разработанный и применяемый судебной практикой критерий «неразумности» или «невыносимости» нахождения в закрытой корпорации[283]. Также, как указывает Верховный федеральный суд, участник GmbH в целом имеет право выйти из корпорации, если имеет место существенная причина. Это право, как основополагающий принцип права ассоциаций, является обязательным и неотчуждаемым правом членства[284].

Между тем, как отмечается в литературе, односторонний выход участника без согласия корпорации, если иное не установлено уставом, возможен только при наличии существенной причины, и исключений не предусмотрено[285]. Под существенной причиной в данном контексте понимается все, что делает для участника пребывание в GmbH невыносимым. Признание существенной причины в каждом конкретном случае зависит от всесторонней оценки обстоятельств и интересов сторон[286].

Первым проявлением института существенной причины в контексте выхода участника из корпорации путем принудительной продажи доли участия можно назвать категорией поведения других участников. Эта категория наиболее наглядно иллюстрирует, как право на выход из компании выступает в роли защиты интересов миноритариев. Так, под таким поведением участников подразумевается повторяющиеся злоупотребления корпоративным контролем большинством. В подобных ситуациях, несмотря на наличие других механизмов юрисдикционной защиты, право на выкуп доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке по существенной причине может быть более подходящим вариантом. Например, можно привести ситуацию с исключением миноритария из участия в распределении прибыли, когда большинство систематически отказывается

---

[283] См.: Scogin Jr H.T. Withdrawal and Expulsion in Germany: A Comparative Perspective on the Close Corporation Problem // Mich. J. Int'l L. 1993. Vol. 15. P. 127.
[284] BGH Urteil v. 24.05.1993 - II ZR 36/92
[285] См.: Strohn L. Op. cit. S. 734.
[286] См.: Ulmer P., Habersack M., ‘Anhang § 34 Ausschließung und Austritt von Gesellschaftern in: GmbH-Gesetz, Band I: Kommentar mit Anhang Konzernrecht. Köln: Verlag Dr. Otto Schmidt, 2018. S. 33.

распределять прибыль или вводит политику удержания прибыли, которая является необоснованной с точки зрения финансовой ситуации компании[287].

Другим примером является постоянный отказ большинства разрешать участнику передать или продать свою долю. Вопрос, однако, вызывает разногласия среди экспертов[288]. Неправомерные действия со стороны других участников, причиняющие ущерб или вред одному из членов компании, могут дать последнему право на выход, также, если участник GmbH сталкивается с поведением другого участника, которое может привести к исключению последнего, у него есть выбор: подать иск о его исключении или выйти из компании добровольно[289].

Наконец, если возникает серьезный кризис в отношениях между участниками, который делает невозможным их совместную деятельность, это также может служить основанием для возникновения права выкупа доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке. Это особенно актуально, если рассматриваются вопросы о ликвидации компании или исключении участников. В этом контексте важным аспектом является вина, хотя мнения по этому поводу разделяются. Некоторые исследователи считают, что участник, виновный в конфликте, не может воспользоваться правом на выкуп доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке, в то время как для других участников право на выкуп доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке и исключение остаются доступными[290]. Другие же полагают, что сложность в установлении вины в ретроспективе делает ее использование неподобающим критерием для принятия решения о праве на выкуп доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке и что достаточно учитывать вину как один из элементов общей оценки ситуации[291].

Еще одно проявление института существенной причины можно обозначить как фактическое положение вещей в корпорации (die Verhaeltnisse der Gesellschaft), т.е. так как обстоятельства, при которых ликвидация GmbH может быть

---

[287] См.: Brinkman T. Minority Protection under Section 459 of the Companies Act 1985. A Comparison with the Law of the German GmbH (Private Limited Company) // European Business Law Review 2002. Vol. 13. P.75.
[288] См.: Wiedemann, H. Op. cit. S. 91.
[289] См.: Röhricht V. “Zum Austritt des Gesellschafters aus der GmbH”. Festschrift für Alfred Kellermann zum 70. Geburtstag am 29. November 1990. Berlin, Boston: De Gruyter, 1991. S. 382.
[290] См.: Strohn L. Op. cit. S. 188.
[291] См.: Mueller H-F. Op. cit. S. 65.

обоснована, поскольку такие обстоятельства также могут служить основанием для выхода участника. Это в том числе необходимо в ситуациях, когда участник, желающий выйти, не достигает порога в 10% доли для инициирования судебной процедуры ликвидации[292]. Также если существуют основания для удовлетворения иска о ликвидации корпорации, то нет оснований отказывать участнику в праве на выход, поскольку это не принесет ущерба остальным участникам независимо от того, какой путь выберет этот участник. Одним из примеров, который может оправдать как ликвидацию, так и право на выход, является полное разрушение отношений между участниками, которое угрожает жизнеспособности GmbH как функционирующего бизнеса[293].

Аналогично длительная убыточность компании может стать важной причиной для выхода, хотя и с ограничениями. Дополнительные требования могут включать неудачу всех попыток исправить ситуацию и наличие обсуждения вопроса о ликвидации GmbH, наличие неправомерности или недобросовестности в решении большинства не ликвидировать убыточную и коммерчески несостоятельную GmbH, что несправедливо удерживает пострадавшего участника[294].

Изменение положения вещей в GmbH может проявляться во влиянии на юридическое или экономическое положение участника в ущерб ему. Например, увеличение капитала без добровольного согласия участника, которое затрудняет его выход, может стать основанием для выхода при условии, что пострадавший участник немедленно предпринимает шаги для начала процедуры принудительного выкупа[295].

Принципиальные изменения в функционировании GmbH, такие как изменение ее целей, также могут стать основанием для права на выход. Эти изменения необязательно должны быть оформлены в виде официальных решений участников, достаточно любого действия, которое можно отнести к деятельности

---

[292] См.: Ulmer P., Habersack M. Op. cit. S. 36.
[293] Ibid. S. 38.
[294] См.: Röhricht V. Op. cit. S. 386.
[295] BGHZ 98, 276, 279ff.

GmbH. Логика выхода в таких ситуациях заключается в том, что участник не обязан продолжать свои инвестиции, если основание, по которому он присоединился к GmbH или была основана сама компания, больше не существует[296]. В этом же ключе можно продолжить ситуацией, когда значительное расширение сферы деятельности или инвестиций GmbH, которое существенно увеличивает бизнес-риски, также может стать существенной причиной для выкупа доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке [297]. Изменения в составе управляющего большинства, выход другого участника или перенос административного центра компании в иностранную юрисдикцию также могут быть основаниями для выкупа доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке[298]. Однако менее серьезные вопросы, такие как задержка с представлением финансовых отчетов, ошибки в содержании отчетности или споры между участником и GmbH относительно трудовых отношений участника, сами по себе не являются достаточными для обоснования выхода[299].

Третьей группой оснований для выкупа доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке называются исключительные обстоятельства, касающиеся лично того участника, который желает выйти из корпорации, т.е. личные обстоятельства участников, которые настолько тесно связаны с деятельностью GmbH, что, по сути, приравниваются к ее собственным или хотя бы значимо влияют на продолжение участия члена в GmbH, вполне могут считаться достаточными. Например, ситуация, когда члену крайне трудно осуществлять свои права или выполнять обязательства в рамках участия в обществе, может возникнуть при изменении места жительства или при длительном тяжелом заболевании[300].

Напротив, возникает спор относительно того, могут ли обстоятельства, касающиеся исключительно личной жизни участника и не имеющие отношения к

---

[296] См.: Röhricht V. Op. cit. S. 380..
[297] Lutter M. Marcus Lutter. Gesammelte Schriften, Hommelhoff P., Schneider, U. Berlin, New York: De Gruyter, 2011. S. 575.
[298] Strohn L. Op. cit. S.189
[299] Ibid.
[300] См.: Lutter M. Op. cit. S. 578.

GmbH, быть основанием для выкупа доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке. Существует консенсус, что личная неплатежеспособность участника не является достаточной причиной для выхода[301]. Однако суды сильно разделяются в вопросе, часто обсуждаемом в литературе: является ли существенной причиной срочная потребность в деньгах, которую можно удовлетворить только путем продажи своей доли в GmbH. Некоторые комментаторы категорически отвергают эту возможность[302], другие же в целом поддерживают ее[303], а третьи принимают более сбалансированный подход, который зависит от финансового положения самой GmbH[304].

Выкуп доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке по существенной причине признается, по общему мнению исследователей, крайней мерой. Этот шаг разрешен только в случае, если нет доступных, разумных или вероятных вариантов разрешения конфликта, менее радикальных, чем выход. К таким менее радикальным мерам, которые следует рассматривать в первую очередь, относятся: (1) добровольная продажа или передача доли в обществе, даже если это сопряжено с финансовыми потерями, за исключением случаев, когда цена продажи является неприемлемо низкой или когда существует ограничение на передачу долей, а также если маловероятно, что GmbH одобрит передачу третьему лицу[305]; (2) использование права на выход в соответствии с условиями устава (если оно предусмотрено), если только выполнение этих условий, например уведомления о выходе, не будет чрезмерно затруднительным для участника[306]; (3) инициирование судебных разбирательств в целях оспаривания ошибочных решений участников; если только обращения в суд не становятся частыми и не выходят за пределы разумных сроков; увольнение управляющего, нарушающего свои обязанности, или изменение личных обязательств, ставших чрезмерно обременительными для выполнения, если их расторжение невозможно[307]. Тем не

[301] См.: Röhricht V. Op. cit. S. 384.
[302] См.: Ulmer P., Habersack M. Op. cit. S. 39.
[303] См.: Lutter M. Op. cit. S. 579.
[304] См.: Mueller H-F. Op. cit. S. 66.
[305] См.: Lutter M. Op. cit. S. 581.
[306] См.: Strohn L. Op. cit. S. 191.
[307] Ibid.

менее ликвидация корпорации или исключение участника не считаются менее экстремальными мерами, чем выкуп доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке, и их наличие не лишает пострадавшего участника права на выкуп доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке[308].

В рамках рассматриваемого способа защиты необходимо указать, что доля оценивается на основе полной рыночной стоимости передаваемой доли. Хотя в законе не установлены точные правила оценки, несколько общих принципов, касающихся оценки, возникли из судебных прецедентов и литературных источников, включая прецедентное решение Федерального суда 1991 г., которое подтвердило существование института выкупа доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке[309]. В указанном деле было сделано достаточно много существенных выводов, легших в основу правоприменительной практики в Германии. Во-первых, оценка доли должна основываться не на самой доле, а на GmbH в целом, а именно на реальной стоимости GmbH как действующего предприятия, что включает скрытые резервы и деловую репутацию. Это, как правило, та цена, которую третье лицо заплатило бы за приобретение всего предприятия, и эта стоимость должна быть подтверждена экспертными заключениями.

Важно отметить, что именно суд обладает дискрецией в выборе метода оценки. В качестве основного метода, по умолчанию, применяется (на тот момент) метод доходности, но в исключительных случаях может использоваться метод чистой стоимости активов, если это необходимо.

Исключительные случаи, когда может применяться метод чистой стоимости активов, включают: (1) предприятие с низкой доходностью, где стоимость ликвидации предприятия превышает его стоимость, рассчитанную методом доходности; (2) холдинговая компания, чья деятельность ограничена управлением долевыми инвестициями; и (3) бизнес, связанный с деятельностью фрилансеров,

[308] См.: Mueller H-F. Op. cit. S. 84.
[309] BGH Urteil v. 16.12.1991 - II ZR 58/91.

где потенциал доходности зависит от участия конкретных участников и исчезает с их уходом.

Представляется, что описанный немецкий опыт мог бы лечь в основу применения изменения вектора развития российской судебной практики в контексте выкупа доли в уставном капитале (акций) в отечественной юрисдикции. Обращает на себя внимание своего рода субсидиарность способов защиты, применительно друг к другу ликвидация корпорации, исключение участника и выкуп доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке рассматриваются как альтернативы, наиболее подходящие в рамках каждого конкретного дела.

Указанный институт в полной мере ложится в канву существующего подхода к выходу участника из корпорации путем отчуждения доли участия (акций) обществу, другим участникам либо третьим лицам.

Представляется, что с учетом рассмотренного ранее подхода к выходу участника из корпорации не принимаются во внимание инвестиционные ожидания участников в случае выхода

Рассмотренный выше опыт немецкой юрисдикции дает основания к рассмотрению возможности урегулирования конфликтных ситуаций между участниками в случае установления срока, в течение которого выход участников фактически ограничен.

Также особо важно выделить, что отсутствие консенсуса в части правовой природы отношений между участниками непубличной корпорации не мешает установлению достаточно широкого перечня оснований для принудительного выкупа доли участия в GmbH. Притом широта таких оснований определяет недопущения ситуаций, когда участники провоцируются на совершение своего рода корпоративных правонарушений, хотя и не исключает из списка таких оснований для инициирования процедуры принудительного выкупа злоупотребления мажоритариев.

Нельзя также не отметить справедливость подхода к оценке стоимости доли при принудительном выкупе. Это проявляется как в установлении судом, а не оценщиком метода оценки, так и в отсутствии дисконта на миноритарные доли.

Полагаем целесообразным с учетом необходимого ограничения свободного права на выход участника из непубличной корпорации, который, как было указано в § 3 гл. 1 настоящего исследования, фактически закреплен в российском праве, на уровне судебной практики представить возможность участникам корпорации обращаться в суд с иском о выкупе доли участия (акций) в случае нарушения их прав другими участниками.

§ 3. Принудительная реорганизация корпорации по иску участника

На первый взгляд представляется, что реорганизация как способ разрешения корпоративного конфликта между участниками непубличной корпорации является одним из наиболее элегантных решений в ситуации неразрешимых противоречий, поскольку теоретически каждый из участников остается со справедливой частью общего дела и с действующим юридическим лицом, то интуитивно представляется, что конфликт между участниками исчерпан.

В пп. 3.3 разд. III Концепции развития гражданского законодательства[310] отмечается, что на законотворческом уровне указывалось на целесообразность закрепления в ГК РФ возможности проведения в исключительных случаях принудительной реорганизации корпорации по решению суда.

Вместе с тем принудительная реорганизация хоть и упоминается в российском законодательстве, на практике практически не используется

Пунктом 2 ст. 57 ГК РФ установлена возможность для реорганизации юридического лица в случае такого указания в законе по решению уполномоченных государственных органов или по решению суда. Соответствующие нормы содержатся, в частности, в законах «О защите конкуренции»[311], «Об электроэнергетике»[312], «О жилищных накопительных

---

[310] Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11.

[311] Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч.1). Ст. 3434.

[312] Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.

кооперативах»[313]. Вместе с тем ни в одном из указанных законах не говорится о полномочиях суда на принятие решения о реорганизации юридического лица.

Представляется возможным согласиться с мнением, что норма, предусмотренная п. 2 ст. 57 ГК РФ, в первую очередь сформулирована для целей антимонопольного регулирования[314].

Для корпоративного законодательства сам институт принудительной реорганизации известен, так, принудительная реорганизация в форме преобразования в случае, если число участников корпорации превышает 50, однако в рассматриваемом случае имеет место норма-предписание, за неисполнение которой предусмотрена санкция в виде ликвидации корпорации.

Однако принудительная реорганизация как способ защиты корпоративных прав в случае корпоративного конфликта между участниками корпорации неизвестен российскому законодательству.

В судебной практике известен один случай обращения в суд с требованием о принудительной реорганизации корпорации – в рамках дела № А62-7403/2014 суды двух инстанций[315] отказали участникам ООО в удовлетворении требовании в связи с отсутствием прямого указания закона на возможность реорганизации корпорации по решению суда.

В доктрине также неоправданно узко рассматривался вопрос о внедрении в российский правопорядок возможности защиты участниками своих прав путем привлечения арбитражного суда в процесс разделения бизнеса путем реорганизации. Наиболее полно в этой части представил свою позицию Д.И. Степанов. Исследователь видит перспективу внедрения такого способа защиты в российское корпоративное законодательство и выделяет следующие преимущества: (1) прежде конфликтовавшие участники единой корпорации получат возможность вести самостоятельный бизнес в рамках новых,

---

[313] Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч.1). Ст. 41.

[314] См.: Барков А.В., Габов А.В., Голубцов В.Г. и др. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1 – 5 / под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2015. 662 с.

[315] Решение Арбитражного суда Смоленской области от 31 марта 2015 г. по делу № А62-7403/2014 // СПС «КонсультантПлюс» ; постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 июля 2015 г. № 20АП-3500/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

обособленных корпораций, сформированных по принципу общности интересов; (2) обязательства прежней корпорации будут сохранены в полном объеме и перейдут к новым юридическим лицам. Таким образом, контрагенты не понесут никаких убытков, а потенциальные риски, связанные с разделением бизнеса, будут минимизированы за счет солидарной ответственности всех созданных корпораций; (3) реорганизация позволяет сохранить бизнес в новых организационных формах, минимизируя риски, связанные с ликвидацией. В отличие от ликвидации, при реорганизации сохраняются отношения с контрагентами, что обеспечивает плавный переход к новым условиям хозяйствования[316].

Вместе с тем в представленной статье справедливо отмечается наличие существенных препятствий для имплементации такого способа защиты, так, указывается в том числе на (1) проблему информационной асимметрии, как и в случае с принудительным выкупом доли, (2) возложении на суд слишком широкого круга вопросов в том числе, но не ограничиваясь выбором формы реорганизации, определения, какому именно лицу достанется тот или иной актив, определения разумных границ расхождений между стоимостью передаваемых активов и сопутствующих обязательств, (3) трудностей при выработке надлежащих процессуальных механизмов при рассмотрении подобного спора[317].

Также о реорганизации в качестве способа защиты прав участника корпорации вскользь упоминается в статье А.И. Шаматонова, посвященной ликвидации корпорации по иску участника. В указанной работе реорганизация рассматривается как возможная мера для диспозитивного разрешения корпоративного конфликта, предложенного судом в рамках переданного на его рассмотрение дела[318].

Крайне комплиментарно к возможности введения в российское право института принудительной реорганизации отзывается Т. Абдулкадиров,

---

[316] См.: Степанов Д. И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 9. С. 62–115.
[317] См.: там же.
[318] См.: Шаматонов А.И. Принудительная ликвидация ООО и непубличного АО по заявлению участника (пп. 5 п. 3 ст. 61 ГК РФ): российский и зарубежный опыт // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей / отв. ред. АА Кузнецов. М.: Статут, 2020. С. 411–461.

исследователь указывает, что принудительная реорганизация корпорации представляется более выгодным инструментом для разрешения конфликта самим же участникам корпорации, особенно в ситуациях, когда альтернативой является ликвидация хозяйственного общества. Как указывается, рассматриваемый моделируемый способ защиты может позволить избежать остановок производственной деятельности предприятий. Также отмечается, что такой инструмент особенно необходим при разрешении разногласий между участниками непубличных корпораций, имеющими равный объем корпоративных прав[319].

Представляется необходимым указать, что принудительная реорганизация корпорации в случае использования такого способа защиты на практике достаточно уместно смотрится в концепции рассмотрения отношений как товарищеских, предложенной в том числе в настоящей работе. Абз.11 ст. 12 ГК РФ указывает на возможность изменения правоотношений в судебном порядке. Вместе с тем п. 2 ст. 450 ГК РФ указывает на возможность изменения договора только в случае существенного нарушения договора одной из сторон либо в случае указания на это в законе или договоре.

В договорных конструкциях, закрепляющих регулирование товарищеских отношений, как представляется, наиболее полно возможность изменения договора закреплена в Законе об инвестиционном товариществе[320]. В соответствии с ч. 1 ст. 17 указанного Закона товарищи вправе требовать изменения договора инвестиционного товарищества, заключенного с указанием срока или с указанием цели в качестве отменительного условия, в отношениях между ними и остальными товарищами в порядке и по основаниям, которые предусмотрены п. 2 ст. 450 ГК РФ.

Указанное в совокупности определяет сформированность логической конструкции принудительной реорганизации в рамках товарищеского соглашения между участниками корпорации. Так, для изменения товарищеского соглашения

---

[319] См.: Абдукадиров Т. Миноритарный активизм как недобросовестный способ реализации прав акционера // Вестник арбитражной практики. 2018. №. 3. С. 29–35.

[320] Федеральный закон от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7013.

между несколькими товарищами (реорганизации) необходимо соответствующее условие в уставе корпорации либо прямое установление такой возможности в законах об ООО и АО.

Представляется, что, принимая во внимание объем потенциальных преимуществ, проработка основных вопросов, связанных с потенциальной регламентацией принудительной реорганизации в качестве способа защиты корпоративных прав участников непубличных корпораций, является целесообразной.

Отправной точкой для разработки предложения по внедрению в отечественный правопорядок принудительной реорганизации считаем возможным обозначить уточнение ситуаций, в которых возможно использовать рассматриваемый способ защиты. От этого, вероятно, зависит ход дальнейших рассуждений, а также выделение защищаемых прав и интересов участников закрытых корпораций.

Первая предполагаемая ситуация заключается в использовании принудительной реорганизации в случае нарушения одним из участников обязанностей по отношению к другому по аналогии с ситуациями, которые предполагают исключение из непубличного хозяйственного общества недобросовестного участника.

В случае нарушения своих прав добросовестный участник обращается в суд с иском о реорганизации корпорации, однако очевидно, что требование участника должно быть конкретизировано и подразумевать требование о проведении реорганизации в определенной форме, приложение к исковому заявлению передаточного акта, так как суд не имеет возможности в одностороннем порядке утверждать указанные вопросы в инициативном порядке. На этом этапе возможны два решения: либо участник сам непосредственно представляет суду форму реорганизации и передаточный акт, либо требует назначить управляющего для инициирования процедуры реорганизации.

Вопрос о форме реорганизации представляется в первом приближении праздным, поскольку, как известно, ГК РФ допускает реорганизацию

юридического лица с одновременным сочетанием различных ее форм (абз. 2 п. 1 ст. 57 ГК РФ).

Между тем при более детальном анализе становится очевидным, что указанная норма не устраняет проблемы при выборе формы реорганизации. Во-первых, важно учитывать, что в соответствии с п. 8 ст. 50 Налогового кодекса Российской Федерации[321] (далее – НК РФ) при реорганизации в форме выделения по общему правилу правопреемство по отношению к реорганизованному юридическому лицу в части исполнения его обязанностей по уплате налогов не возникает.

Вместе с тем при разделении такой проблемы нет, поскольку налоговое бремя разделяется между вновь создаваемыми юридическими лицами в соответствии с разделительным балансом (п. 7 ст. 50 НК РФ).

Во-вторых, обращает на себя внимание вопрос о лицензиях корпорации на совершение определенной деятельности. Лицензии могут быть крайне важны для дальнейшей работы корпорации в целом.

В силу пп. 3 п. 13 ст. 20 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»[322] как при реорганизации в форме выделения, так и в форме разделения лицензии прекращение действия в отношении обеих корпораций прекращается. Между тем в отношении этого правила есть исключения для некоторых видов деятельности[323], в которых возможно переоформление лицензии.

Из указанного следует, что принудительная реорганизация в форме выделения из реорганизуемой корпорации в некоторых случаях не отвечает интересам добросовестного участника корпорации, поскольку он может потерять

---

[321] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июня 1998 г. № 147-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

[322] Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ.2011. № 19. Ст. 2716.

[323] См., например: статья 35 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 28. Ст. 2895., ст. 11.4 Закона РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации 1992, № 17. Ст 888. , ст. 11 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553. и др.

возможность бизнеса функционировать в связи с утратой лицензии, а также нести дополнительное бремя налоговых издержек. Разделение как форма реорганизации представляется более выгодной в первую очередь в налоговой плоскости, поскольку в такой ситуации возможно утверждение разделительного баланса, который учтет налоговое бремя сторон. Между тем при любой форме реорганизации потенциально имеется возможность утраты ключевых лицензий корпорации, что повлечет утрату интереса участников в продолжении деятельности корпорации, что, в свою очередь, предопределяет фактическую ликвидацию корпорации.

Учитывая изложенное, полагаем целесообразным отметить, что с теоретических позиций принудительная реорганизация не в полной мере возможна для каждой корпорации, это достаточно важно учитывать в рамках потенциальной имплементации указанного способа защиты.

Как упоминалось ранее, принудительная реорганизация требует назначения лица, схожего с фигурой арбитражного управляющего либо ликвидатора корпорации.

Вероятно, более целесообразным в рамках рассмотрения спора о принудительной ликвидации корпорации, где стороны не имеют взаимного доверия, единственным возможным решением представляется утверждение судом фигуры арбитражного управляющего. С учетом российского опыта регулирования деятельности арбитражных управляющих обозначенный подход предопределит собой достоверную инвентаризацию активов и обязательств корпорации.

В ситуациях дедлоков в корпорации, вероятно, мог бы быть принят обратный подход, где непосредственно суд решал, в какой именно форме должна быть произведена принудительная реорганизация.

При дедлоке вполне очевидно, что определение формы реорганизации не может быть предопределено волей одной из сторон. В такой ситуации не представляется возможным представить одному из участников право выбирать, как именно разрешать корпоративный конфликт. Это, как представляется, справедливо и для вопроса выбора лица, распоряжающегося имуществом корпорации.

Вероятно, в рамках дедлока фигура арбитражного управляющего не является необходимой, поскольку стороны обращаются в суд в ситуации управленческого конфликта, без нарушения фидуциарных обязанностей.

Также представляется необходимым отметить, что при дедлоке не представляется возможным применить принудительную реорганизацию в случае, если в корпорации более двух участников. Для АО это очевидно в силу ст. 75 Закона об АО, которая регламентирует выход участника из непубличной корпорации в случае принятия решения о реорганизации. Для ООО подобная регламентация отсутствует, однако возможность свободного выхода лица из корпорации предопределяет трудности в рамках рассмотрения дела о принудительной реорганиазции.

Как мы видим, основной проблемой при реализации такого способа защиты в судебном порядке становятся не столько теоретические гражданско-правовые аспекты, сколько наиболее острые точки в рамках реорганизации как института корпоративного права в целом.

Кроме того, даже если мы представим, что, если такие препятствия остаются за пределами рассмотрения вопроса о надлежащем способе защиты, безусловно, нам необходимо предоставить суду максимально широкие полномочия в вопросе разделения имущества в передаточном акте при любой форме реорганизации. Практика наделения судов подобными полномочиями в сравнительно-правовой перспективе неизвестна. Наиболее остро указанная проблема проявляется при определении, какое юридическое лицо после реорганизации получит нематериальный актив – клиентелу, «гудвилл». Представляется, что на сегодняшнем этапе развития корпоративного права такой вопрос остается без ответа.

Вероятно, указанная проблема разрешается сужением горизонта применения потенциального способа защиты до ситуаций, в которых очевидно, что один из участников вел себя недобросовестно и неразумно.

В таком случае представляется возможным предоставить добросовестной стороне право выбирать форму реорганизации, а также ключевое, по его мнению, имущество пропорционально доли участия либо количеству акций у участника.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное комплексное исследование действующего отечественного законодательства, корпоративного законодательства зарубежных государств и сложившейся судебной практики и трудов, посвященных заданной тематике, показало ряд доктринальных, правоприменительных проблем в области защиты корпоративных прав участников корпораций, а также позволило обосновать выбранную автором методологию, показать состоятельность сформулированных автором положений на защиту.

Поиск подхода к регулированию способов защиты прав участников корпорации в спорах друг с другом является далеко не новой проблемой, которая не в достаточной степени была проработана отечественным законодателем, судебная практика, которая бы характеризовалась системным подходом к представленному виду корпоративных споров, не сложилась.

Установлено, что возникновение корпоративного конфликта в непубличных корпорациях определяется совокупностью факторов: ограниченный состав участников, закрепленный применительно к обществам с ограниченной ответственностью; сочетание неформализованного фактического контроля над корпорацией с выполнением участниками функций работников; отсутствие вторичного рынка для продажи доли участия или акций; широкий спектр способов применения конструкции непубличного хозяйственного общества в предпринимательской деятельности. Учет этих факторов применительно к каждому корпоративному конфликту в совокупности объективно направляет надлежащий подход к способам защиты корпоративных прав в спорах между участниками.

Исследование демонстрирует, что без системного подхода, учитывающего специфику непубличных корпораций, регулирование корпоративных конфликтов останется фрагментарным. Это требует дальнейшего развития доктрины корпоративного права, особенно в части противодействия злоупотреблению правами, для обеспечения справедливого и сбалансированного разрешения споров между участниками.

Доказано, что при квалификации действий участника как противоправных в отношении другого участника или группы участников для целей привлечения к корпоративной ответственности ключевым фактором является фидуциарный элемент в отношениях между участниками как сторонами товарищеского соглашения. Фидуциарность при этом рассматривается в качестве формализованного критерия. Обосновано, что объем корпоративных прав, определяемый размером доли в уставном капитале либо количеством акций, носит вторичный характер.

Продемонстрировано, что судебная практика, включая подходы СКЭС ВС РФ, косвенно подтверждает возможность применения элементов товарищеского соглашения к отношениям участников, однако полное отождествление корпоративной ответственности с договорной не представляется возможным. Корпорация как самостоятельный субъект гражданского оборота обладает собственными интересами, которые могут отличаться от интересов участников, что исключает прямое применение норм о простом товариществе.

Обосновано, что конструкция прямого иска, направленная на восстановление прав, в частности имущественных, добросовестного участника, реализуется через удовлетворение требований о преобразовании правоотношений, таких как исключение другого участника из корпорации или ликвидация корпорации. Эти меры направлены на прекращение или изменение существующих правоотношений между участниками.

Корпоративные конфликты в непубличных хозяйственных обществах возникают из-за сложности разделения интересов участников и корпорации, а также недостаточной защищенности имущественных прав участников в рамках существующей модели косвенных исков. Решение этих проблем требует учета фидуциарных обязанностей участников и внедрения новых механизмов защиты, таких как прямые иски и преобразование корпоративных правоотношений, чтобы обеспечить эффективное разрешение споров и защиту прав участников.

Установлено, что исключение участника из непубличного общества – это эффективный, но недостаточно проработанный инструмент защиты

корпоративных прав в спорах между участниками. Его правовая природа заключается в ответственности за нарушение фидуциарных обязанностей, а не только в защите интересов корпорации. Для повышения справедливости и эффективности применения необходимо:

1) установить четкие критерии исключения, основанные на нарушении фидуциарных обязанностей;

2) ввести механизм компенсации личных потерь добросовестных участников.

Эти изменения позволят сбалансировать защиту корпоративных интересов и прав участников, сделав исключение более предсказуемым и справедливым способом разрешения конфликтов.

Доказано, что ликвидация корпорации по иску участника не должна рассматриваться как экстраординарный способ защиты прав. Она применима в первую очередь в спорах между участниками непубличных корпораций при наличии существенных разногласий по дальнейшему управлению корпорацией, без нарушений участниками своих обязанностей или затруднения ими деятельности корпорации как обязательной предпосылки.

Обоснована необходимость развития инструментария прямого иска для компенсации экономических потерь участника в размере причиненных ему убытков. Взыскание отраженных убытков как способ защиты призвано разрешать споры непосредственно между участниками. Предложены ситуации для его применения: убытки от недобросовестных действий при сделках с долями, невозможность косвенного иска в пользу корпорации по формальным причинам, а также разбирательства, связанные с прекращением участия или ликвидацией корпорации. Выявленные особенности корпоративных конфликтов подчеркивают недостаток эффективных компенсационных механизмов в российском корпоративном праве. Предложенные решения обеспечивают баланс интересов сторон, минимизируя риски необоснованного вмешательства в управление и предотвращая манипуляции правовыми инструментами. Полученные результаты

вносят вклад в развитие теории и практики корпоративного права, создавая основу для дальнейших исследований и практического применения в правоприменении.

Сформулирован авторский подход к выкупу доли в уставном капитале (акций) в судебном порядке. Предложено установить возможность отчуждения доли по действительной стоимости без понижающего коэффициента в случае корпоративного конфликта. При отсутствии оснований для выкупа участнику предоставляется право выхода из корпорации с компенсацией потерь, связанных с нарушением инвестиционных ожиданий. Для акционерных обществ аналогичное право предлагается в рамках пятилетнего срока, установленного Законом об АО.

Разработана конструкция принудительной реорганизации по иску участника как способа защиты прав, как показало исследование, внедрение принудительной реорганизации сопряжено с рядом существенных практических препятствий, включая информационную асимметрию, необходимость определения формы реорганизации, распределения активов (включая нематериальные) и сложную процессуальную регламентацию. Тем не менее, признавая ограниченность универсального применения, наиболее целесообразным представляется сужение сферы применения данного механизма до случаев недобросовестного поведения одного из участников, с предоставлением добросовестной стороне права выбора формы реорганизации и определения ключевого имущества. Таким образом, несмотря на вызовы, дальнейшая проработка и имплементация института принудительной реорганизации в российское корпоративное право является необходимым шагом для эффективной защиты прав участников непубличных корпораций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные и иные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – № 237. – 1993. – 25 дек.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (часть вторая) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июня 1998 г. № 147-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

6. Закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации 1992, № 17. Ст. 888

7. Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.

8. Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

9. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

10. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 1.

11. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785.

12. Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ – 1998 – № 31 – Ст.3813.

13. Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 13. – Ст. 1177.

14. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (ч.1). – Ст. 41.

15. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3434.

16. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ.2011. № 19. Ст. 2716.

17. Федеральный закон от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» //Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 49 (ч. 1). – Ст. 7013.

18. Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»»// Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 49 (ч. I). Ст. 7494.

19. Распоряжение Правительства РФ от 2 июля 2020 № 1723-р «Об утверждении плана мероприятий (“дорожной карты”) реализации механизма управления системными изменениями нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности “ "Трансформация делового климата” “Корпоративное управление, специальные административные районы, процедура банкротства, оценочная деятельность”» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 29. – Ст. 4689.

20. Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. и распоряжение Правительства РФ № 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – №. 1. – Ст.477.

21. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2009. – № 11.

Проекты нормативных правовых актов Российской Федерации

22. Проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обществах с ограниченной ответственностью”» № 876952-8 // Официальный сайт системы обеспечения законодательной деятельности. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/876952-8

Акты и проекты актов международного права и иностранных государств

23. Проект Статута Европейской частной компании – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=legissum:mi0007 (дата обращения: 23.07.2025).

24. Гражданский кодекс Королевства Нидерландов (Burgerlijk Wetboek). – URL: http://www.dutchcivillaw.com/civilcodebook022.htm.

25. Закон Великобритании о компаниях 2006 г. (Companies Act 2006). – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents.

26. Гражданский кодекс Франции (Code civil). – URL: https://www.trans-lex.org/601101/_/french-civil-code-2016/.

27. Единообразный закон о компаниях с ограниченной ответственностью (Limited Liability Company Act). – URL: https://www.uniformlaws.org/committees/communityhome?CommunityKey=bbea059 c-6853-4f45-b69b-7ca2e49cf740

Акты органов судебной власти

28. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2000 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104

Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой компании «Timber Holdings International Limited»» // Собрание законодательства РФ 2000. № 21. ст. 2258.

29. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 июня 2000 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Тверская прядильная фабрика» // Собрание законодательства РФ 2000. № 24. ст. 2658.

30. Постановление Конституционного Суда РФ от 01 апреля 2003 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 7 Федерального закона «Об аудиторской деятельности» в связи с жалобой гражданки И.В. Выставкиной» // Собрание законодательства РФ 2000. № 15. ст. 1416.

31. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Собрание законодательства РФ 2004. № 9, ст. 830

32. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 2009 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 29 Закона Российской Федерации “О милиции” и статьи 1084 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Нижегородского районного суда города Нижнего Новгорода и Сормовского районного суда города Нижнего Новгорода» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 31. ст. 3997

33. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2010 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации “О занятости населения в Российской Федерации” в связи с жалобой

гражданина Н.И. Гущина» // Собрание законодательства РФ 2010. № 23. ст. 2934

34. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2012 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта “в” части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона “О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 1. – ст. 78.

35. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2014 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 19 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Фирма Рейтинг»» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 9. ст. 951.

36. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 апреля 2015 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта “а” части второй статьи 166 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Кряжева» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 15. ст. 2460.

37. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 8 от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 9, – 1997. – № 5.

38. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 14 от 9 декабря 1999 г. «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 3.

39. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 ноября 2003 г. № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об

акционерных обществах”» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации». – 2005. – № 12.

40. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, – 2013. – № 10.

41. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 2015 . № 8.

42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 5.

43. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // СПС «Консультант Плюс».

44. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «Консультант Плюс».

45. Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 мая 2012 г. № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2012. – № 8.

46. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховным Судом РФ 25 декабря 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 5.

47. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 09 ноября 2016 г. по делу № 336-ПЭК16 по делу А26-10819/2012 // СПС «Консультант Плюс».

48. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 8 октября 2014 г. № 306-ЭС14-14 по делу А06-2044/2013 // СПС «Консультант Плюс».

49. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 августа 2016 г. по делу № 305-ЭС16-3884 // СПС «Консультант Плюс».

50. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 декабря 2016 г. № 305-ЭС16-10038 по делу №А40-51672/2015 // СПС «Консультант Плюс».

51. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19 августа 2019 г. № 301-ЭС17-18814 по делу № А43-1397/2017 // СПС «Консультант Плюс».

52. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22 октября 2019 г. № 305-ЭС19-8916 по делу № А41-6748/2018 // СПС «Консультант Плюс».

53. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 // СПС «Консультант Плюс».

54. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-24465 по делу № А40-139499/2021 // СПС «Консультант Плюс».

55. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 декабря 2023 г. № 307-ЭС23-10613 по делу № А56-6328/2021 // СПС «Консультант Плюс».

56. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 3 сентября 2024 г. по делу № 305-ЭС23-30144 № А40-265796/2022 // СПС «Консультант Плюс».

57. Определение Верховного Суда РФ от 25 марта 2024 г. № 304-ЭС22-20993 по делу № А45-14985/2020 // СПС «Консультант Плюс».

58. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 1 октября 2024 г. № 307-ЭС24-3945 по делу № А56-117243/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

59. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14 июля 2025 г. № 308-ЭС25-302 по делу № А15-4266/2023 // СПС «КонсультантПлюс»

60. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 октября 2008 г. № 8115/08 по делу № А40-72274/06-131-501 // СПС «Консультант Плюс».

61. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 сентября 2013 г. № 3744/13 по делу № А28-358/2012 // СПС «Консультант Плюс».

62. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 августа 2008 г. № 10333/08 по делу № А40-65892/07-48-595 // СПС «Консультант Плюс».

63. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 октября 2013 г. № ВАС-14817/13 по делу № А53-3054/13 // СПС «Консультант Плюс».

64. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 октября 2013 г. № ВАС-14602/13 по делу № А70-11153/2012 // СПС «Консультант Плюс».

65. Постановление ФАС Поволжского округа от 19 марта 2010 г. по делу № А72-6296/2009 // СПС «Консультант Плюс».

66. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 7 октября 2016 г. № Ф06-12345/2016 по делу № А57-30921/2015 // СПС «Консультант Плюс».

67. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23 декабря 2016 г. № Ф04-5912/2016 по делу № А45-7338/2016 // СПС «Консультант Плюс».

68. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30 июня 2017 г. № Ф06-21530/2017 по делу № А49-5822/2016// СПС «Консультант Плюс».

69. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 6 сентября 2017 г. № Ф07-9053/2017 по делу № А13-15926/2014 // СПС «Консультант Плюс».

70. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 8 ноября 2017 г. № Ф05-16212/2017 по делу № А40-207433/2016 // СПС «Консультант Плюс».

71. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 декабря 2017 г. № Ф05-17756/2017 по делу № А40-130391/16 // СПС «Консультант Плюс».

72. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29 января 2018 г. по делу № А13-16921/2016 // СПС «Консультант Плюс».

73. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 августа 2018 г. № Ф05-12798/2018 по делу № А41-80608/2017 // СПС «Консультант Плюс».

74. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 3 июня 2020 г. № Ф01-9502/2020 по делу № А43-30889/2019 // СПС «Консультант Плюс».

75. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 2 сентября 2021 г. № Ф09-6397/2021 по делу № А50-21461/2020 // СПС «Консультант Плюс».

76. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 октября 2021 г. № Ф05-17977/2021 по делу № А41-71585/2020 // СПС «Консультант Плюс».

77. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 7 февраля 2022 г. № Ф09-9305/21 по делу № А07-10214/2020 // СПС «Консультант Плюс».

78. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 февраля 2022 г. № Ф05-1026/2022 по делу № А40-49105/2021 // СПС «Консультант Плюс».

79. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 июня 2022 г. № Ф05-12529/2022 по делу № А41-50776/2021 // СПС «Консультант Плюс».

80. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17 ноября 2022 г. № Ф05-21598/2022 по делу № А40-223327/2021// СПС «Консультант Плюс».

81. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 ноября 2022 г. № Ф05-29235/2022 по делу № А41-67665/2021 // СПС «Консультант Плюс».

82. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 7 июня 2023 г. № Ф10-2183/2023 по делу № А62-4885/2019 // СПС «Консультант Плюс».

83. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 июня 2023 г. № Ф05-12815/2023 по делу № А40-203002/2022 // СПС «Консультант Плюс».

84. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13 февраля 2024 г. № Ф09-9484/2023 по делу № А50-19753/2022 // СПС «Консультант Плюс».

85. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11 апреля 2024 г. № Ф04-524/2024 по делу № А46-2809/2023 // СПС «Консультант Плюс».

86. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 августа 2024 г. № Ф05-14824/2024 по делу № А40-114865/2023 // СПС «Консультант Плюс».

87. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13 сентября 2024 г. № Ф08-3263/2024 по делу № А01-4552/2022 // СПС «Консультант Плюс».

88. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11 июля 2024 г. № Ф06-4535/2024 по делу № А57-34923/2022 // СПС «Консультант Плюс».

89. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 сентября 2024 г. № Ф05-14679/2024 по делу № А41-3594/2023 // СПС «Консультант Плюс».

90. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 октября 2024 г. № Ф05-14694/2024 по делу № А41-74044/2021 // СПС «Консультант Плюс».

91. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17 февраля 2025 г. № Ф03-13/2025 по делу № А73-5164/2023 // СПС «Консультант Плюс».

92. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 марта 2025 г. № Ф05-31443/2024 по делу № А40-228286/2022 // СПС «Консультант Плюс».

93. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 апреля 2025 г. № Ф05-4244/2025 по делу № А40-49164/2024 // СПС «Консультант Плюс».

94. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30 июня 2025 г. № Ф08-2795/2025 по делу № А15-3289/2024 // СПС «Консультант Плюс».

95. ; Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 июля 2015 г. № 20АП-3500/2015 // СПС «Консультант Плюс».

96. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 июля 2016 г. по делу № А57-30921/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

97. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 октября 2016 г. по делу № А53-11452/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

98. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 мая 2024 г. № 13АП-8076/2024 по делу А56-36764/2023 // СПС «Консультант Плюс».

99. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11 апреля 2024 г. № 09АП-6565/2024 по делу № А40-122488/2023 // СПС «Консультант Плюс».

100. Решение Арбитражного суда Смоленской области от 31 марта 2015 г. по делу № А62-7403/2014

101. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 1 июня 2017 г. по делу № А56-7449/2017 // СПС «Консультант Плюс».

102. Решение Арбитражного суда Томской области от 27 марта 2018 г. по делу № А67-10385/2017 // СПС «Консультант Плюс».

103. Решение Арбитражного суда города Москвы от 4 мая 2021 г. по делу № А40-88043/2020 // СПС «Консультант Плюс».

104. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 10 сентября 2024 г. по делу № А33-9999/2023// СПС «Консультант Плюс».

Акты органов судебной власти зарубежных государств

105. Bramelid v Sweden (8588/79) (1983) 5 E.H.R.R. 249 (12 October 1982).

106. Agrotexim and Others v. Greece (14807/89) [1995] (24 October 1995).

107. Mkhchyan v. Russian Federation (54700/12) (7 February 2017).

108. BGH Urteil v. 16.12.1991 - II ZR 58/91.

109. BGH Urteil v. 24.05.1993 - II ZR 36/92

110. BGH Urteil v. 20.03.1995 - II ZR 205/94.

111. Hoge Raad 2 december 1994, NJ 1995, 288.

112. Hoge Raad 16 februari 2007, NJ 2007, 256.

113. Hoge Raad 12 oktober 2018, 2017, NJ, 2554.

114. Cour de cassation [Cass.] com., Feb. 8, 2011, Bull. civ. IV, No. 09-17034.

115. Cour de cassation [Cass.] com., Jan. 28, 2014, Bull. civ. IV, No. 12-27901.

116. Foss v. Harbottle (1843) 2 Hare 461(1843) 67 ER 189.

117. Donahue v. Rodd Electrotype Co. of New England, Inc. [1975] 328 N.E.2d

118. Prudential Assurance Co., Ltd v. Newman Industries Ltd (No. 2) [1982] Ch.

119. George Fischer (Great Britain) Ltd v Multi Construction Ltd [1995] 1 BCLC 260.

120. Stein v Blake (No 2) [1998] 1 BCLC 573.

121. Johnson v Gore Wood & Co [1999] BCC 474 (CA).

122. Day v Cook [2001] EWCA Civ 592

123. Quadmost Ltd v Reprotech (Pebsham) Ltd [2001] BPIR 349.

124. Humberclyde Finance Group Ltd v Hicks [2001] All ER (D) 202 (Nov).

125. Johnson v. Gore Wood & Co. [2002] 2 AC 1.

126. Giles v. Rhind [2003] CH 618.

127. Gardner v. Parker [2004] 1 BCLC 417 [34].

128. Webster v. Sandersons Solicitors (A Firm) [2009] 2 BCLC 542, [54].

Научная литература на русском языке

129. Абдулкадиров Т. Миноритарный активизм как недобросовестный способ реализации прав акционера / Т. Абдулкадиров // Вестник арбитражной практики. – 2018. – №. 3. – С. 29–35.

130. Асосков А.В., Байбак В.В., Бевзенко Р.С. и др. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0]

131. Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: монография / В.К. Андреев, В.А. Лаптев. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2017. – 352 с.

132. Барков А.В., Габов А.В., Голубцов В.Г. и др. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1 – 5 / под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2015. – 662 с.

133. Байбак В.В. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, О.М. Иванов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2019. – 1282 с.

134. Беккер Д., Беккер А. Косвенные иски в корпоративном праве России: критика действующей и возможная смена концепции / Д. Беккер, А. Беккер // Цивилисты о юридических лицах: сборник научно-практических публикаций. – М.: Ассоциация выпускников РШЧП, 2022. – С. 140–181.

135. Богданов Д.Е. Анализ правовых подходов к возмещению чистых экономических потерь в зарубежном праве / Д.Е. Богданов //Журнал российского права. – 2012. – № 3. – С. 82–91.

136. Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Бойко Татьяна Станиславовна. – М., 2017. – 290 с.

137. Бойко Т.С. Защита миноритариев от притеснения со стороны мажоритарий в непубличных обществах // Вестник экономического правосудия РФ. – 2017. – № 7. – 112–156

138. Бойко Т.С. в праве Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества России, США и Великобритании / Т.С. Бойко. – М.: Статут, 2019. – 255 с.

139. Бойко Т.С. Ответственность участника хозяйственного общества перед другим участником / Т.С. Бойко // Закон. – 2017. – № 3. – С. 116–136.

140. Бойко Т. С. Выкуп доли миноритарного участника как способ защиты от притеснения со стороны мажоритарного участника / Т.С. Бойко // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО. – М.: М-Логос, 2020. – С. 13–47.

141. Будылин С.Л. Тезисы к научно-практическому круглому столу 27.04.2018 / Л.С. Будылин // М-Логос. Юридический институт. – URL: http://m-logos.ru/img/M-Logos_Budilin_27042018.pdf (дата обращения: 01.06.2025).

142. Будылин С. Является ли акционер фидуциарием? Американский путь // ZAKON RU. URL: http://zakon.ru/Blogs/yavlyaetsya_li_akcioner_fiduciariem_amerikanskij_put/14157 (дата обращения: 01.06.2025).

143. Вайпан В.А. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 т. / В.А. Вайпан, А.В. Габов, Е.П. Губин и др.; под ред. И.С. Шиткиной. – М.: Статут, 2021. – Т. 1. – 622 с.

144. Васильева Т.А. Косвенный иск в цивилистическом процессе (сравнительно-правовое исследование): дис. … канд. юрид. наук 12.00.15 / Васильева Татьяна Андреевна – Новосибирск, 209. – 275 с.

145. Власова А.С., Удалова Н.М. Право учредителя (участника) на ликвидацию юридического лица в судебном порядке // Закон. 2017. – № 10. – С. 154 –166.

146. Габов, А.В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве / А.В. Габов. - Москва : Статут, 2010. - 253 с.

147. Гентовт О.И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ: монография / О.И. Гентовт. – М.: Статут. 2022. – 214 с.

148. Грибанов В.П. Интерес в гражданском праве // Советское государство и право. 1967. № 1. С. 49–56

149. Глазунов А.Ю.. Защита имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ на примере отдельных институтов гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021

150. Глазунов А.Ю. Ответственность миноритарных участников корпораций за нарушение фидуциарных обязанностей: возможна ли такая конструкция? / А.Ю. Глазунов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 4. – С. 138–179.

151. Глушецкий А.А. Коммерческие корпорации: виды и организационное устройство / А.А. Глушецкий. – М.: Статут, 2023. – 294 с.

152. Горева А.А. Общая цель и внесение вкладов как признаки договора простого товарищества: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.3 / Горева Анастасия Алексеевна – М., 2024. – 187 с.

153. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: «Статут», 2000. – 411 с.

154. Гуреев В.А. Проблемы защиты прав и интересов акционеров в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук: 12 00 03/ Гуреев Владимир Александрович – М., 2007. – 219 с.

155. Гуссаковский П.Н. Вопросы акционерного права / П.Н. Гуссаковский. – Петроград: Сенатская Типография, 1915. – 115 с.

156. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 39–52.

157. Гутников О.В. Исключение участника юридического лица: мера ответственности и способ защиты корпоративных прав // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2015. - № 2. - С. 102-127.

158. Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции: монография. М.: Волтерс Клувер, 2006. - 736 с

159. Долинская В.В. Изменения в арбитражном процессуальном законодательстве и право корпораций / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 10. – С. 58–62.

160. Долинская В.В. Понятие корпоративных конфликтов / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 6. – С. 4–11

161. Ерчак С.В. Иски корпорации, предъявляемые ее участниками / С.В. Ерчак // Актуальные проблемы российского права. –2024. – № 6. – С. 86–101.

162. Ефимов А.В. Экономическая деятельность и правовое положение юридических лиц // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 3. – С. 75-94.

163. Ефимов А.В. Правовое обеспечение баланса интересов в корпоративных группах // Закон. – 2022 – № 6 – С. 101 – 115.

164. Зикун И.И. Конструкция доверительного управления в гражданском праве: нефидуциарная фидуциарность / И.И. Зикун // Вестник гражданского права. – 2017. – №. 3. – С. 52–102.

165. Ионова Д.Ю. Косвенные иски как способ защиты интересов участников коммерческих корпораций / Д.Ю. Ионова // Российский судья. – 2018. – № 7. – С. 17–22.

166. Иоффе О.С. Избранные труды: в 4 т. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. Т. 3. . – 835 с.

167. Капелюшников Р.И. Незащищенность прав собственности и ее экономические последствия: российский опыт / Р.И. Капелюшников // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2012. – №. 1.– С. 150–153

168. Карапетов А.Г. Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.03. / Карапетов Артем Георгиевич – М. – 2011. – 499 с.

169. Карапетов А.Г. Экономический анализ права / А.Г. Карапетов. – М.: Статут, 2016. – 528 с.

170. Кипаренко А.Ю. Косвенный иск участника корпорации: прямая и представительская модели / А.Ю. Кипаренко // Вестник гражданского права. – 2023. – № 3. – С. 230–257.

171. Копяков А.А. Проблема возмещения чистых экономических убытков в российском гражданском праве / А.А. Копяков //Вестник гражданского права. – 2020. – №. 1. – С. 146–196.

172. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 1. – М.: Статут, 2017. – 975 с.

173. Косорукова И.В. Рекомендации по использованию Федерального стандарта оценки «Оценка бизнеса (ФСО № 8)» // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 10 С. 82 - 96.

174. Костин Е.В. Исключение участника из непубличной корпорации как способ защиты права // Современный юрист. 2022. № 4. С. 54–65.

175. Костин Е.В. Отраженные убытки: понятие и содержание // Юрист. 2024. № 11. С. 13 – 19.

176. Костин Е.В. Ликвидация хозяйственного общества по иску участника и исключение участника хозяйственного общества: конвергенция способов защиты прав // Юридический мир. 2024. № 12. С. 30–33.

177. Кузнецов А.А. Злоупотребление правом в правоотношениях между акционером и акционерным обществом: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03/ Кузнецов Александр Анатольевич. – Самара., 2012. – 173 с.

178. Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью / А.А. Кузнецов. – М.: Статут, 2014. – 141 с.

179. Кузнецов А.А. Косвенные иски в корпоративном праве России: материально-правовой аспект / А.А. Кузнецов // Закон. – 2020. – № 11. – С. 76–86.

180. Кузнецов А.А. Новая жизнь российского корпоративного права и ограничения на отчуждение доли (акций). Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 / А.А. Кузнецов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 8. – С. 4–24.

181. Кузнецов А.А., Новак Д.В. Вопросы корпоративного права в Постановлении Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 / А.А. Кузнецов, Д.В. Новак // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 12. – С. 26–60.

182. Кузнецова Л.В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2006. № 9. С. 116–122.

183. Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография / В.А. Лаптев. – М.: Проспект, 2019. – 384 с.

184. Лаптев В.А., Ефименко Е.Н. Корпоративные конфликты: причины возникновения и способы защиты / В.А. Лаптев, Е.Н. Ефименко // Lex Russica. – 2013. – № 3. – С. 268–279.

185. Лаптев В.А. Понятие и место корпоративной ответственности в системе юридической ответственности // Юрист. 2025. № 3. С. 2–9.

186. Лаптев В.В. Акционерное право / В.В. Лаптев. – М.: Юрид. фирма «Контракт»: Инфра-М, 1999. – 254 с.

187. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах / Д.В. Ломакин. – М.: Статут, 2008. – 511 с.

188. Ломакин Д.В. Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений: за и против / Д.В. Ломакин // Гражданское право. – 2019. – № 4. – С. 3–8.

189. Ломакин Д.В. От корпоративного интереса через злоупотребление корпоративным правом к корпоративному спору / Д.В. Ломакин // Корпоративный юрист. – 2006. – № 2. – С. 29–34.

190. Лугманов Р.Р. Деликтное право как средство взыскания чисто экономических убытков / Р.Р. Лугманов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 2. – С. 115–153.

191. Лянгузова Е.М. Злоупотребления при распределении имущества ликвидированной корпорации: судебно-правовой аспект / Е.М. Лянгузова // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 5. – С. 114–122.

192. Лянгузова Е.М. Злоупотребление корпоративными правами хозяйственным обществом и его участниками: дисс. … канд. юрид. наук: 5.1.3/ Лянгузова Екатерина Михайловна – М., 2024. – 203 с.

193. Малкина В.И. Конфликт интересов и корпоративный конфликт: проблемы классификации и соотношения понятий // Юрист. 2018. № 4. С. 46–54

194. Макаревич В.Г. Юридическая помощь адвоката при корпоративном конфликте // Адвокатская практика. 2023. № 2. С. 25–29

195. Минина И.А. Корпоративная ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности // Законодательство и экономика. 2009. № 12. С. 33–35

196. Молотников А.Е. Проблема злоупотребления правом в корпоративных конфликтах // Слияния и поглощения. – 2004. – № 12. – С. 59–63.

197. Молотников А.Е. Ответственность в акционерных обществах. М.: Волтерс Клувер, 2006 – 230 с.

198. Нечаев В.Н. Фидуция // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб.: Акционерное издательское общество «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон», 1890–1907. – Т. XXXVa (1902).

199. Оборов А.С. Предпринимательская деятельность и корпоративный контроль в коммерческой корпорации / А.С. Оборов // Предпринимательское право. – 2022. – № 1. – С. 68–74.

200. Осипенко О.В. Корпоративная конфликтология: монография / О.В. Осипенко.– М.: Статут, 2022. – 760 с.

201. Решетникова И.В. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / И.В. Решетникова // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 5. – С. 107–124; – № 6. – С. 97–116.

202. Синицын С.А. Деликтная ответственность в корпоративном праве // Журнал российского права. 2019. № 10. С. 54–68.

203. Синицын С.А. Право на дивиденд: возникновение, содержание, осуществление и защита / С.А. Синицын // Вестник гражданского права. – 2018. – № 4. – С. 91–131.

204. Смирнова Я.А. Злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03/ Смирнова Яна Александровна.. – М. 2019. – 246 с.

205. Соловьева С.В. Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3-х т. Т. 1 Общие положения о юридических лицах /А.В. Габов, О.В. Гутников, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Синицын. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015 — 384 с.

206. Степанов Д.И. Новые положения Гражданского кодекса о юридических лицах // Закон. 2014. –№ 7. – С. 31–55.

207. Степанов Д.И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики / Д.И. Степанов //

Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 9. – С. 60–113; – № 10. – С. 62–115.

208. Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников / Д.И. Степанов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 1. – С. 29–83.

209. Степанов Д.И. Убытки акционера из-за утраты акциями стоимости не могут быть взысканы с самого акционерного общества. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 05.12.2016 № 305-ЭС16-10038 / Д.И. Степанов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 1. – С. 21–26.

210. Степанов. Д.И. Как судам отделить рыночно-обоснованные внутригрупповые сделки от сделок, где страдают миноры? Это проблема проблем… Интервью / Д.И. Степанов // Цивилисты о юридических лицах: сборник научно-практических публикаций. – М.: Ассоциация выпускников РШЧП, 2022. – С. 5-15

211. Степанов Д.И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам / Д.И. Степанов. – М.: Статут, 2021. – 284 с.

212. Степанов Д.И. Ключ от всех дедлоков / Д.И. Степанов // Корпоративный юрист. – 2015. – № 2. – С. 46–50.

213. Степанов Д.И. Модели удерживания участника в непубличной корпорации: блокирование на срок или бессрочно / Д.И. Степанов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 12. – С. 102–156.

214. Суханов Е.А. Очерк сравнительного корпоративного права // Проблемы развития частного права: сборник статей к юбилею В.С. Ема / отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М.: Статут, 2011. С. 156 – 198.

215. Суханов Е.А. Комментарий к ст. 65.1–65.3 ГК РФ / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2014. – № 3. – С. 107–130.

216. Суханов Е.А. О систематике юридических лиц в современном российском праве / Е.А. Суханов // Кодификация российского частного права 2019 / под ред. Д.А. Медведева. – М.: Статут, 2019. – С. 83–97.

217. Сырбо В.А. Отечественный и зарубежный опыт гражданско-правового регулирования фидуциарных отношений: история и современность: дис. … канд. юрид наук: 12.00.03 / Сырбо Владислав Анатольевич – М., 2008. – 216 с.

218. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях / И.Т. Тарасов. – Киев: Типография В.И. Завадского, 1878.

219. Тимаева И.А. Злоупотребление правом в хозяйственных обществах возникновения и способы защиты: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Тимаева Ирина Альбертовна. – Казань, 2007. – 185 с.

220. Токарев Д.А. Злоупотребление правом в хозяйственных обществах: условия возникновения и способы защиты: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Токарев Дмитрий Анатольевич. – Волгоград 2010. – 211 с.

221. Толстой Ю.К. Важно обеспечить единообразие судебной практики / Ю.К. Толстой // Закон. – 2009. – № 11. – С. 12–16.

222. Туктаров Ю.Е. Чисто экономические убытки / Ю.Е. Туктаров // Убытки и практика их возмещения: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. – М., 2006. – С. 138–168.

223. Чичакян Р.А. Косвенные иски: сравнительно-правовой анализ Франции, Италии и России / Р.А. Чичакян // Вестник гражданского права. – 2018. – № 5. – С. 7–49.

224. Чупрунов И.С. Начало «новой жизни» в российском корпоративном праве. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 / И.С. Чупрунов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 8. – С. 25–68.

225. Федосеев А.А. Гражданско-правовой принцип сотрудничества в доктрине континентального права: распространение за пределы договорных правоотношений / А.А. Федосеев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – № 2. – С. 346–371.

226. Фейзрахманова Д.Р. Корпоративный договор и иные соглашения как правовой инструмент предупреждения и разрешения корпоративных конфликтов / Д.Р. Фейзрахманова // Российская юстиция. – 2020. – № 12. – С. 12–15.

227. Филиппова С.Ю. Исключение акционера из непубличного акционерного общества: комментарий новелл Гражданского кодекса РФ //. Хозяйство и право. – 2014. – № 7. – С. 99–113.

228. Шаматонов А.И. Принудительная ликвидация ООО и непубличного АО по заявлению участника (подп. 5 п. 3 ст. 61 ГК РФ): российский и зарубежный опыт / А.И. Шаматонов // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО / отв. ред. А.А. Кузнецов. – М.: Статут, 2020. – С. 411–461.

229. Щенникова Л.В. Система оснований прекращения (лишения) права собственности как необходимое условие эффективной реализации принципа неприкосновенности собственности / Л.В. Щенникова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – Вып. 44. – С. 329–351.

230. Щепкин М.П. Наши акционерные порядки / М.П. Щепкин. – М.: Типография М.П. Щепкина, 1884.

231. Янковский Р.М. Организационно-правовые формы венчурного инвестирования (часть 3): проблема организационно-правовой формы проектной компании / Р.М. Янковский // Право и экономика. – 2017. – № 9. – С. 22–29.

Научная литература на английском языке

232. Armour J., Hansmann H., Kraakman R. Agency Problems and Legal Strategies / J. Armour, H. Hansmann, R. Kraakman // The Anatomy of Corporate Law. A Comparative and Functional Approach. – 3rd ed. – Oxford University Press, 2009.

233. Brinkman T. Minority Protection under Section 459 of the Companies Act 1985. A Comparison with the Law of the German GmbH (Private Limited Company) / T. Brinkman // European Business Law Review. – 2002. – Vol. 13.

234. Black B., Kraakman R., Tarassova A. Russian privitization and corporate governance: What went wrong / B. Black, R. Kraakman, A. Tarassova // Stan.L.Rev. – 1999. – No. 52. – P. 1731–1808.

235. Blair M.M. Locking in capital: What corporate law achieved for business organizers in the nineteenth century / M.M. Blair // UClA l. Rev. – 2003. – Vol. 51. – P. 387–455.

236. Cahn A. The Shareholders' Fiduciary Duty in German Company Law / A. Cahn // Nordic & European Company Law Working Paper №. 18-13. – 2017. – P. 347–361.

237. Chaisse J., Zhuoyue L.L. Shareholder Protection Reloaded – Redesigning the Matrix of Shareholder Claims for Reflective Loss / J. Chaisse, L.L. Zhuoyue // Stanford Journal of International Law. – 2016. – Vol. 52. – Iss. 1. – P. 51–94.

238. De Jong B.J. Shareholders' Claims for Reflective Loss: A Comparative Legal Analysis / B.J. De Jong // European Business Organization Law Review. – 2013. – Vol. 14. – No. 1. – P. 97–118.

239. De Wulf H. Direct shareholder suits for damages based on reflective loss / H. De Wulf // Festschrift für Klaus J. Hopt zum 70. Geburtstag am 24. August 2010: Unternehmen, Markt Und Verantwortung / ed. Stefan Grundmann, Hanno Merkt, & Brigitte Haar. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2010. – P. 1537–1564.

240. Easterbrook F.H., Fischel D.R. The Economic Structure of Corporate Law. – Cambridge, Massachusetts London, England: Harvard University Press, 1991. – 370 p.

241. Fleischer H. Comparative Corporate Governance in Closely Held Corporations // The Oxford Handbook of Corporate Law and Governance / J.N. Gordon, W.G. Ringe (eds). Oxford, 2018 – 1490 p.

242. Fleischer H. Shareholder Conflicts in Closed Corporations // Bachmann G., Eidenmuller H., Engert A., Fleischer H., Schon W. Regulating the Closed Corporation. New York: De Gruyter, 2014. – 266 p.

243. Frankel. T. The New Palgrave Dictionary of Economics and the Law, Definition of «fiduciary duties» Calif. L. Rev. – 1983. – Vol. 71. – P. 795 - 819.

244. Gelter M. Why Do Shareholder Derivative Suits Remain Rare in Continental Europe / M. Gelter // Brooklyn Journal of International Law. – 2012. – Vol. 37. – No. 3. – P. 843–892.

245. Illig R.C. Minority Investor Protections as Default Norms: Using Price to Illuminate the Deal in Close Corporations / R.C. Illig //Am. UL Rev. – 2006. – Vol. 56/ – P. 275–366.

246. Jensen M., Meckling W. Theory of the firm: Managerial Behavior, Agency costs and Ownership Structure / M. Jensen, W. Meckling // Journal of Financial Economics. – 1976. – Vol. 3. – P. 305–360.

247. Joffe V. et al. Minority Shareholders: Law, Practice and Procedure. Oxford University Press, USA, 2011 – 609 p.

248. Koh, Alan K., Reconstructing the Reflective Loss Principle / Koh, Alan K.// Journal of Corporate Law Studies –2016 Vol. 16 – 373 – 401.

249. Koh A.K. Shareholder Protection in Close Corporations: Theory, Operation, and Application of Shareholder Withdrawal / F.K. Koh. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

250. Miller S.K. Minority shareholder oppression in the private company in the European Community: a comparative analysis of the German, United Kingdom, and French close corporation problem / S.K. Miller //Cornell Int'l LJ. – 1997. – Vol. 30. – No. 2. – Article 4.

251. Moll D.K. Shareholder Oppression and Fair Value: of Discounts, Dates, and Dastardly Deeds in The Close Corporation // Duke LJ. 2004. Vol. 54. P. 293 -383.

252. Schmolke K.U. Expulsion and Valuation Clauses–Freedom of Contract vs. Legal Paternalism in German Partnership and Close Corporation Law / K.U. Schmolke // European Company and Financial Law Review. – 2012. – Vol. 9. – No. 3. – P. 380–419.

253. Scogin Jr H.T. Withdrawal And Expulsion In Germany: A Comparative Perspective On The Close Corporation Problem / Jr H.T. Scogin //Mich. J. Int'l L. – 1993. – Vol. 15.– P. 127–183.

254. Slee, R.T. Private Capital Markets: Valuation, Capitalization, and Transfer of Private Business Interests: Second Edition. – Hoboken, New Jersey.: John Wiley & Sons. 2015.

255. Velasco J. The fundamental rights of the shareholder / J. Velasco // UC Davis L. Rev. – 2006 – P. 407–468.

Научная литература на немецком языке

256. Fleischer H. Gesellschafterkonflikte in geschlossenen Kapitalgesellschaften Bachmann G. et al. Rechtsregeln für die geschlossene Kapitalgesellschaft. – Berlin: De Gruyter, 2012. – Vol. 18.

257. Gesammelte Schriften, edited by Peter Hommelhoff and Uwe H. Schneider. – Berlin, New York: De Gruyter, 2011. – P. 385–518.

258. Lutter M. Gesammelte Schriften, Hommelhoff P., Schneider, U. Berlin, New York: De Gruyter, 2011.

259. Mueller, H-F. Das Austrittsrecht des GmbH-Gesellschafters. – Köln: Carl Heymanns, 1996.

260. Röhricht V. "Zum Austritt des Gesellschafters aus der GmbH". Festschrift für Alfred Kellermann zum 70. Geburtstag am 29. November 1990. – Berlin, Boston: De Gruyter, 1991.

261. Strohn L. Geht nicht – geht doch: Warum es für die Lösung des Problems «Einziehung und Abfindung» 59 Jahre brauchte. Festschrift Für Alfred Bergmann Zum 65. Geburtstag Am 13. Juli 2018.

262. Ulmer P., Habersack M. ‘Anhang § 34 Ausschließung und Austritt von Gesellschaftern in: GmbH-Gesetz, Band I: Kommentar mit Anhang Konzernrecht. – Köln: Verlag Dr. Otto Schmidt; 2018.

263. Wedemann F. Gesellschafterkonflikte in geschlossenen Kapitalgesellschaften / F. Wedemann. – Tübingen Mohr Siebeck, 2013.

264. Wiedemann H. Die Uebertragung und Vererbung von Handelsgesellschaften / H. Wiedemann München: C. H. Beck, 1965.